



2013 Том 2, No 1 Volume 2, No 1 MOSCOW

ISSN 2226-0773

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЛЬМАНАХ
INTERNATIONAL ALMANAC

ГУМАНИТАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
HUMANITY SPACE



Том 2, No 1
Volume 2, No 1

МОСКВА
MOSCOW

ISSN 2226-0773

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЛЬМАНАХ
INTERNATIONAL ALMANAC

ГУМАНИТАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
HUMANITY SPACE

Том 2, No 1
Volume 2, No 1

МОСКВА
MOSCOW
2013

Гуманитарное пространство
***Международный альманах* ТОМ 2, No 1, 2013**

Humanity space
***International almanac* VOLUME 2, No 1, 2013**

Главный редактор / Chef Editor: **М.А. Лазарев / M.A. Lazarev**
E-mail: **cerambycidae@fromru.com**
Дизайн обложки / Cover Design: **М.А. Лазарев / M.A. Lazarev**
Научный редактор / Scientific Editor:
В.П. Подвойский / V.P. Podvoysky
E-mail: **9036167488@mail.ru**
Литературный редактор / Literary Editor:
О.В. Стукалова / O.V. Stukalova
E-mail: **chif599@gmail.com**

Веб-сайт / Website: **http://www.humanityspace.com**

Издательство / Publishers: **Higher School Consulting**
Tovarishchensky side street, 19, office19, Moscow, Russia
Напечатано / Printed by: **AEG Group Design & Printing**
Gruzinsky Val, 11, Moscow, 123056 Russia

Консультативное участие / Advisory participation:
ФГНУ «Институт Художественного образования» РАО
Federal State Research Institution of the Russian Academy of Education «Institute of Art Education»

Дата выпуска / Date of issue: **11.03.2013**
Реестр / Register: **ISSN 2226-0773**

Манн Юрий Владимирович / Mann Yuriy Vladimirovich
академик Российской академии естественных наук
доктор филологических наук, заслуженный профессор РГГУ
Российский государственный гуманитарный университет
Российская Академия Естественных Наук
Russian State University for the Humanities
Russian Academy of Natural Sciences
Оленев Святослав Михайлович / Olenev Svyatoslav Mikhaylovich
доктор философских наук, профессор
Московская государственная академия хореографии
Moscow State Academy of Choreography
Пирязева Елена Николаевна / Piryazeva Elena Nikolaevna
кандидат искусствоведческих наук
Федеральное государственное научное учреждение «Институт художественного образования» Российской Академии Образования
Federal State Research Institution of the Russian Academy of Education «Institute of Art Education»
Подвойский Василий Петрович / Podvoysky Vasily Petrovich
доктор педагогических наук, профессор
Московский Педагогический Государственный Университет
Moscow State Pedagogical University
Полюдова Елена Николаевна / Polyudova Elena Nikolayevna
кандидат педагогических наук
Окружная библиотека Санта Клара (США: Калифорния)
Santa Clara County Library (USA: California)
Сёке Каталин / Szoke Katalin
кандидат филологических наук, доцент
Института Славистики Сегедского университета (Венгрия)
Institute of Slavic Studies of the University of Szeged (Hungary)
Стукалова Ольга Вадимовна / Stukalova Olga Vadimovna
доктор педагогических наук, доцент
Федеральное государственное научное учреждение «Институт художественного образования» Российской Академии Образования
Federal State Research Institution of the Russian Academy of Education «Institute of Art Education»
Табачникова Ольга Марковна / Tabachnikova Olga Markovna
кандидат физико-математических наук
кандидат филологических наук
Университет г. Бат, Великобритания
University of Bath, UK
Щербакова Анна Иосифовна / Shcherbakov Anna Iosifovna
доктор педагогических наук, профессор
Российский Государственный Социальный Университет
действующей член Международной академии наук педагогического образования
Russian State Social University
member of the International Academy of Science Teacher Education

Humanity space *International almanac* VOL. 2, No 1, 2013: 5-16

Будни российской филантропии: общественный фонд Владимира Смирнова

Е.Б. Береговая

Елена Борисовна Береговая / Elena Borisovna Beregovaya
Директор Общественного Фонда Владимира Смирнова
117292, Москва, Профсоюзная улица, дом 3, офис 213.
Profsoyuznaya str. 3, office 213, Moscow 117292 Russia
Director of the Vladimir Smirnov's public fund
Website: www.smirnovfund.ru,
e-mail: smirnovfund@mail.ru, bereg444@mail.ru
tel.:+7 (499) 124-69-35, +7 (903) 713-55-37

Общественный Фонд Владимира Смирнова - благотворительный частный фонд, учреждённый в 2010 году. Наша задача, дать почувствовать окружающим, что помогать и созидать, это огромное удовольствие, это позволяет чувствовать себя полноценным! В основу нашей деятельности положены: чистота и прозрачность, эффективность, постепенность, адресность. Фонд поддерживает российские благотворительные организации, разрабатывает и реализует собственные проекты, а также выделяет финансирование на адресную помощь и на поддержку уникальных социальных и культурных инициатив. Бюджет Общественного фонда В. Смирнова формируется из личных средств учредителей и его сторонников.

Фонд осуществляет деятельность по четырём направлениям: дети, донорство, пожилые люди, социальные программы.

The social fund (community trust) of Vladimir Smirnov is the charitable private fund, founded in 2010. Our mission is to give the opportunity to those around you to understand that it’s a huge pleasure to help and to create; it allows you to feel fully functional (high-grade!) In a basis of our activity are: cleanliness and transparency, efficiency, course, targeting. The fund supports the Russian welfare institutes, develops and implements own projects, and also allocates financing for the targeted assistance and support of unique social and cultural initiatives. The budget of V. Smirnov‘s social fund is formed in private means of founders and its supporters.

The fund performs activity in four directions: children and families, blood donation, seniors and invalids, social programs.

[**Beregovaya E.B.** Russian philanthropy everyday life: Vladimir Smirnov's public fund]

Рождение фонда было постепенным, от небольших пожертвований, посещений благотворительных мероприятий, легкого интереса к социальной тематике, до осознованного желания, делать это ежедневно и на профессиональном уровне.

Е.Б. Береговая / E.B. Beregovaya

Благотворительность - универсальная общечеловеческая ценность, один из важнейших атрибутов гражданского общества. Благотворительность позволяет обществу обслуживать свои интересы напрямую, без посредничества государства. Благотворительность обеспечивает перераспределение доходов от наиболее имущих к наименее имущим гражданам кратчайшим путём и в кратчайшие сроки. Благотворительность все больше становится инструментом, посредством которого общество удовлетворяет свои основные социальные, общечеловеческие потребности.

С приходом капитализма в России появилась и благотворительность. Безусловно, помогать ближнему было принято и при социализме. Однако тогда заботу о гражданах терпеливо и повсеместно возлагало на собственные плечи в основном государство. И вот, оказавшись в одночасье без надежной пусть и не всегда щедрой, поддержки, российское общество обнаружило острый дефицит милосердия. В мировом рейтинге благотворительности, подготовленном международной организацией Charities Aid Foundation при содействии Gallup, РФ занимает 138-е место из 153-ее обогнали даже Туркменистан и Таджикистан, также ряд беднейших африканских стран. По мнению исполнительного секретаря некоммерческого партнерства грантодающих организаций «Форум Доноров» Натальи Каминарской, данная проблема решаема, но без кардинальной перестройки социальных связей преодолеть ее невозможно. Россиянам пора привыкнуть жить без государственной опеки и налаживать связи в социуме собственными усилиями

Первым местом, куда пришел фонд и начал свою работу, был Центр Лечебной Педагогики. Центр, более 20-ти лет, оказывающий всестороннюю помощь детям с тяжёлыми нарушениями психического и речевого развития и их семьям, специалисты центра стремятся помочь родителям «особых» детей разными способами. Занятия с детьми, их интеграция в «обычную» жизнь, летний лагерь, юридическая поддержка семей, издание специальной литературы для родителей это тот неполный перечень программ центра. Директором Центра были выбраны, самые актуальные для помощи программы и дети, и

работа началась.

Программа помощи «особым» семьям – «Передышка» с ноября 2010 года запущена программа «Передышка». Это группа выходного дня, где досуговые занятия с детьми проводят специалисты с помощью волонтёров, а родителям предоставляется несколько часов для отдыха.

Родители детей с тяжёлыми и множественными нарушениями развития в каждый выходной день могут получить возможность отдохнуть. Сходить в кино, в кафе, просто погулять по Москве, поучаствовать в клубе «Сделай сам». А родители, которые захотят участвовать в клубе «Сделай сам» - столярной мастерской ЦЛП, помогут сделать своими руками необходимые приспособления для доступной среды не менее чем для 15 детей, которые не могут ходить или сидеть без специальных приспособлений.

«**Поддержка родительских групп»**. В них занимаются около 100 родителей детей с нарушениями развития. С ними работают семейные психологи. Мы считаем, что работа с родителями является очень важной частью общей работы по развитию любого ребёнка. А особенно тех детей, которые имеют нарушения развития. Если в семье появился ребёнок с нарушениями развития, родители часто остаются один на одни с этой проблемой. Более того, государственные структуры зачастую уговаривают родителей отказаться от ребёнка. Задачи по работе с родителями можно сформулировать так:

1. Психологическая поддержка семьи.
2. Повышение родительской компетенции в области воспитания ребёнка с особенностями развития.
3. Информирование родителей в области новых методов медицинской, психологической и педагогической реабилитации.
4. Информирование родителей в области права.
5. Подготовка групп, для создания инициатив в области права.

«Первичный приём». Первичный приём - это встречи, целью которых является выяснение истинных причин нарушений развития ребёнка. Обычно первичный приём ведут два специалиста, они обследуют ребёнка и проводят детальное собеседование с родителями. Это позволяет использовать

наиболее адекватные для каждого ребёнка диагностические методики, а также провести анализ проблем ребёнка с разных точек зрения (так, взгляд на ребёнка дефектолога и психолога часто дополняют друг друга, позволяют составить более полную картину состояния). Беседа с родителями позволяет получить информацию, необходимую для составления индивидуальной программы реабилитации.

Специалисты Центра также распространяют среди родителей книги и специальную литературу, которая поможет им улучшить понимание своего ребёнка и повысить компетенцию в вопросах реабилитации и реализации прав своих детей.

Летний интегративный реабилитационно-оздоровительный лагерь на Валдае - Это своеобразная модель включения «особого» ребёнка в окружающий мир. Условия в лагере позволяют расширить жизненный опыт «особого» ребёнка, поместив его в интегративную среду. В условиях города, такую атмосферу создать очень трудно.

С 2003 года организовываются летние реабилитационно-оздоровительные лагеря на территории лагеря в Валдайском районе Новгородской области. В течение всех смен с детьми проводятся многочисленные и разнообразные занятия с логопедами, дефектологами, нейропсихологами; групповые занятия, игротерапия, ручная деятельность, походы, родительские группы и т.д.

А самое главное - дети с нарушениями оказываются в среде здоровых сверстников. Это дети сотрудников, братья и сестры «особых» детей, волонтёры со своими детьми, друзья. В ходе летнего лагеря дети получают новые импульсы к развитию, повышают свои шансы включиться в нормальную социальную жизнь. Одновременно происходит социально-психологическая реабилитация семей, воспитывающих детей с «особыми потребностями», что очень важно для родителей, которые живут в ситуации хронического стресса, без поддержки окружающих, с ощущением неопределённости будущего. В лагере родители попадают в доброжелательную атмосферу «принятия» их детей, получают консультации специалистов и обмениваются опытом с другими родителями, проходят психологические тренинги.

Следующими по значимости были программы фонда, связанные с детьми сиротами и их семьями. Помощь в организации этих программ нам помогли осуществить Благотворительный Фонд «Волонтёры в помощь детям-сиротам», «Здесь и сейчас» «РОСТ». Благотворительный фонд "Волонтёры в помощь детям-сиротам" получил статус организации в феврале 2007 года. Фонд вырос из объединения волонтёров, которое без официальной регистрации, без помещения, без организационных расходов на протяжении нескольких лет оказывало и поныне оказывает поддержку более чем 100 больницам России, в которых живут дети-отказники.

Программа «Профилактика социального сиротства» Программа проводится в г. Королёв Московской области. К сожалению, отказы от грудных детей, а также случаи изъятия детей из семьи можно предотвратить, если предоставить матери временные условия для жизни с ребёнком, а также провести грамотную работу психологам, юристам и социальному работнику. Своей целью мы ставим организацию и поддержание временного приюта для матерей с детьми, попавших в сложную жизненную ситуацию. Матерям предоставляется временное жилье, оказывается материальная помощь, а также во время пребывания в приюте матерям оказывается юридическая, психологическая и материальная помощь.

Содействие семейному устройству проводиться в г. Москва и ближайшем Подмосковье. В России существует очень мало служб, занимающихся подготовкой семей к принятию ребёнка; также крайне мало служб и специалистов, оказывающих помощь, поддержку семьям, уже принявшим ребёнка-сироту. Наша задача это организация информационной, психологической и юридической поддержки людям, решившим взять на воспитание ребёнка-сироту, а также уже состоявшимся приёмным родителям.

«Ресурсный центр помощи семьям, принявшим на воспитание детей с особенностями развития». Сегодня помощь детям-сиротам приобретает новые черты. Если раньше в основном помогали детским домам, домам ребёнка и другим сиротским учреждениям, то сейчас становится понятно, что, сколько бы ни оказывалась помощь учреждениям, жизнь детей в

них радикально не меняется. Тем более, сейчас, особенно в Москве и Московской области, детские дома материально обеспечены очень хорошо.

В последнее время активно стало развиваться семейное устройство детей-сирот. В семьи стали брать не только маленьких и относительно здоровых детей, но и более старших (школьников) и с различными проблемами здоровья. У таких детей практически нет шансов жить полноценной жизнью, если они остаются в интернатах. А в семье при большом внимании к их здоровью и развитию, их состояние заметно улучшается, и очень многие из них догоняют в развитии своих ровесников, учатся, потом работают и живут жизнью нормальных людей. Таким семьям особенно нужна помощь – ведь эти дети отстают в развитии, им нужны специальные занятия (с логопедами, с коррекционными педагогами, с нейропсихологами), специальное образование, дополнительное лечение и т.д. К сожалению, государство пока мало занимается семейным устройством таких детей, считает, что им нужно жить в специнтернатах. Но таким детям, как и любым детям, лучше в семье. И есть семьи, которые берут и сложных детей, и им нужна наша помощь.

1. Помощь в организации и оплате дополнительных занятий со специалистами. Так как дети с нарушениями здоровья отстают в развитии, им нужны специальные занятия. Большинству нужен логопед, нужен коррекционный психолог.

2. Помощь в получении образования. Некоторые дети могут учиться в обычных школах, но сначала только в таких, где педагоги будут с вниманием относиться к их проблемам, где мало детей в классе. Для таких детей мы находим хорошие частные школы, объясняем, что у ребёнка были сложности, договариваемся с педагогами, что они уделят дополнительное внимание ребёнку. Есть дети, которые, поучившись в частных школах и догнав ровесников, сейчас прекрасно учатся в обычных общеобразовательных школах.

3. Оплата дополнительного лечения для ребёнка. Не всегда нужное лечение проводится государством. Некоторые дети нуждаются в дополнительной медицинской помощи.

4. Выездные программы. Для успешной

социализации и интеграции в общество детям из приёмных семей жизненно необходимо постоянное общение со сверстниками из обычных семей. Наиболее удачной первичная коммуникация обычно бывает на выездных программах при наличии супервизии специалиста-психолога.

«Помощь отказникам в больницах». Создание условий для полноценного эмоционального и психического развития детей, оставшихся без попечения родителей, в больнице. Дети, оставшиеся без попечения родителей, вынуждены длительное время находиться в больницах в ожидании оформления документов для сиротских учреждений. Больничные условия совершенно не приспособлены для полноценного развития ребёнка. У медицинского персонала нет времени для общения с детьми, полноценного ухода за ними. Значительное время дети проводят в одиночестве в больничных палатах.

Фондом активно помогает пожилым людям, оказавшимся в тяжелой жизненой ситуации. И помогает нам в этом **благотворительный фонд «Старость в радость», выросший из** - волонтёрской группы, которая уже пять лет объединяет людей, неравнодушных к проблемам престарелых, вынужденных проводить свои дни в домах-интернатах и геронтологических отделениях больниц. Мы наносим регулярные визиты в семьдесят социальных и медико-социальных учреждений в Тульской, Тверской, Калужской, Брянской, Нижегородской, Новгородской, Псковской и Архангельской областях. Наши единомышленники, образовав отделения «Старости в радость» в регионах, навещают пожилых в домах престарелых Кировской, Ярославской, Омской, Свердловской, Ленинградской областях и республике Татарстан. Наша задача - дать почувствовать одиноким пожилым людям, что они не брошены и не забыты, а также по возможности оказывать им посильную материальную помощь для обустройства их быта и более комфортного проживания. Мы привозим инвалидные коляски, матрасы медицинские в чехлах, матрасы противопролежневые, тумбочки, кровати медицинские, обогреватели, комплекты постельного белья, чистящие средства, памперсы, пелёнки одноразовые и т.д. Территория деятельности: 70 домов-интернатов и ОСУ в 16

регионах РФ. В рамках проекта группа посещает с регулярными визитами более 12 домов-интернатов и больниц ежемесячно. Кроме концертно-досуговой деятельности «Старость в радость» старается снабжать памперсами и пелёнками все подшефные медико-социальные учреждения, в которых находятся нуждающиеся в этом престарелые. Однако при необходимости группа привозит и обогреватели, матрасы, тумбочки, инвалидные кресла и даже медицинские кровати, т.е. старается удовлетворять самые насущные потребности данных заведений, которые в большинстве случаев не могут получить эту мат.помощь иными путям вследствие бреши в законе об отделениях сестринского ухода.

Разовая Адресная помощь. Фонд также предоставляет адресную помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Это и дети, и семьи, и пожилые. В каждом, конкретном случае Фонд рассматривает индивидуально каждую просьбу. Адресная помощь может быть предоставлена в виде материальных денежных средств или посредством предоставления различной ресурсной помощи. Адресная помощь людям - одна из важных форм благотворительной деятельности, которая позволяет максимально конкретизировать благотворительные поступления.

Программа «Социокультурные мероприятия» задумана как серия благотворительных акций, таких как выставки, концерты, аукционы, перформансы, экскурсии, квесты, творческие мастерские, в поддержку некоммерческих и благотворительных организаций, чья деятельность направлена на оказание помощи наименее защищённым в социальном отношении группам населения и людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. Программа призвана мобилизовать общество к активности, побудить граждан для самостоятельной деятельности, направленной на улучшение положения самых обездоленных людей, через культурные и художественные ценности. Программа даёт возможность социально проблемным слоям населения побывать на интересных и красивых мероприятиях. На концертах известных музыкантов, на выставках талантливых художников и лично принять участие в творческих лабораториях.

Один из интереснейших программ фонда является - Школа благотворительности

Это цикл образовательных интерактивных уроков и дискуссионных встреч, информирующих детей и их родителей, педагогов об основах и традициях филантропии - благотворительной деятельности и меценатства в России и мире, а также о наиболее интересных и важных, связанных с этим сторонах жизни. Возможность самостоятельно принять решение о личном участии в жизни общества.

Необходимо дать шанс детям с самого детства раскрывать свои возможности в этой области - в том числе как инструмент самореализации. Таким образом, цикл интерактивных уроков, проведённых в интересной, живой форме, известными и значимыми людьми, даст возможность пропагандировать и популяризировать филантропию в целом.

Мы ставим следующие задачи:

1) ознакомить школьников с миром социальных и некоммерческих организаций (Рассказы о том, что это вообще. Какие существуют направления? Чем занимается государство, а чем НКО? Что есть в мире, а что в Москве и России? Как давно у них и у нас. Сходство, особенности и различия).

2) помочь найти дело в этой области по душе.

3) обучить основам проектной деятельности в социальной области (что такое болевая социальная или общественная проблема, как её обозначить, основные точки по написанию проекта и его реализации, примеры, конкурсы, и победители. Что это изменило).

4) сформировать навыки реализации собственных инициатив

5) способствовать развитию навыков эффективных коммуникаций

6) способствовать воспитанию толерантности

7) содействовать формированию активной жизненной позиции. (Искать корень проблемы и решать ее, выход на тему активной жизненной позиции. Мне не все равно! – политика, экономика, миграционная ситуация, общественные институты. Почему важно воспитывать детей в направлении филантропии, говорить об этом с детства и демонстрировать личные

примеры).

Формы деятельности:

- дискуссии с детьми
- встреча с интересными людьми в школе
- экскурсия в НКО
- участие в акциях
- участие в деятельности НКО/социального учреждения
- собственный проект участников

Крайне важным для учредителей фонда является популяризация безвозмездного донорства и помощь детям, больным онкогематологическими заболеваниями

Дети проходят очень сложное, тяжело переносимое лечение химио и лучевой терапии, долгие месяцы находясь в стационаре. При озвучивании онкологического диагноза ребёнку, семья испытывает сильнейшее потрясение. Ощущение большой беды, не проходит годы. В одночасье мир рушится.

Современные методы лечения и диагностики позволяют спасти жизни 70 % заболевших детей. И не только спасти жизнь, но и предоставить возможность пролеченному ребёнку гармонично развиваться после сложного лечения, обучаться, как здоровые дети. Чем раньше специалисты подключаются к процессу реабилитации ребёнка с онкогематологическим заболеванием, тем больше шансов у него на полное выздоровление.

Сегодня осведомлённость российских граждан о возможностях личного участия в благотворительной деятельности и деятельности третьего сектора в целом остаётся на достаточно низком уровне. Информации о том, как устроен мир благотворительности и меценатства, которой могли бы воспользоваться люди, недостаточно. Также прослеживается низкая информированность населения относительно различных форм благотворительной деятельности, таких, например, как волонтёрство. В тоже время, отмечается рост интереса людей к благотворительности (как минимум – среди активных слоёв общества), а также увеличение количества профессиональных благотворительных организаций. Традиции филантропии

невозможно поддерживать и развивать, опираясь только на историю и теорию. Чтобы принять решение действовать самому, необходимо иметь возможность личного участия в этом процессе.

Стратегия направления фонда

Дети	***Социально незащищенные***	1. профилактика социального сиротства 2. содействие семейному устройству
	Инвалиды	3. передышка 4. поддержка родительских групп 5. первичный прием 6. помощь детям, больным онкологией 7. летний лагерь
	Сироты	8.пролонгированное шефство 9.мой фотоальбом 10. помощь в больницах 11. покажи ребенку Родину

Пожилые	***Дома престарелых***	1. Фонд «Старость в радость»
	Индивидуальная помощь	2. медико-социальная помощь на дому
	Подарки	3.из рук в руки

Социальные программы	***Волонтерство***	1. pro bono 2. знаю, умею, могу
	Культурные	3. концерты, события, выставки
	Просветительское	4.мне не все равно 5. школа благотворительности

Донорство	***Выездные акции***
	Акции на стадии переливания крови



Получена / Received: 07.02.2013
Принята / Accepted: 10.02.2013

Humanity space *International almanac* VOL. 2, No 1, 2013: 17-22

О взаимосвязи пространства и времени в искусстве

Л.Л. Алексеева

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Институт художественного образования» Российской Академии Образования
119121, Москва, ул. Погодинская, д. 8, корп.1
Federal State Research Institution of the Russian Academy of Education
«Institute of Art Education»
Pogodinskaya str. 8, building 1, Moscow 119121 Russia
e-mail: ihoraodirect@mail.ru

Ключевые слова: искусство, пространство, время, архитектура, музыка, стили, законы красоты.
Key words: art, space, time, architecture, music, style, harmony principles.
Резюме: Основой статьи является мысль Ф. Шеллинга о том, что «архитектура – это музыка в пространстве, как бы застывшая музыка». Автор рассматривает исторически сложившиеся пересечения и параллели двух разных видов искусства – пространственного и временного, архитектуры и музыки. На примере отдельных архитектурных памятников и музыкальных произведений показано, как знание и понимание одного вида искусства обогащает, усиливает художественное восприятие другого, и способствует в итоге формированию у современных молодых людей эстетического отношения к миру.
Abstract: The basis of the article is F. Schelling's idea that «architecture is music in space, like frozen music». The author examines the historical parallels and intersections of two different kinds of art in space and time, architecture and music. The example of some landmarks and music shows how knowledge and understanding of one type of art enriches and strengthens the artistic perception of another, and ultimately contributes to the formation of modern young people of the aesthetic attitude to the world.
[**Alekseeva L.L.** On the Relationship of Time with space in Art]

Стремительная трансформация современного социума, глобальные процессы общественного развития накладывают отпечаток на ценности, идеалы и мировоззрение современных молодых людей. И в таком смысле взгляд в прошлое, обращение к культурному наследию предшествующих поколений – это возможность для более глубокого понимания юношами и девушками художественного отражения действительности, искусства как такового. Законы красоты, сформировавшиеся на протяжении тысячелетий и очевидные для искусства в целом,

отчётливо проявляют себя и в таких его видах, как пространственное и временное – архитектура и музыка.

Широко известная мысль Ф.Шеллинга о том, что «архитектура – это музыка в пространстве, как бы застывшая музыка», побуждает обратиться к рассмотрению отдельных пересечений и параллелей этих видов искусства в разные исторические периоды. Принцип образности, раскрывающий явления действительности «одно через другое» в их целостности и взаимосвязи, является в данном случае отправным (Научный отчет по результатам выполнения тематического плана фундаментальных исследований по направлению «Социокультурные проблемы современного образования, 2008: 24). Подчеркнём также, что данная статья не имеет целью раскрыть общность и специфику этих видов искусства на уровне теоретических понятий, функций, стилей или выразительных особенностей. Главное для автора, показать ещё одну возможность воздействия на эмоциональную сферу молодых людей и обогащения у них художественного восприятия произведений разных видов искусства.

В настоящее время о готическом стиле в архитектуре можно прочитать немало интересного во всех отношениях – с исключительно научной точки зрения, в плане отражения средневековых представлений о мире и создания конструктивных основ, рассмотрения композиционных и декоративных приемов, символики интерьеров, витражей и многое другое. Тем не менее, самым необычным, на наш взгляд, и удивительно цельным художественным описанием готики является музыкальное произведение немецкого композитора Роберта Шумана, созданное более полутора столетий назад. Имеется ввиду одна из частей Третьей симфонии композитора под названием «Рейнская». Именно четвертая часть этой симфонии написана, по свидетельству современников, под впечатлением от Кельнского собора.

По некоторым сведениям Роберт Шуман был очевидцем интересного события – возведения Кельнского архиепископа в сан кардинала. Именно поэтому на партитуре данного сочинения сначала появилась надпись – «в характере сопровождения торжественной церемонии», – но затем по

каким-то причинам сам композитор убрал ее. На наш взгляд, в этой симфонической музыке настолько ярко раскрыто и передано впечатление от готического стиля в целом, что нет необходимости в словах. История сохранила до нашего времени и высказывания Петра Чайковского о музыке этой части симфонии. По его словам «ничего более мощного, более глубокого не исходило из художественного творчества человека. Хотя на созидание Кельнского собора проходят целые века и множество поколений положили частичку своего труда для осуществления этой грандиозной архитектурной концепции, но одна страничка великого музыканта, вдохновленная величавыми красотами собора, оставит для грядущих поколений такой же немеркнущий памятник глубины человеческого духа, как и самый собор» (Стойко, 1972: 176).

Понятно, что год сочинения немецкого композитора и сам момент возникновения готики как художественного стиля в архитектуре разделяют столетия. Но такое пересечение времени и пространства дает современному молодому поколению еще один урок понимания этих видов искусства во всем их своеобразии – целостности и масштабности, пропорциональности и композиции, величии творческого духа их создателей. Возможно, музыкальное произведение Роберта Шумана особым образом повлияет и на художественное восприятие другого известного памятника готики – Вроцлавского католического кафедрального собора Иоанна Крестителя, первого готического храма на территории Польши, который «звучит» сегодня и в камне, и в памяти поколений.

В контексте данной статьи современные представления о времени и пространстве не были бы полными без упоминания о музыке Клода Дебюсси. Две прелюдии французского композитора – «Затонувший собор» и «Ворота Альгамбры», – еще одна грань пересечения музыки и архитектуры. С той лишь разницей, что в одном из этих сочинениях свое воплощение находит одна из давних бретонских легенд, в другом – образец позднемавританской архитектуры, расположенный на восточной окраине Гранады в Испании.

«Затонувший собор» Дебюсси – это музыкальное повествование о древнем городе Ис, который был поглощен

морем. По легенде, иногда на рассвете собор поднимается из воды и слышится звон колоколов и многоголосное пение хора. Также неожиданно собор вновь исчезает в глубине вод и ничто не тревожит вековой тишины. Сам «соборный» характер этой музыки, ее картинность и стройность одним слушателям может напомнить архитектуру Византии, другим – архитектурные памятники эпохи Возрождения. И те, и другие, на наш взгляд, будут правы, поскольку от этой музыки появляется обобщенное представление о пространстве, ансамбле и эстетическом начале архитектуры как виде искусства.

Музыка прелюдии «Ворота Альгамбры» и сам архитектурный шедевр, воспетый в веках, – воплощение красоты и тонкости выразительных средств разных видов искусства. Прихотливость орнамента, декоративность и грация, изящество и красочность сливаются воедино, стирают временные рамки и образуют редкое сочетание, которое можно назвать как «подвижное пространство» и «застывшее время». Есть все же еще одна особенность у этой музыки, и заключается она в самом названии сочинения. Композитор, видимо не случайно назвал так свое произведение, не «Альгамбра», а именно «Ворота Альгамбры». Слушателю предоставляется возможность самому вообразить, домыслить, как будто увидеть нечто необычайное внутри, за воротами дворца. Эта некоторая недосказанность придает всему сочинению особую музыкальную поэтичность и трепетность, созвучную мыслям самого композитора – «музыка существует для невыразимого». Сам дворец как произведение архитектуры будто показывает все, о чем умолчала музыка, и пространство на миг останавливает время.

И еще один интересный пример взаимосвязи музыки и архитектуры, касается он дружеских отношений известных деятелей русского искусства – композитора Модеста Мусоргского и архитектора Виктора Гартмана. Их объединяло не только взаимное уважение, но и общая искренняя устремленность к «новым берегам безбрежного искусства». Скоропостижный уход из жизни Виктора Гартмана стал потрясением для композитора. Посмертная выставка художественных работ архитектора, где присутствовал

Мусоргский, вдохновила композитора на создание цикла «Картинки с выставки». В предисловии ко второму изданию этого музыкального произведения упоминалось и о работах Виктора Гартмана, сделанных во время путешествия по Европе. По словам В. Стасова, это были «… бойкие, изящные наброски…, множество сцен, типов, фигур из вседневной жизни, схваченных из сферы того, что неслось и кружилось вокруг него – на улицах и в церквах, в парижских катакомбах и польских монастырях, в римских переулках и лиможских деревнях…» (Творческие портреты композиторов, 1990 247).

Пьеса «Старый замок» из цикла Мусоргского показательна в отношении своеобразного синтеза пространства и времени. Она является откликом на акварель Гартмана, которая была сделана под впечатлением от архитектуры Италии. Неспешность и величавость с оттенком лёгкой печали, единое образное содержание рисунка архитектурного сооружения и музыки создают представление о симметричности, соразмерности, и даже о цвете. Эмоционально-эстетическое воздействие усиливается и потому, что здесь присутствуют три своеобразных ступени восприятия – архитектура (один из замков Италии), рисунок (акварель художника), музыка (пьеса композитора). И это необычное отражение памятника архитектуры в других видах искусства придает ему особую значимость и обогащает зрителей-слушателей.

«Богатырские ворота» – эскиз Виктора Гартмана, выполненный им к архитектурному проекту киевских городских ворот. В этом проекте предполагалось воссоздать образ города Киева как столицы Древней Руси, и потому в нем сама композиция, пропорции, линии и сопоставление элементов представлены в соответствии с замыслом. И Модест Мусоргский воплотил все с присущим ему талантом. В музыке есть колокольные звоны и народная песня, торжество и праздник, «русский дух» и «настоящая русская жизнь», искренняя музыкальная речь и любовь композитора к своему Отечеству. Масштабность и целостность, красочность и фактура, эмоциональный и художественный строй этих произведений разных видов искусства настолько близки, что возникает ощущение совместной и одновременной творческой

работы художников – архитектора и композитора. Интересно, что отдельные исследователи усматривают в цикле «Картинки с выставки» архитектурно-симметричное построение сюжетной линии пьес.

Можно провести параллели временного и пространственного видов искусства не только на образцах программных музыкальных сочинений, а, к примеру, рассмотрев стиль барокко в архитектуре и музыке, или классицизм. У кого-то представленные здесь озвученные архитектурные шедевры вызовут какие-то другие смыслы, иные впечатления и образы. И если так будет, то значит, автор не напрасно потратил время. Любознательный читатель, будущий архитектор, скорее всего не откажет себе в возможности услышать четвертую часть «Рейнской» симфонии Роберта Шумана, Прелюдии Клода Дебюсси «Ворота Альгамбры» и «Затонувший собор», пьесы «Старый замок» и «Богатырские ворота» Модеста Мусоргского. И, вероятно, найдет в мировой истории музыки и архитектуры еще немало примеров соприкосновения времени и пространства, стилей, эпох и впечатлений.

ЛИТЕРАТУРА

Научный отчет по результатам выполнения тематического плана фундаментальных исследований по направлению «Социокультурные проблемы современного образования» // Научный архив Учреждения Российской академии образования «Институт художественного образования». М.: Институт художественного образования РАО, 2008. 125 с.

Стойко А.Г. 1972. Великий композитор. Л.: Музыка. 334 с.

Творческие портреты композиторов. М.: Музыка, 1990. 444 с.

Получена / Received: 05.02.2013
Принята / Accepted: 10.02.2013

Humanity space *International almanac* VOL. 2, No 1, 2013: 23-30

Интеграция в организации учебного процесса на факультете журналистики

Т.Н. Владимирова

Московский государственный гуманитарный университет имени М.А. Шолохова
111123, Москва, ул. 3-я Владимирская, д. 7
Sholokhov Moscow State University for Humanities
3-st Vladimirskaya str. 7, Moscow 111123 Russia; e-mail: tkamv@yandex.ru

Ключевые слова: междисциплинарная интеграция, учебно-методический комплекс, коэволюция, модули, профили, модульное построение учебного плана.
Key words: interdisciplinary integration, educational-methodical complex, coevolution, modules, profiles, the modular curriculum.
Резюме: В статье раскрываются понятия «междисциплинарная интеграция», «коэволюция», «учебно-методический комплекс». Автор акцентирует внимание читателей на УМК и его роли, значении и месте в системе организации вуза. Рассмотрены основные виды коэволюции. Показано модульное построение учебного процесса факультета журналистики МГГУ им. М.А. Шолохова, целиобученияиусловияегосуществования.
Abstract: The article reveals concepts of “interdisciplinary integration”, "coevolution", "educational-methodical complex". The author focuses readers on educational-methodical complex and its role, significance and place within the University. The basic types of co-evolution.Shows the modular design of the educational process of the Faculty of journalism of the MGGU M.A. Sholokhov, learning objectives and conditions for its existence.
[Vladimirova T.N. Integration in the educational process at the faculty of journalism**]**

Сегодня в медиасфере предъявляются повышенные требования к сотрудникам, которые должны уметь одновременно работать с текстом, графическим изображением, аудио-, видеоматериалами, базами данных, т.е. создавать контент для современных СМИ.

Очевидно, что это представляет участникам образовательного процесса новые выходы в творческом обучении, новую меру ответственности. Образование в высшем учебном заведении – это фундамент для профессионального и личностного развития будущего журналиста. Обучение здесь должно осуществляться в ходе решения сложных и

многообразных проблем практической деятельности. Успешность профессионального развития возможна при овладении современными стандартами и ценностями авторитетного журналистского сообщества, а итоговый результат профессиональных преобразований может рассматриваться как выбор оптимальной для студента личной стратегии, ориентированной на социальные достижения. В то же время в системе подготовки журналистов имеется важнейшая проблема, которую мало кто поднимает, она заключается в полном отсутствии целенаправленной инновационной подготовки преподавателей по журналистике, нет процесса педагогического управления подготовкой кадров в области журналистики, организационные механизмы управления развитием такого образования остаются несформированными, не отработаны модели этих механизмов. Ученые разных университетов, работодатели, сотрудники средств массовой информации говорят о необходимости возрождения курсов повышения квалификации для сотрудников изданий, преподавателей журналистики или о системе дополнительного образования. Безусловно, такие меры дадут приток свежих кадров в журналистскую педагогику.

Однако знание предмета не может являться единственным требованием к уровню подготовки преподавателя. Важно знать методику преподавания журналистских дисциплин, уметь использовать современные технические средства, знать последние достижения науки в предметной области и т.д.

Такое развитие будет намного эффективнее, если формирование журналиста будет последовательной, комплексной интеграцией преподавателей кафедры.

Теоретические и методологические основы организации междисциплинарного учебно-методического комплекса (далее УМК) и его места в системе организации вуза определено на основе анализа педагогической и философской литературы. Информационно-образовательная среда вуза выражается через УМК. Их изучением занимались Ю.К. Бабанский, И.И. Баринова, В.П. Беспалько, И.Д. Зверев, Д.Д. Зуев, В.Г. Шаповаленко, А.Н. Леонтьев, Н.Ф. Талызина.

Возрастающая роль и значение о УМК в вузе выражена

- в создании условий для удовлетворения образовательных потребностей студентов в журналистике;
- в обеспечении доступности образования при сохранении его качеств;
- в расширении границ образовательной среды учебного заведения;
- в адаптации заочной формы обучения с очной;
- в последовательности дисциплин бакалавриата и магистратуры по журналистике;
- создание материально-технической базы факультета журналистики для отработки приобретенных компетенций.

УМК в вузе повышает эффективность, качество и доступность образовательных ресурсов, которые обеспечивают развитие и использование информационных технологий в системе открытого образования.

Основной целью качественного обновления профессионального образования является подготовка специалиста, способного осознанно использовать потенциал фундаментальных дисциплин для целостного решения профессиональных задач. Это возможно на основе междисциплинарной интеграции, новой дидактической концепции целостного образовательного процесса вуза. О необходимости междисциплинарной интеграции говорят многие ученые - В.Г. Буданов, В.И. Вершинин, В.Н. Максимова, Н.И. Резник и др.

Под междисциплинарной интеграцией мы понимаем взаимное проникновение содержания разных учебных дисциплин и создание единого образовательного потенциала путем использования инновационных педагогических методов, средств и организационных форм обучения. Такое объединение знаний и действий на практике, на всех этапах подготовки специалиста в области масс-медиа приводит к синтезу всех форм обучения относительно конкретной цели образования на факультете журналистики в частности. С одной стороны, учебные планы на факультетах журналистики включают в себя науки фундаментальные, с другой стороны – практические, поскольку технический прогресс все больше внедряется в

деятельность медиаотрасли. Это ведет к осмысленной, целенаправленной, структурированной деятельности, которая способствует творческой и интеллектуальной реализации успешного журналиста. Умение применять знания комплексно, переносить идеи и методы одной науки в другую – основа творческого подхода деятельности современного человека. Наша задача вооружить будущего журналиста такими умениями. Естественно, что действовать надо в рамках образовательного стандарта.

Рассмотрим возможные векторы междисциплинарной интеграции на примере организации учебного процесса по направлению подготовки 030600 «Журналистика». Нашей задачей не стоит рассмотреть основные формы учебных занятий.

Стандарт 3 поколения (ФГОС) по журналистике направлен на формирование будущего журналиста как полноценного специалиста, имеющий достаточно высокий уровень компетентности во всех аспектах своей профессиональной деятельности. Центральным понятием компетентностного подхода выступают понятие компетенция и компетентность, эти понятия наиболее полно отражают современные требования рынка труда. Выпускники российских вузов должны владеть компетенциями, которые позволят им понять, насколько быстро и качественно он сможет «влиться» в профессиональную среду, насколько грамотно сможет применить полученные в процессе обучения знания, и насколько адекватно они будут оценены работодателем. Сегодня необходимо готовить специалиста СМИ к тому, что ему придется работать в постоянно изменяющихся условиях, что потребует от него не только умения быстро и грамотно применить полученные знания, но и суметь решить вопросы, с которыми в процессе обучения он не сталкивался. Что лежит в основе формирования компетенций? Это образовательная среда вуза, умение профессионально организовать учебный процесс, использование технологий и, конечно же, содержание образования. Освоение общекультурных, нормативных и профессиональных компетенций происходит при изучении отдельных учебных дисциплин, циклов и модулей.

Это потребовало научного обоснования понятию «профессиональная подготовка специалиста». Под этим мы понимаем целостную систему сознательного и целенаправленного формирования профессиональной компетентности субъектов управления (различного уровня во всех его звеньях), актуализация вопросов поиска оптимальных форм и повышения уровня будущих работников СМИ, корректировка и обновление содержания подготовки в соответствии с новыми социально-экономическими условиями. Изучение психолого-педагогических идей, используемых в МГГУ им. М.А. Шолохова на факультете журналистики, состоит на стыке ряда научных дисциплин, в качестве ведущей идеи является идея сопряженного, взаимообусловленного изменения систем или частей внутри целого (идея коэволюции).

Коэволюция или совместная эволюция в границах человеческого социума, где происходит взаимосвязь с другими системами. Поэтому «коэволюция» означает сопряженные, согласованные трансформации культурных и природных систем в рамках общей эволюции и отражает совокупность физического и идеального. В данном контексте характеризуются процессы коэволюции и самоорганизации психолого-педагогических идей, выделяются ее формы и приемы в исторической ретроспективе и строятся прогнозы будущего.

Эффективное выполнение образованием своих функций, т.е. образовательных условий – это первая из трех основных форм психолого-педагогическойкоэволюции. Вторая форма – возможность посредством получения образования занять определенное место в социальной среде. Совокупность результатов образовательной деятельности и активности субъекта по расширению собственных возможностей в социальной системе – третья форма психолого-педагогической коэволюции. В рамках данного понятия педагогический процесс можно рассматривать как показатель эффективности образования в социально-экономической системе. Основному образовательному процессу принадлежит роль одного из базовых ресурсов, обеспечивающих профессиональной группе определенную позицию.

Основная образовательная программа на факультете

журналистики МГГУ им. М.А.Шолохова строится по модульному принципу, т.е. через последовательность модулей к овладению общекультурными, нормативными и профессиональными компетенциями. Модуль рассматривается нами как совокупность видов учебной работы. А для понимания целостности образовательного процесса мы классифицировали их в профили, объединенные по определенным принципам в группы модулей.

Итак, учебный план факультета журналистики предусматривает несколько групп модулей, которые в свою очередь делятся на профили:

Группа социально-профессиональных модулей включает в себя правоведческий, политологический, медиаэкономический и психолого-социологический профили. В основе каждого из них лежит базовый фундаментальный курс, например, такой дисциплиной для «Правовых основ журналистики», «Международного гуманитарного права и СМИ», «Профессиональной этике журналиста» будет дисциплина «Правоведение».

Группа историко-профессиональных модулей представлена такими профилями, как «опыт отечественных СМИ», «опыт зарубежных СМИ». Студенты должны получить знания о развитии средств массовой информации в России и за рубежом в историческом контексте, уметь применять их для анализа современной ситуации в медиасфере.

Группа теоретико-профессиональных модулей состоит из базового профессионального и специализированного профессионального профилей. Они позволяют студентам постичь основы журналистской профессии, как теоретической ее стороны, так практической. Получив полный комплекс функций средств массовой информации, их специфических особенностей, типологии, идет дальнейшее знакомство с принципами организации работы газетной, интернет-, ТВ- и радио- редакций.

Группа профессионально-творческих модулей является важной составляющей образовательного процесса. Профили – профессионально-творческий и языковой – позволяют развить творческие способности студентов через работу полного цикла,

т.е. создавать журналистские произведения от замысла до выпуска.

За группой технико-технологических модулей закреплены традиционно-технологический и инновационно-технологический профили. Динамично развивающаяся мультимедийная база факультета журналистики, цифровые технологии современной медиаиндустрии, позволяют студентам применять в своей учебной и профессиональной практике данные знания.

Группа медиакоммуникативных модулей – Коммуникативный профиль, нацеленный на организацию эффективного общения с людьми, развить необходимые качества коммуникабельности.

Группа медиаобразовательных модулей – профиль «Журналистика и медиаобразование», который представлен такими дисциплинами как «Основы медиакультуры», «Медиаобразовательные технологии СМИ», «Медиаобразование в школе и вузе», «Теория медиа» и др. Они могут помочь в создании авторских медиаобразовательных проектов в СМИ, в использовании медиаобразовательных технологии в корпоративной работе вузов, школ, любых образовательных учреждений, бизнес-структур.

Итак, целью модульного построения учебного процесса можно считать непрерывное, поэтапное формирование необходимых компетенций, от теории к практическим навыкам.

Условия существования модульного построения учебного процесса:

1. Наличие в учебном плане фундаментальных базовых курсов.
2. Для закрепления теоретических знаний студентам необходимо предложить самые разнообразные формы. Чаще всего это традиционные для высшей школы примеры – практические и семинарские работы, рефераты, курсовые проекты, деловые игры и т.д.
3. Наличие материально-технической базы факультета журналистики, где можно было бы на практике отработать полученные знания. В МГГУ им. М.А.Шолохова открыт современный Центр мультимедийной журналистики, где

студент проходит полный цикл подготовки конвергентного материала.

4. Система производственных практик. В учебном плане факультета журналистики нашего университета практик (учебно-ознакомительная и производственные) стоят в конце учебного года. Но согласно программе практик, каждый студент в течение учебного года должен участвовать в качестве информационных партнеров университетских или факультетских мероприятий, поддерживать новостной ряд сайта университета, или работать внештатным корреспондентом в районных, муниципальных изданиях города, выпускать факультетскую газету «Импульс-М», реализовывать авторские журналистские проекты.

ЛИТЕРАТУРА

Лазутина Г.В. 2006. Профессиональная этика журналиста: учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М: Аспект Пресс. 240 с.

Кирьякова А.В. 2000. Теория ориентации личности в мире ценностей. 2-е изд., перераб. Оренбург: ОГУ. 188 с.

Ольховая Т.А. 2006. Становление субъектности студента университета. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ. 186 с.

Современное журналистское образование: синтез теории и практики. под ред. Г.В. Лазутиной. М: МедиаМир. 248 с.

Получена / Received: 10.01.2013
Принята / Accepted: 15.01.2013

Humanity space *International almanac* VOL. 2, No 1, 2013: 31-44

Концепция развития гуманитаризации образования на основе культурологического подхода

И.Э. Кашекова[1], Т.В. Темиров[2]

[1-2]Federal State Research Institution of the Russian Academy of Education «Institute of Cultural Education»
Shkolnaya str., 3, Gorki Leninskie, Leninsky distr., Moscow reg., 142721, Russian
e-mail: kashekova@yandex.ru[1], ttv078@gmail.com[2]

Ключевые слова: гуманитарное образование, творческая деятельность, культуротворчество, культурологический подход, интеграция наук и искусств, культуроцентричность, языки науки и искусства, педагогические технологии.
Key words: arts education, creativity, cultural creativity, cultural approach, the integration of arts and sciences, culture as a dominant, languages of art and sciences, educational technology.
Резюме: В концепции предлагается путь решения проблем современной системы образования – гуманитаризация образования на основе культурологическом подхода. Авторы видят возможность дальнейшего сохранения и развития культуры в пересмотре концептуальных основ образования, направленности его на целостное восприятие ребенком мира, понимание каждого школьного предмета не как отдельной образовательной области, а как взаимосвязанной части общечеловеческой культуры. Идея интеграции науки и искусства – научного и художественного познания мира – в учебном процессе реализуется на принципе культуроцентричности и за счет использования технологии конвергентности с искусством, которая будет способствовать ведению языков и методов искусства в целостный учебный процесс, обеспечит «плотную упаковку» информации и ее эмоционально-образное восприятие.
Abstract: The concept proposed way to solve the problems of modern education system as the humanization of education based on the cultural approach. The authors see the opportunity to further the preservation and development of culture in the revision of the conceptual educational foundations, its focus on the holistic child's perception of the world, the understanding of each school subject, not as the separate educational field, but as a coherent part of human culture. The idea of integrating art and science as scientific and artistic knowledge of the world in the learning process is implemented on the principle culture as the dominant and through the use of technology convergence with the art, which will facilitate management of languages and modes of art in the holistic learning process, provide a "dense packing" of information and emotional shaped perceptions.
[**Kashekova I.E., Temirov T.V.** The concept of humanitarian education based on cultural approach]

«XXI век будет веком гуманитарных наук либо его не будет вообще» К. Леви-Стросс.

Во все времена миссия воссоздания и формирования новых ценностей культуры потенциально лежала на образовании. Образование, являясь частью культуры, должно было не только соответствовать целому, т.е. быть культуросообразным, но и способствовать воспроизведению и развитию целого. Однако образование способно содействовать развитию культуры лишь в том случае, если направлено на творческую деятельность учащихся. Такое образование, способствуя социализации, инициирует и культуротворчество, т.е. порождающую деятельность в культуре.

Известно, что развитие цивилизации во многом зависит от тех способностей и качеств человека, которые закладываются образованием. Соответственно кризис современной науки, техники, искусства напрямую связан с кризисом системы образования, который можно понимать, прежде всего, как его несоответствие реалиям и запросам сегодняшнего дня. И это естественно, поскольку со времени существования традиционной парадигмы образования значительно поменялись представления о мире, качественно изменилась наука, техника и условия жизни, непомерно выросло количество информации об окружающем мире. Необходимые для развития науки и привычные для нас систематизация и классификация знаний в образовании способствуют дроблению целостной гармонии мира в сознании ребенка, давая осколочные представления о нем.

Во все времена высокое качество образования было немыслимо без гуманитарного начала, которое способствовало осознанию и принятию таких общечеловеческих ценностей, как жизнь (во всех ее проявлениях), мир, любовь, дружба и др. Однако современная культурная ситуация требует от человека еще и развитости критического мышления, культуры диалога, эмоционально-ценностного отношения к миру, умения оперативно найти выход из сложной ситуации, используя знания и умения из других областей.

Английский писатель Ч. Сноу в лекции «Две культуры и

научная революция», прочитанной еще в 1959 утверждал, что: в XX в. увеличится разрыв между двумя традиционно сложившимися культурами – естественнонаучной и гуманитарной. Он предупреждал, что это опасное явление, которое может привести к гибели цивилизации, если не принять срочных мер по сближению «двух культур». Проблема, обозначенная полвека назад, сегодня становится особенно актуальной. Возможно, поэтому теперь многие ученые признают, что «одной из драматических проблем сегодняшнего дня является совершенно искусственное и ложное противопоставление и отсюда – противостояние естественнонаучной и гуманитарной культур» (В.А. Мейдер). Значимость гуманитарного образования в современном мире обусловлена напряженной ситуацией во многих жизненно важных областях: опасностью экологической, техногенной, политической, социальной катастроф. Возможно, именно поэтому Леви-Стросс определил XXI век как век гуманитарных наук.

Сегодня рождается и развивается идея гуманитаризации естественнонаучного и технического знания, их интеграции с гуманитарной сферой, которая будет способствовать ослаблению тенденции техникоцентризма, поможет сформировать нравственную основу, ставящую барьер использованию достижений науки и техники во вред человечеству. В связи с этим возникает необходимость в содержании, несущем ученику взаимосвязанные и взаимодополняющие знания, способствующие формированию широкого «гуманитарного мышления».

С позиций культурологического подхода определяющее значение в осмыслении процессов образования и воспитания приобретают творческие, духовно-нравственные аспекты в развитии личности, культуросообразные проявления и способы деятельности. На методологическом основании культурологического подхода появилась возможность создавать новые вариативные практико-ориентированные образовательные модели. При этом опыт показал, что механическое увеличение в учебном процессе гуманитарных дисциплин не дает выраженного эффекта. Для решения

социокультурных проблем нужна сущностная гуманизация и гуманитаризация всего образования, в том числе естественного и математического.

Концепция гуманитаризации образования на основе культурологического подхода направлена на преодоление:

- несоответствия между целостностью культуры и ее несогласованным фрагментарным представлением в разных учебных дисциплинах;
- разрывом между свойственным ребенку целостным восприятием действительности и традиционной обособленностью учебных предметов;
- отчуждения ребенка от культурной традиции, несформированности эмоционально-ценностного отношения к миру;
- несоразмерности объема и форм реализации содержания образования возможностям ребенка, его отдаленности от жизни и личного опыта ученика, гасящих мотивацию к обучению.

Гуманизация и гуманитаризация образования сегодня представляются как многосторонний процесс, включающий изменение целей образования, его содержания, условий образовательной деятельности, ценностных отношений участников образовательного процесса.

Под гуманизацией образования понимается преодоление обезличенности школьного образования, поворот школы к ребенку, его проблемам и интересам. К числу основных факторов гуманизации школьного образования сегодня относят гуманитаризацию содержания образования, равно как и дифференциацию, обращенную к многовариантным образовательным моделям.

Сегодня ряд видных ученых полагает, что «важнейшей государственной задачей в области образования является разработка национальной гуманитарной модели, которая стала бы эффективным инструментом геополитики и фактором обеспечения духовной безопасности России» (А.С. Запесоцкий). Видят смысл гуманитаризации образования в повышении

гуманитарных аспектов в основе общего образования, усиление роли предметов художественно-гуманитарного цикла и выявление гуманитарных аспектов в предметах, раскрывающих основы естественных и технических наук (О.Е: Лебедев). Признают «преимущество гуманитарных наук… в том, что в них в гораздо большей степени, чем в естественных, содержится нравственное начало. … Будущим механикам, физикам, химикам, биологам полезно давать гуманитарные знания. …Гуманитарные знания помогают «естественникам» эффективнее работать, …тренирует то полушарие, которое у представителей точных наук обычно атрофируется. В результате логическое полушарие начинает работать лучше» (Б.В. Раушенбах).

Истинную гуманитаризацию способен предоставить культуроло-гический подход в образовании, который выступает в качестве основы иной концепции образования. «Культурологический подход изменяет представление об основополагающих ценностях образования как исключительно информационно-знаниевых и познавательных, снимает узкую научную ориентированность его содержания и принципов построения учебного плана, расширяет культурные основы содержания обучения и воспитания, вводит критерии продуктивности и творчества в деятельность взрослого и ребенка» (Н.Б. Крылова).

Специфика культурологического подхода состоит в интегративной организации целостного образовательного процесса, определяющего системность культуроцентричного содержания образования и культуроемкие технологии его реализации в условиях творческого педагогического поиска целесообразных форм, методов, приемов организации диалога в эмоционально-насыщенной, креативной среде на основе культурной преемственности. Гуманитарное образование на основе культурологического подхода инициирует культуротворческую деятельность субъектов образовательного процесса.

Культуротворчество – порождающая деятельность в культуре, в идеале должно стать основной характеристикой жизнедеятельности человека. Реализуемое как на уровне

отдельного человека, так и социума, культуротворчество является сущностной потребностью людей созидать и поддерживать культурные явления, оно содержательно соединено с живостью воображения в процессе творческой деятельности и характеризует высший уровень развития человека.

Для осуществления гуманитаризации образования ряд ученых вносит идеи опережающего образования (А.Д. Урсул, Ю.Н. Афанасьев), которые воплощаются на принципе универсума знания. Эти идеи могут развиваться по нескольким направлениям, но в каждом присутствует единение гуманитарного и точного знания, которое обеспечивается наличием общей идеи. Мы рассматриваем идею интеграции науки и искусства – научного и художественного познания мира – в учебном процессе на принципе культуроцентричности. Этот путь гуманитаризации образования только начинается, но уже сегодня ясно, что он является наиболее перспективным, т.к. основан на выявлении гуманитарных граней в предметах, раскрывающих основы естественных и технических наук.

Подобное «расширение гуманитарных границ образования за счет усиления креативных (акмеологических) компонентов», «трансформации ценностного содержания образования», привлечения гуманистических позиций образования не как системы, а как контекста саморазвития, способности продуктивно реализовать себя (Н.Б. Крылова) возможно средствами интеграции разных гуманитарных дисциплин, а в таком контексте компоненты всех образовательных областей становятся гуманитарными. Комплексная интегративная реализация культурологического подхода дает возможность воссоздать в образовании целостный пространственно-организованный образ культуры.

Конкретность точных и естественных наук составляет оппозиционную пару многогранности и безграничности гуманитарных наук. Таким образом, каждый человек найдет и в тех и в других нечто близкое своему опыту, созвучное интересам и получит при этом определённое эстетическое удовлетворение.

Признаки гуманитарного образования на основе

культурологического подхода проявляются в общем культурном развитии личности, понимаемом как процесс: 1) освоения человеком традиционных для его родной культуры, способов мышления, деятельности, общезначимых знаков и символов, идей, ценностей, обычаев, норм и правил поведения, верований и традиций — всего, посредством чего выстраивается жизнедеятельность каждого конкретного человека; 2) формирования национального самосознания, сохранения культурной идентичности и адаптации в современном мире в условиях поликультурной образовательной среды; 3) эмоционально-ценностного отношения к миру, свободного общения в «силовом поле культуры» (В.С. Библер), диалога в поликультурной среде; 4) освоения и интерпретация образов искусства, получение опыта художественно-творческой деятельности, которая повысит мотивацию к продуктивной творческой деятельности в любой сфере.

В современное образование входят свойственные культуре интегративные, полисистемные способы деятельности, воплощаемые разнообразными педагогическими технологиями. Деятельностные подходы к образованию должны соответствовать таким же подходам к культуре, то есть быть творческими, эвристическими, инновационными, а содержание образования должно соответствовать культуре, то есть быть культуроемким и культуротворческим.

Организация процесса развития гуманитарного образования на основе культурологического подхода требует глобального изменения всех компонентов образовательного процесса и отношений внутри них: содержания образования, культурологической компетентности учителя (гуманитарной, этической, коммуникативной, технологической, этнопедагогической, организационной, корпоративной и др.), принципов и методов построения учебного процесса на основе полиязычия, культурного диалога, интеграции наук и искусств.

Построение образования на культуроцентрических принципах направлено на решение задач как общекультурного, так и узко предметного содержания:

•понимание каждого школьного предмета не как отдельной области знания, а как одного из взаимосвязанных

элементов общечеловеческой культуры, раскрывающих целостный образ культуры в ее непрерывном развитии;

•введение общекультурного контекста, необходимого для понимания языка культуры;

•гармоничное соотношение между науками и искусствами в учебном процессе и культурой в целом, предоставляющими системные и целостные знания о мире, о человеческой культуре, о компонентах их составляющих;

•сообщение учебной деятельности свободы и продуктивности культурной творческой деятельности; построенной на осмыслении того, что в культуру входят духовные, морально-нравственные, материальные ценности; знания, опыт и формы поведения;

•активизация интегративных, творческих, эвристических, инновационных способов деятельности, сообразных способам деятельности в культуре;

•приятие различных культурообусловленных точек зрения, проявление терпимости к ним, опора на них в общении и деятельности.

•реализацию различных способов интеграции учебного процесса и содержания образования;

•развитие культурных свойств, связей и событий в каждой подсистеме образовательного пространства, в результате культурной деятельности его субъектов.

Принцип культуроцентричности способствует соединению между собой процессов, происходящих в культуре, их интеграции в сознании учащихся; помогает создать целостную картину развития культуры; предоставляет ребенку возможность познакомиться с образцами культуры и личностно пережить их содержание; оказывает помощь по переложению информации с языка культуры на язык ребенка. Обеспечить единство и целостность восприятия и познания мира может интеграция наук и искусств на основе введения методов и языков искусства в учебный процесс.

Языки науки, искусства, общения и пр. составляют важную составляющую семиотики культуры, а значит и образования, как части тождественной целому. Являясь одним из ключевых аспектов культуры, они предоставляют человеку

возможность выразить свое отношение к миру, передать накопленный опыт. Сообщение центрального значения обучению школьников расшифровывать сигналы различных языков может стать перспективным направлением современной дидактики образования. Это особенно актуально в современном информационном обществе. Учитывая тот факт, что область современного знания настолько велика, что невозможно запомнить все имена, факты, события, законы, важной задачей современного образования становится научить пониманию языков и навыкам поиска информации, то есть предоставить возможность общения с людьми, понимать тексты науки, искусства и самостоятельно раскрывать для себя новое, необходимое в конкретных обстоятельствах.

Языки и методы искусства, используемые как интеграционные механизмы, увеличивают возможность освоения большего количества информации, усиливая эмоциональную насыщенность ее содержания и сжатие по форме (Ю.М. Лотман, А.А. Криулина), т.е. ее «плотную упаковку» (В.П. Зинченко, А.И. Назаров). Формы и методы искусства могут стать основой педагогических технологий построения нового образовательного пространства.

Если рассматривать каждую образовательную область не как набор отдельных учебных предметов, а как часть человеческой культуры, то культура в образовании предстанет целостно в различных своих многогранных проявлениях. Разнообразие и многоаспектность культуры полагает множественность ракурсов ее освоения и многообразие подходов к ее изучению. Таким образом, возрастает необходимость смены доминанты содержания образования, в центре которого должна встать культура и культурные процессы.

Не отказываясь от предметного обучения, но строя его на междисциплинарном, даже трансдисциплинарном погружении школьника в культуру, можно целостно освоить духовный и материальный опыт на основе диалога традиционной, актуальной и потенциальной культур. Акцент на ценностные оценки, творческое осмысление учеником образцов культуры, эмоциональных переживания в учебном процессе позволяют

овладеть способами художественно-творческой деятельности и способствуют культуротворчеству.

Консолидация наук и искусств в учебном процессе даст понимание единства мира. Ключевую роль здесь должна сыграть культуросообразная сегодняшнему культурному пространству, идея интеграции разнопредметных знаний и разных способов познания и освоения окружающей действительности. Еще в 1999 году на страницах журнала «Искусство в школе» А.А. Мелик-Пашаев писал, что «все более настойчиво звучит мысль о том, что с искусством может быть связано обновление педагогики в целом, что оно дает модель преподавания всех дисциплин, новую «педагогическую парадигму. …проще… /что/ любой предмет надо «преподавать как искусство».

Не противопоставляя гуманитарное знание естественно-научному и техническому, необходимо осознать, что во все времена гуманитарные науки оказывали самое непосредственное влияние на развитие точных наук, так же как точные науки влияли на гуманитарные. «Обнаруживается, – писал Д.С. Лихачев, – основополагающая закономерность, показывающая, что точные науки не могут развиваться без динамического развития гуманитарных наук. Ибо именно гуманитарные науки обеспечивают должный уровень интеллигентности ученых, занятых в любых сферах деятельности, а в целом это еще объясняется и тем, что гуманитарные науки тесно связаны с исследованием сложнейшего в мире «механизма» – человеческой души».

Интеграция содержания гуманитарных, естественнонаучных и точных дисциплин даст возможность сократить общий объем обязательной части содержания образования и разгрузить учебные планы и программы. Так как образование не способно угнаться за наукой путем «нанизывания на пирамиду старых программ все новых и новых фактов и открытий» (Э.Б. Финкельштейн). Культурологический подход к образованию позволяет построить его на интегративной основе, обеспечивающей осмысление уже известного и воссоздание основных идей большой науки, раскрытие ее внутренней логики и достижений, способных стать

базой дальнейшего развития науки и выдержать любые перевороты.

Одной из концептуальных идей по организации содержания является создание «точки удивления» – «узелков» понимания в сознании современного ребенка, в которых происходит формирование основных предметов школьного, обучающегося понимания» (В.С. Библер, С.Ю. Курганов). Находя «узелки» интегративности и конвергентности образовательных областей с искусством, авторы УМК и учителя-предметники могут существенно повысить содержательную и эмоционально-образную насыщенность информации, при этом значительно сокращая ее по форме. Обобщенные примеры таких узелков можно приводить по всем учебным предметам, но мы ограничимся несколькими:

Литература. Языковые первоэлементы: композиция, тема, сюжет, содержание, мотив, ритм, интонация. Описание природы, архитектуры, костюмов, мебели, характеристики героев. Литературный образ. Анализ характера и осмысление поступков героя, раскрывающиеся через образы окружающих его вещей. Единство духовной и материальной культуры эпохи.

Физика. Свойства света и цвета, в живописи, масса и сила тяжести в архитектуре и скульптуре. Ритм – одна из форм существования материи. Отражение и преломление предметов в воде в живописи и графике. И. Ньютон об аналогии цвета и музыки. И.В. Гете. Учение о цвете. Нильс Бор о языке и образах искусства. Образы физических явлений и их использование в передаче содержания произведения искусства.

Биология. Строение человека, животного, растений. Общность и разнообразие в изображении представителей одного вида. Симметрия и асимметрия в природе. Биоритмы. Образы растений, птиц и животных в мифологических представлениях древних, их обожествление и изображение. Образы растений, животных, человека; их характер, переданный через внешние признаки.

География. Перспектива пространства, разнообразие ландшафта, природных явлений, общность и уникальность пейзажей одной географической полосы. Влияние природных условий на традиционный быт человека: жилье, одежду, орудия

труда и предметы быта. Образы Земли, рек, гор, морей. Мифологические представления древних и персонификация. Образы природы и природных явлений. Образы этнического декоративно-прикладного искусства.

Математика. Красота математических решений. Часть и целое. Понятие симметрии. Математические расчеты в построении композиции картины, передачи перспективы и отражений, в скульптуре, архитектурном сооружении. Золотое сечение. Геометрические фигуры и геометрические тела. Мера и гармония. Образы декоративно-прикладного искусства, построенные на симметрии – асимметрии, ритме, тождественности форм.

Образы архитектуры и их характер, переданный пропорциональными отношениями. Образ пространства в живописи и графике.

Дополнять, расширять и разворачивать эти связи за счет нахождения новых «узелков» конвергентности учебного предмета с искусством можно бесконечно и зависит от творчества авторов УМК и каждого учителя. Главное здесь то, что одну и ту же информацию можно передать в разной форме: в деловой речи, в описании, в произведении искусства, при этом самым лаконичным по размеру, но емким по содержанию неизменно окажется именно художественная форма.

Универсальное и в той или иной мере присутствующее во всем понятие, напрямую связанное с искусством и эмоциональной сферой человека – «образ» добавляет ценностно-субъективный оттенок в отношение к новому знанию и поможет опереться на ассоциативные связи при актуализации эмоционального и витагенного опыта ребенка. Поскольку можно говорить об образе вещи, образе явлений и действий, происходящих с объектом трансформаций, образе отношений и т.д.

Понимание разницы между вещами и свойствами, действиями и отношениями, между реальностью и образом этой реальности даст ученику, мощный инструмент для исследования мира, для понимания того, зачем мы разделяем наш мир на физику, математику, географию, и другие науки, а также разнообразные искусства, отражающие в художественных

образах мир и наше к нему отношение. Взаимосвязанность этих понятий, обусловливает их огромную информационную емкость, большие комбинаторные и порождающие возможности, раскрывающиеся посредством активизации ассоциативного мышления.

Ориентация на позиции культурологии образования и использование культуроемких технологий в системе школьного образовательного пространства придаст ему новые интеграционные качества и позволит построить систему культуротворческого интеграционного образовательного пространства школы, имеющего культурные свойства в каждой своей подсистеме.

ЛИТЕРАТУРА

Белкин А.С., Жукова Н.К. 2001. Витагенное образование: многомерно-голографический подход: Технология 21 века. Екатеринбург.

Бердяев Н.А. 1991. Самопознание. М.: Книга.

Библер В.С. 1975. Мышление как творчество. М.: Политиздат.

Валицкая А.П. Урок - событие в культуротворческой школе.

Выготский Л.С. 1968. Психология искусства. М.: Искусство.

Запесоцкий А.С. 2010. Образование и культура: проблемы российской модернизации.- Социология образования. No 7.

Зинченко В.П., Назаров А.И. 1991. Размышления об искусственном интеллекте. О человеческом в человеке. Москва.

Криулина А.А. 2003. Эргодизайн образовательного пространства (Размышления психолога). М.: ПЕР СЭ.

Крылова Н.Б. 2000. Культурология образования. М.: Народное образование.

Кудрявцев В.Т., Слободчиков В.И., Школяр Л.В. 2001. Культуросообразное образование: концептуальные основания. Известия российской академии образования. Москва.

Лебедев О.Е. 2008. Культурологические основы образовательных стандартов современной школы.- Педагогика. No 2.

Лихачев Д.С. 1995. Декларация прав культуры (проект). ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, СПбГУП.

Лосев А.Ф. 1991. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат.

Лотман Ю.М. 1998. Об искусстве. СПб.: Искусство.

Мейдер В.А. 1987. Математика и культура (философско-мировоззренческие аспекты). Москва.

Мелик–Пашаев А.А. 1999. О прошлом, настоящем и будущем нашей педагогики искусства.- Искусство в школе. No 4.

Неменский Б.М. 2007. Педагогика искусства. М: Просвещение.

Розов Н.С. 1998. Ценности в проблемном мире: философские основания и

социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета.

Финкельштейн Э.Б. 2006. Исследовательская деятельность школьников и интеграция (приглашение к исследованию). М.: Клуб учителей «Доживем до понедельника».

Юсов Б.П. 2003. Новые горизонты школьного искусства и культуры. Искусство в условиях модернизации школьного образования и воспитания: Сб. научных статей. М.:ИХО РАО.

Получена / Received: 22.02.2013
Принята / Accepted: 25.02.2013

Humanity space *International almanac* VOL. 2, No 1, 2013: 45-53

Воспитательные функции музыки в культурно-историческом контексте

Т.В. Надолинская

Таганрогский государственный педагогический институт имени А.П. Чехова
347936, Ростовская область, г. Таганрог, ул. Инициативная, д. 50
Taganrog State Pedagogical Institute named after A.P. Chekhov
Initsiativnaya str., 50, Rostov Region, Taganrog, 347936 Russian
e-mail: tatu60@mail.ru

Ключевые слова: воспитание, музыка, музыкальное образование, античность.
Key words: education, music, music education, antiquity.
Резюме: Статья посвящена проблеме воспитания личности средствами музыкального искусства, раскрываются особенности становления музыкального образования в Древней Греции, анализируется влияние античной музыкальной культуры на развитие современного музыкального образования.
Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта ТГПИ в рамках научно-исследовательского проекта «История музыкального образования», Пр. № 76 от 15.05.2012.
Abstract: Article is devoted to a problem of education of the personality by means of musical art, features of formation of music education in Ancient Greece reveal, influence of the Greek musical culture on development of modern music education.
The study was supported by the grant TSPI within the research project "The History of Music Education", Pr. No 76 dated 15.05.2012.
[**Nadolinskaya T.V.** Educational functions of music in the cultural and historical context]

С древних времен вопросы воспитания и образования личности занимали одну из наиболее важных позиций. Античный идеал всесторонне образованного человека был сформирован еще с гомеровских времен. В «Иллиаде» главный герой эпоса Ахилл обладает военными, спортивными, медицинскими, ораторскими и музыкальными умениями – вот необходимый, по мнению древних, круг знаний, которые стал основой концепции enkyklios paideia (обучение по всему кругу знаний).

Музыка Древней Греции сохранилась в немногочисленных фрагментах, которые представляют собой надписи, высеченные на каменных колоннах и гробницах. Для

музыкального письма использовали буквы греческого и финикийского алфавита. Однако судить о древнегреческой музыкальной культуре можно не только по этим фрагментам, но и по произведениям изобразительного искусства (например, на античных вазах встречаются изображения музыкальных инструментов) и литературы (в частности, трудам Аристотеля, Платона и других философов). Сохранились трактаты, посвящённые музыке.

Немало интересных сведений можно почерпнуть и из мифологии. Философ, математик и музыкант Пифагор (VI в. до н.э.) песней усмирил юношу, собравшегося поджечь дом, где была заперта его возлюбленная. Пифагор и его последователи создали даже особое учение, согласно которому музыка может управлять душой человека, пробуждая в ней добро или зло. По мере развития музыки стали появляться теоретические труды. Были созданы трактаты "Элементы гармоники" Аристоксена и "Гармоника" Птолемея (оба II в.до н.э.), "О мусическом искусстве" Аристида Квинтилиана (II или III в. н. э.) и другие.

Большой признательностью в героический период греческой истории (около XI-VII вв. до н.э.) пользовались странствующие певцы-сказители – аэды и рапсоды. Певец пел, сопровождая сказ на древнем струнном инструменте – форминксе, а позже – на лире и кифаре. Образ странствующего певца-сказителя запечатлен в эпосе Гомера и Гесиода. Этот факт свидетельствует о том, что уже в то время существует вполне профессиональная традиция, позволяющая исполнять огромное разнообразие героических песен точно.

К VI веку до н. э. в искусстве рапсодов появляется тяга к специализации: исполнители сосредоточивались на творчестве какого-либо одного поэта – Гомера, Гесиода или выбирают какой-либо жанр: дифирамбы, гипорхемы, эпические поэмы или ямбы. В области инструментального обучения музыке также преобладали методы индивидуального обучения. Наиболее употребительными инструментами в музыкальном образовании античности были авлос, флейта, кифара и лира, хотя греки знали и множество других: арфу, ксилофон, трубу, тамбурин, кастаньеты.

Важную часть греческой музыкальной культуры

составила ее теория. Еще греческие мыслители (Пифагор, Гераклит, Платон, Аристотель, Аристоксен) уделяли большое внимание педагогическим вопросам и создают оригинальные педагогические концепции. «Познай самого себя, и познаешь весь мир» – девиз и жизни, и деятельности Сократа. Он оставил вечный след в истории воспитания, т.к. заложил основы «воспитывающего обучения», который остается девизом идеальной школы наших дней (Аристотель 1976, 1978, 1984: 102). Также Аристоксен, опираясь на Аристотеля, стал виднейшим музыкальным теоретиком Древней Греции. Книга Аристоксена «Элементы гармоники», написанная в IV в. до н.э., дошедшая до наших дней, – первая книга о музыке, сохранившаяся в европейской традиции. Она оказалась первым опытом осмысления природы музыки, ее имманентных законов. Он обобщил и систематизировал теорию ладов, ритма, создал целостную теорию, посвященную реальной музыки.

Важным для нашего исследования является и опыт воспитания в Спарте и Афинах. Здесь все было подчинено строгой дисциплине, и весь уклад жизни определен строгими правилами. Государство контролировало все сферы жизни. «Спартанское воспитание было суровым, военным и строго государственным. До 7 лет дети оставались в семье, но воспитывались и здесь под контролем государства – в презрении ко всему, что угрожает развитию воинской силы и крепости человеку, в презрении к наслаждению, которое порождает личные интересы, в презрении к духовному образованию. При этом илоты были лишены воспитательного, культурного воздействия. По свидетельству многих греческих авторов, им даже запрещалось петь песни» (Аристотель 1976, 1978, 1984: 107).

Афины стали центром развития науки, искусства и философии, начиная с V века до н.э. Воспитание в Афинах не имело государственного режима, как в Спарте: здесь оно было индивидуальное и свободное. Семье было предоставлена полная свобода в воспитании. Государство следило за тем, чтобы воспитание было дано и следило за нравственностью учащихся в школах посредством софронистов – особых государственных чиновников. Конечная цель воспитания определялось

многозначным понятием «калокагатхиа», которое означало совокупность «добродетелей» (Погонина, 1991).

Воспитание и образование в Афинах было больше частным, чем государственным. Обучение происходило в школах. Каждый афинянин, если хотел стать образованным человеком, должен был пройти курс у грамматиста, обучиться чтению, письму и счету, пройти курс музыки в школе кифариста. Главным воспитательным средством для афинян являлись гимнастика и музыка. Занимаясь музыкой, мальчики изучали также законы стихосложения, ритмики и мелодии. Кроме того, они выучивали большое количество песен и приобретали навык исполнять драмы и говорить застольные речи.

Сведения о первых музыкальных школах античности относится к периоду развития хоровой лирики в государстве Лакедемон (Спарта), т.е. ко второй половине VII в. до н. э. Среди первых основателей школ – поэты острова Лесбос Сапфо и Алкман. В основанную школу Сапфо принимались девушки из знатных родов, обучавшихся до замужества поэтическому искусству, музыке и, в особенности, хоровому пению.

Под воздействием древнегреческой культуры развивалась музыка Древнего Рима. В Римской империи увлечение музыкой было всеобщим. Например, император Нерон, стремившийся прослыть великим певцом и актёром, участвовал в музыкальных состязаниях и требовал, чтобы ему присуждали главные призы. Профессия учителя музыки пользовалась уважением и почётом. Как и все искусство древнеримского государства, музыкальная культура развивалась под влиянием эллинистической цивилизации. Но раннеримская музыка отличалась самобытностью. Издавна в Риме сложились музыкально-поэтические жанры, связанные с бытом: песни триумфальные (победные), свадебные, застольные, поминальные, сопровождавшиеся игрой на тибии (латинское название авлоса – духового инструмента типа флейты).

Большое место в древней музыкальной культуре Рима занимали напевы салиев (прыгунов, плясунов). На празднестве салиев исполнялся своеобразный танец-игра: надев легкий панцирь и шлем, с мечом и копьем в руках, 12 человек под

звуки труб танцевали в такт песне, обращенной к богам Марсу, Юпитеру, Янусу. Кроме салиев большой популярностью пользовались напевы «арвальских братьев» (так назывались римские коллегии жрецов). Праздники «арвальских братьев» происходили в окрестностях Рима и посвящались сбору урожая. Они выражали благодарность богам за собранный урожай, на них звучали молитвы о будущем. Тексты некоторых молитв и гимнов сохранились (Музыкальная культура древнего мира. Л., 1937).

В классический период музыкальная жизнь Рима отличалась пестротой и разнообразием. В столицу империи стекались музыканты из Греции, Сирии, Египта и других стран. Как и в Греции, поэзия и музыка в Риме тесно связаны. Оды Горация, эклоги Вергилия, поэмы Овидия пелись в сопровождении струнных щипковых инструментов – кифар, лир, тригонов (треугольная арфа). Широко использовалась музыка и в драме: певцы исполняли кантики (от «кано» – пою) – музыкальные номера речитативного характера.

Для Римской империи периода классицизма было характерным всеобщее увлечение музыкой. В знатных семьях пению и игре на кифаре обучали детей. Профессия учителя музыки и танца была почетна и популярна. Большим успехом пользовались публичные концерты греческой классической музыки и выступления виртуозов, многие из которых были любимцами императоров, например певец Тигеллий при дворе Августа, актер-певец Апеллес — любимец Калигулы, кифареды Менкрат — при Нероне и Месомед Критский при Адриане. Некоторым музыкантам даже ставили памятники, как кифареду Анаксенору, служившему при дворе Цезаря. Кстати, император Нерон ввел так называемое греческое состязание, где сам выступал как поэт, певец и кифаред.

Музыкой, пением и танцами сопровождались и любимые римлянами праздники Вакха – знаменитые вакханалии. И даже в военных легионах существовали большие духовые оркестры. С 395 г. Римская империя была разделена на две части – Западную (с центром в Риме) и Восточную – Византию (столица – Константинополь). Византия занимала часть территории Балканского полуострова, Малую Азию и юго-восточное

Средиземноморье. За время своего существования (IV-XV вв.) Византийская империя создала самобытную музыкальную культуру, неразрывно связанную с христианством. Ежедневные церковные богослужения были обязательны в жизни каждого византийца, и музыке отводилась в них важная роль.

Среди жанров церковной музыки предпочтение отдавалось канону и тропарю. Канон (от греч. "канон" – "образец", "правило") – музыкально-поэтическая композиция из девяти разделов, включавшая в себя темы покаяния и прославления. Тропарь – хвалебное песнопение, которое сочинялось к празднику или торжественному событию, но не было самостоятельным произведением, а входило в более крупное. Каждому музыкальному жанру отводилось определённое место в богослужении. Церковное пение подчинялось строгим законам – церковно-певческому канону. Правила были изложены в одной из важнейших богослужебных книг – Уставе. В нём содержались подробные указания, в какие дни и часы, при каких церковных службах и в каком порядке нужно читать или петь те или иные молитвословия. Исполнение песнопений требовало длительной подготовки, поэтому певчие воспитывались с раннего детства в монастырях и храмах, где их обучали доместики (руководители хоров).

На исходе античности в музыкальной жизни рабовладельческого общества большую роль играл Рим. В музыкальном искусстве этой огромной империи отразились древность культуры, художественная одаренность народа. Рим жил шумной и роскошной жизнью. Музыкой обставлялись пышные зрелища, создавались огромные оркестры, возникли концертные антрепризы.

Система воспитания древних римлян была противоположна греческому воспитанию, т.к. римляне не имели склонностей ни к красоте, ни к науке. Римляне отличались практическим складом, вели простую жизнь и занимались земледелием. В первые века до знакомства с эллинской культурой (примерно III век до н. э.) у них не было такой потребности в образовании, как у греков.

Первое упоминание о школах в Риме относится к 489 г. до н. э. До тех пор римляне учились у родителей и природы.

Сначала римская педагогика ограничилась семейным патриархальным воспитанием, причем главное значение принадлежало матери, которая готовила ребенка к жизни земледельца.

Обучение в Риме ограничивалось сообщением элементарных знаний в чтении, письме и счете, развитием речи и изучением законов государства. Очевидно, что воспитание и образование римлян носило нравственно-гражданско-практический характер, тенденция к всестороннему и гармоническому развитию личности не проявлялась, поэтому римское воспитание более приближалось к спартанскому воспитанию.

С III в. до н. э. греческая культура постепенно стала вливаться в римскую жизнь. Из греческих наук выбрали те, которые имели значение для практики: грамматику и риторику, меньше – математику. «Еще менее благоприятную почву встретила теория музыки, так как занятие музыкальным искусством прямо считалось неприличным» (Ветнек, 1892: 45). Разница в том, что греки воспитывали юношеский дух на началах гуманности и добродетели, а дети римлян, чтобы они были полезны обществу. Однако римляне были первым народом в мировой истории, который открыто признал и усвоил другие языки и науку другого народа как условие собственного образования.

Римский оратор, теоретик ораторского искусства Марк Фабий Квинтилиан считается первым учителем-профессионалом, открывшим государственную школу. Цель школьного обучения рассматривалась как образование оратора, поэтому Квинтилиан обращал внимание на индивидуальность ребенка.

Он считал, что кроме изучения родного и греческого языка будущему оратору необходимо образование в других искусствах и науках. Квинтилиан отмечает важность для оратора музыкального образования, т.к. музыка развивает чуткость к изящному расположению слов и правильную модуляцию голоса, воспитывает изящество и ритм в жестах и телодвижениях, столь нужных оратору.

Метод обучения, по Квинтилиану, вообще, и музыке в

частности, должен иметь три основания: подражание, наставление и упражнение. При обучении чтению, изящному стилю, искусству речи, музыке обучение нуждается во всех трех основах. При этом главное значение имеет упражнение, рядом с ним стоит подражание. Кроме общих педагогических и дидактических положений Квинтилиан дает много методических указаний обучения языкам и другим предметам.

Квинтилиана можно назвать первым и единственным методистом древнего мира, его также называли учителем христианской эпохи. В течение тысячелетия сочинения Квинтилиана пользовались необычайным авторитетом в средневековой школе. Именно он установил те семь свободных искусств, которые легли в основу христианской средневековой школы, а в монастырях и соборных училищах вплоть до XI века обучали по его указаниям.

Пути реализации воспитательной функции музыки в эпоху античности, считает Е.А. Бодина, свидетельствует об обобщенно-личностной направленности музыки на формирование социально определенного типа свободнорожденного гражданина в соответствии с нравственно-эстетическим идеалом-калокагатией. Античным системам музыкально-эстетического воспитания свойственен эстетико-педагогический максимализм, проявившийся в преимущественном использовании искусства в воспитательных целях. Музыка в силу своей нравственной направленности считалась важнейшим средством и одновременно – целью общественного воспитания в его космологически обусловленном понимании. Музыкальность человека рассматривалась как основа его образованности, нравственности и принадлежности к социальному типу личности, сформированному по канонам калокагатии (Бодина, 1992).

В эпоху античности зародилась важнейшая традиция в мировой практике музыкального воспитания: его цели и содержание определялись ценностным отношением общества к человеческой личности и заинтересованностью в ее самостоятельном разностороннем развитии. Историко-педагогический анализ показывает, что в соответствии с этой единой установкой строились различные системы музыкального

воспитания, организация школьного образования, характерные для более поздних культурно-исторических эпох, в частности, эпохи средневековья и Возрождения.

Очевидно, что классическая древность оставила современному музыкальному образованию ряд важных идей:

- идею гуманитарного образования, которое проводится в школе как самостоятельном образовательно-воспитательном учреждении, имеющей главной задачей образование человека, развитие его духовных и физических сил, не подчиненное профессиональным соображениям;
- идею целостности образования с основным нравственным компонентом и главной целью – нравственным воспитанием человека;
- положено начало теории воспитания и обучения, в которой берет начало разработка частных вопросов дидактики, или методики обучения;
- музыка рассматривалась как на средство этического образования каждого человека;
- дан исторический урок кропотливой индивидуальной работы с учеником, оставшийся в веках принцип индивидуальной работы, проявившийся в тщательно продуманной методике обучения (подражательный пример, убеждение-увещевание, дидактическая ошибка, диалог);
- опыт создания учебных заведений (школ, гимназий, лицеев, академий), в которых осуществлялось коллективное и индивидуальное обучение.

ЛИТЕРАТУРА

Аристотель 1976, 1978, 1984. Сочинения в четырех томах. Т. 1, 1976; Т. 2. М., 1978.; Т. 4. М., 1984.

Бодина Е.А. 1992. Воспитательная функция музыки: эволюция и современные тенденции реализации: автореф. дис. … д-ра пед. наук. Москва.

Ветнек Е. 1892. Значение музыки в древнегреческом воспитании.- Гимназия. No 8: 643-652.

Музыкальная культура древнего мира. Л., 1937.

Погонина И.В. 1991. Музыкальное образование античности.- Музыкальное образование: уроки истории: Сб. науч. трудов. Моск. гос. конс. им. П. И. Чайковского. М.: 130-145.

Получена / Received: 15.02.2013
Принята / Accepted: 18.02.2013

Humanity space *International almanac* VOL. 2, No 1, 2013: 54-60

Студенческое самоуправление в вузе как средство развития социально активной личности студента

В.П. Подвойский[1], А.А. Ласкин[2], Ю.О. Кустикова[3]

[1]Московский Педагогический Государственный Университет
119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
Moscow State Pedagogical University
Malaya Pirogovskaya str. 1, building 1, Moscow 119991 Russia

[2]Высшая Школа Социально-Управленческого Консалтинга
129278, Москва, ул. Павла Корчагина, 7А
Higher School of Socially-Administrative Consulting
Pavla Korchagina str. 7A, Moscow, 129278 Russian; e-mail: al.laskin@yandex.ru

[3]Московский Государственный Университет Культуры и Искусств
141406, Московская обл., Химки, ул. Библиотечная, д.7
Moscow State University of Culture and Arts
Bibliotechnaya str. 7, Moscow reg., Khimki 141406 Russia

Ключевые слова: студенческая демократия, студенческое самоуправление, студенческий совет, социальная активность, общественно-полезная деятельность.
Key words: student democracy, student government, student council, social activities, community service activities.

Резюме: Статья посвящена проблеме развития самоуправления в вузе. Студенческое самоуправление рассматривается как неотъемлемая составляющая целостного процесса воспитания студенческой молодежи. В статье указывается на общественно полезную роль студенческого самоуправления, задачи которого связываются с развитием потребностей государства и общества. Подчеркивается тот факт, что активность студенческого самоуправления оказывает неоценимый вклад в сохранение и дальнейшее развитие лучших традиций, накопленных предыдущими поколениями в сферах образования и культуры, языков и национальных обычаев народов. В статье раскрываются организационные формы, одной из которых является студенческий совет. В статье рассматриваются функции студенческого совета, направленные на привлечение талантливой студенческой молодежи к научным исследованиям, творческим проектам, конкурсам, общественной и международной деятельности.

Abstract: The article is devoted to the self-development at high school. Student government is seen as an integral part of the whole process of students. The article points to the socially beneficial role of student's government, the problem is associated with the development needs of the state and society. It is highlighted the fact that the activity of the student's government has an invaluable contribution to

the preservation and development of the best traditions accumulated by previous generations in the fields of education, culture, language and national customs. The article describes the organizational forms, one of which is the student's council. The article explains the function of the student's council to attract talented students to research, creative projects, competitions, public and international activities.
[**Podvoysky V.P.**[1]**, Laskin A.A.**[2]**, Kustikova Yu.O.**[3] Student's government at high school as the means for socially active student's pesonality]

На современном этапе развития общества неуклонно возрастает общественная активность студенческой молодежи. Это происходит по той причине, что студенты все больше чувствуют необходимость объединения для реализации собственных интересов и потребностей. В этом смысле наиболее ценна работа органов студенческого самоуправления.

Система образования в XXI веке все более становится механизмом устойчивого социального развития, превращаясь в основной фактор изменения знаний, ценностей, поведения и образа жизни будущего специалиста. Качественно меняются и задачи воспитания студенческой молодежи. Важнейшим средством в подготовке современных специалистов выступает развитие социальной активности, способности к общественно-полезной деятельности, воспитание высоких нравственных качеств, профессиональной и общей культуры, гражданственности и ответственности, чувства собственного достоинства.

Становление в России гражданского общества ориентирует высшее образование на формирование профессионально и социально компетентной, конкурентоспособной личности, способной к творчеству и самоопределению в условиях динамично меняющегося мира. Демократизация общественной жизни, системы образования, процессов обучения и воспитания требует продуктивного включения студентов в социально-значимую творческую деятельность, создания оптимальных условий для их саморазвития и участия в управлении вузом, решении всех вопросов вузовской жизни.

Современное студенческое самоуправление, выступая реальной формой студенческой демократии, является и важным средством социальной и правовой самозащиты студентов.

В.П. Подвойский, А.А. Ласкин, Ю.О. Кустикова
V.P. Podvoysky, A.A. Laskin, Yu.O. Kustikova

Участие в самоуправлении содействует успешной социализации студента, позволяет ему сохранить свою индивидуальность, развить способность мыслить нешаблонно, нестереотипно, сформировать готовность к быстрой адаптации к будущей профессии, к смене профиля своей деятельности.

В настоящее время студенческое самоуправление осуществляется на основе Конституции РФ, ряда федеральных законов («Об образовании», «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», «Об общественных объединениях», «О профессиональных союзах…», «О государственной поддержке детских и молодежных объединений»), федеральных подзаконных актов, законов субъектов РФ, уставов образовательных учреждений, договоров между органами студенческого самоуправления и администрацией образовательного учреждения, или между общественными объединениями вузов и студентов. Это имеет не столько положительную (многообразие форм и моделей студенческого самоуправления), сколько отрицательную сторону — облегчает подмену самоуправления различными формами симуляции общественной деятельности.

Широко распространена практика, когда органы студенческого самоуправления фактически являются подразделением администрации вуза, их решения носят лишь формальный характер и участие студентов в таком «самоуправлении» минимально. Наиболее ярко это проявляется в вузах, где органы студенческого самоуправления возглавляют не студенты и аспиранты, а люди в возрасте, далеко превышающем студенческий, лидеры таких организаций больше преследуют свои интересы, а не интересы самих студентов.

Развитие студенческого самоуправления в вузах должно основываться на появлении новых форм студенческой самоорганизации, на вовлечении студентов в соуправление высшим учебным заведением. Сегодня существующая система далеко не совершенна: работающие студенческие советы и старостаты, необъединяют основную массу студентов и лишь номинально представляют ее интересы, при этом организацию

работы со студентами проводят подразделения вуза с привлечением небольшого актива студентов.

Реализация студентами различных программ в области социальной защиты, гражданской активности, организации отдыха студенчества имеет исключительную значимость в решении самых актуальных проблем молодежи. больше чувствуют необходимость объединения для реализации собственных интересов и потребностей.

В этом смысле наиболее ценна работа органов студенческого самоуправления. Реализация студентами различных программ в области социальной защиты, гражданской активности, организации отдыха студенчества имеет исключительную значимость в решении самых актуальных проблем молодежи.

Общественно полезная роль вновь образованного и утвердившегося в российских вузах студенческого самоуправления связывается с развитием потребностями государства и общества в развитии активности студентов по возрождению и сохранению лучших традиций, накопленных предыдущими поколениями, и отражающими истории и культуру России и ее народов. При этом студенческое самоуправление рассматривается как: а) особая форма инициативной, самостоятельной, ответственной общественной деятельности студентов, направленной на решение важных вопросов жизнедеятельности студенческой молодёжи, развитие её социальной активности; б) форма воспитательной работы в вузе, осуществляемая в рамках *Концепции непрерывного образования*, направленная на формирование всесторонне развитой, творческой личности, с активной жизненной позицией, подготовку современных специалистов, конкурентоспособных на рынке труда; с) одна из форм молодёжной политики РФ, проводимая в целях консолидации студенческого общественного движения, наиболее полного использования потенциала студенчества в социально-экономических преобразованиях общества, решения студенческих проблем. Студенческое самоуправление осуществляется в разных организационных формах, одной из

которых является *студенческий совет*. Студенческий совет, представляя и защищая права студентов, выявляя и привлекая талантливую студенческую молодежь к научным исследованиям, творческим проектам, конкурсам, международной деятельности, содействует в формировании ценностных ориентаций будущего специалиста, составляющих основу воспитательной системы вуза.

Исходя из этого, основными целями Студенческого Совета являются:

- обеспечение реального участия студентов в управлении учебно-воспитательным процессом;
- развитие инициативы, творческих способностей студентов;
- формирование моральных качеств;
- обучение организаторским и управленческим навыкам;
- поддержание правопорядка в молодежной среде.

Реализация целей осуществляется Студенческим Советом по следующим направлениям**:**

- Выражение и отстаивание интересов студентов в администрации факультетов (институтов), университета;
- участие в работе Ученого совета университета;
- развитие инициатив студентов, направленных на улучшение условий учебы, быта и отдыха студентов;
- активизация процессов управления студенческими коллективами и вовлечение их в общественную жизнь университета;
- разработка и реализация мероприятий по повышению ответственности студентов за своевременное выполнение ими учебных планов и учебной дисциплины;
- участие в распределении стипендиального фонда и фонда материального стимулирования студентов университета с учетом их социального положения, результатов учебы и участия в общественной жизни университета;
- взаимодействие с общественными организациями университета, правоохранительными органами по поддержанию общественного порядка на мероприятиях и в местах

расположения студенческих общежитий;

- организация досуга и отдыха студентов.

Как правило, все мероприятия, проводимые Студенческим советом, делятся на шесть блоков, охватывающих основные сферы студенческой активности:

1. учебные;
2. культурно-массовые;
3. спортивные;
4. интеллектуально-развивающие;
5. научные;
6. информационно-аналитические.
7. социально-экономические.

Контроль за реализацией мероприятий по указанным блокам возлагается на соответствующие комитеты Студенческого совета (научный, учебный, информационно-аналитический, культурно-массовый, спортивный). Комитеты Студенческого совета полностью отвечают за проведение всех мероприятий в вузе.

Преподаватели – консультанты (тьюторы) оказывают педагогическую поддержку студенческому совету в организации и проведении досуговых мероприятий, развитии контактов с молодежными организациями, работодателями, органами социальной защиты, культурными учреждениями.

Процесс обновления студенческого самоуправления должен быть направлен на придание ему социально-практического характера, что обусловлено необходимостью сознательного, ответственного отношения студентов к возможностям и перспективам своей профессиональной и культурно-нравственной самоорганизации и участия в социальном управлении.

ЛИТЕРАТУРА

Филоненко В.И. 2008. Основные характеристики процесса студенческой социализации.- Философия права. No 3: 86-92.

Чирков О.А. 2001. Менеджмент студенческих организаций в вузе: Дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 : Москва. 129 с.

Чупров В.И., Зубок Ю.А. 2000. Молодежь в общественном производстве: проблемы и перспективы. М.: РИЦ ИСПИ РАН.

Шаламова Л.Ф. 2008. Социальное самочувствие и социальная активность молодежи.- Социально-гуманитар. знания. No 2: 172-184.
Шаламова Л.Ф. 2009. Показатели социальной активности молодежи.- Социально-гуманитар. знания. No 3: 128-138.
Шаламова, Л.Ф. 2007. Студенческая молодежь и государственная молодежная политика.- Социально-гуманитарные знания. No 4: 112–129.

Получена / Received: 11.01.2013
Принята / Accepted: 19.01.2013

Humanity space *International almanac* VOL. 2, No 1, 2013: 61-73

За по-нататъшно развитие на изследователския модел на системата на обучение

Л. Цветанова-Чурукова

Юго-Западный университет им. Неофита Рилски
2700 Благоевград ул. Иван Михайлов 66
South West University "Neofit Rilski", Department of "Pedagogy".
66 Ivan Michailov st. 2700 Blagoevgrad, Bulgaria
st. Haydushka gora, No 6, 1612, Sofia, Bulgaria

Ключевые слова: интердисциплинарные интеллектуальные умения, исследовательское и развивающее обучение, культура умственного труда, интегрированные формы обучения, индивидуальный и групповой опыт исследования.
Key words: interdisciplinary intellectual skills, research and developing training, culture of intellectual work, integrated forms of education, individual and group research experience.
Резюме: В статье обосновывается необходимость дальнейшего развития исследовательской модели процесса обучения. Это связано с успешным усвоением и использованием школьниками интердисциплинарных интеллектуальных умений. Обоснована программа для развития исследовательского обучения, которая включает в себя семь тематических областей (механизмы для ориентации, для целеполагания, прогнозирования, отбора и интерпретации, для комбинирования содержания, для конструирования творческих продуктов, для рефлексии) со соответствующим семантическим полям.
Abstract: The article justifies the need for further research model development of the learning process. This is associated with successful implementation and utilization of the intellectual interdisciplinary skills by the disciples. The program is based on the development program for research training, which includes seven thematic areas (mechanisms of orientation for target setting, forecasting, selection and interpretation, the combination of content, for appearance of creative products, for reflection) with their corresponding semantic fields.
[**Tsvetanova-Churukova L.** Model of the education system]

Стратегия „Европа 2020" поставя във фокуса на вниманието ролята на човешкия фактор за икономическото процъфтяване и възход на страните от обединена Европа. От качеството на образователния процес се определя и успешната социална реализация на младите хора в обществото, на пазара на работната сила. Добрата образователна подготовка в училище е предпоставка за добро функциониране на социално-

икономическата инфраструктура на страната. Все по-голямо значение в тази връзка се отдава на изследователските характеристики на процеса на обучение. В стратегическите документи за развитие на българското образование основателно се подчертава, че репродуктивният образователен модел е необходимо да се обогати и насити в по-голяма степен с творчески моменти. Към това са насочени доста от съвременните педагогически иновации в началното образование, и особено използването на интегрирани форми за обучение, в частност – проектната дейност. Голяма роля за иновационното обновление на педагогическия процес в началните класове имат съвременните информационни технологии, използването на електронни учебни материали, тестове, компютърни игри, презентации, сайтове и образователни портали от Интернет. Те също създават информационно-стимулираща среда, подкрепяща изследователското и конвенциалното обучение в началните класове.

В условията на икономическа криза особена стойност има целодневната организация на учебно-възпитателния процес. Тази организация се отличава с определени социално-педагогически преимущества, тъй като позволява постигане на по-добра управляемост на познавателната и практическата дейност на децата, на тяхното обучение, възпитание и развитие. При целодневен престой на децата в училище педагогически се осмисля свободното им време, обединява се придобитият от тях училищен и извънучилищен опит, използват се многообразни интердисциплинарни форми на дейност. По-рационално протича самоподготовката на децата и целенасочено се работи от педагогическите екипи за превъзмогването на техните неуспехи в образователния процес. При целодневна организация на обучението се реализират на несравнимо по-високо равнище интегративни модели на обучение и възпитание. Целодневната организация чрез т.нар. „допълнително обучение” позволява да се реализират различни програми за изследователска дейност. Те са ориентирани към развитие на културата на умствения труд на децата, към овладяването на съответни интелектуални умения и навици, т.е.

към усвояването на надеждни инструменти за самостоятелна, творческа познавателна дейност. Традиционното обучение от I-IV клас, реализирано чрез система от уроци по различните учебни предмети, също предполага изследователска дейност. В микроструктурата на всеки урок е желателно да бъдат включени разнообразни творчески задачи, да се изпълняват мини-проекти по определени раздели на учебното съдържание с цел удовлетворяване и развитие на детските интереси и любознателност.

Потребността у децата към изследователски търсения, както е известно, има генотипна детерминация. Изследователският инстинкт е заложен изначално в биологичния фонд на личността. Всички деца са любознателни и се ориентират в различна степен в обкръжението, жадни са да натрупват нови впечатления, дават отговор на въпроса „Какво е това?" (по И.П.Павлов), наблюдават света и експериментират, стремят се да разширяват своите хоризонти, да откриват все нови и нови познавателни обекти. Така те се приобщават към системата на социалните отношения, социализират се. Изследователската нагласа на мисленето и изследователското поведение са присъщи за всеки човек. Непрекъснатото проявление на изследователска активност е съвсем естествено за учениците от I-IV клас.

Развитието на интелектуални умения у учениците в началните класове е базисна предпоставка за осъществяването на учебно-изследователска дейност, за реформирането на образователния процес. Учителят е длъжен да отчита възрастовия етап на развитие на познавателната дейност на учениците в хода на учебната дейност и да използва йерархията от мисловни логически операции, които са многообразни, полифакторно обусловени и детерминиращи разнообразната мисловна дейност на децата в началните класове.

Логическите категории безспорно са в основата на всяко знание. Благодарение на логическите операции детето дълбоко прониква в действителността, открива присъщите ѝ закономерности. С помощта на сложния комплекс от интелектуални умения учителят формира у децата понятия, съждения, умозаключения като основни когнитивни

конструкции, формира системи от теоретични знания. Логическите операции водят до истинност и адекватност на познанията. Всичко това е необходимо условие за правилно мислене.

За Б.Г.Ананиев интелектът представлява „многостепенна организация на познавателните сили ...» (Ананьев, 1978: 71).

Х. Айзенк определя интелекта като умение да се решават сложни задачи (Айзенк, 2002).

Съществува множество от класификации на интелекта. Различните видове интелектуални операции в процеса на обучение се преплетат, комбинират се различно, но основно те са когнитивни, мисловни (конвергентни и дивергентни), свързани със запомнянето, въображението и оценъчната дейност.

Голямо значение за творческите характеристики на образователния процес има използването на интелектуалните операции: откриване на сходство и различие между обектите, класификация, построяване на определения на понятията, доказателство, конкретизация, систематизация, установяване на причинно-следствени зависимости, извеждане на изводи и заключения и т.н. Те способстват за достигането на високо равнище на умствено развитие на учениците, дават им възможност продуктивно да използват усвоените знания и похвати за дейност и самостоятелно да придобиват нови. Ето защо учителят трябва да формира у учениците от началните класове интердисциплинарните интелектуални умения, без които обучението няма да има развиващ характер, а постигането на високо качество на образователния процес е немислимо.

В традиционното обучение на интелектуалните умения се отделя малко време. Те обикновено са негов страничен продукт. Недооценяването на систематичната дейност, свързана с формирането у учениците на интелектуални умения, води към стихийно развитие на техния умствен потенциал, както и до изоставане в развитието на операционната страна на мисленето в сравнение с неговата съдържателна страна.

Проблемът за формирането от учителя на интелектуални умения у учениците е изследван от много педагози. Във връзка с неговата актуалност, значимост в усъвършенстването на

образователния процес, както и във връзка с неговата интердисциплинарна същност, той продължава да привлича вниманието на много изследователи. Интелектуалните умения са неразривно свързани с умствената дейност на децата. Те се отличават със своя съзнателен характер, представляват стереотипни компоненти на познанието, осъществявани чрез взаимни трансформации на мисловните процеси, и функционират при използването на знания в процеса на дейността. Благодарение на интелектуалния тренинг уменията се трансформират в съответни навици, с подсъзнателна регулация на поведението. Когато интелектуалните действия на учениците се затвърдят, те постепенно започват да се осъществяват автоматично. Умението болшинството от психолози интерпретират като начална фаза при овладяването на съответни действия. Други учени разглеждат интелектуалните умения като най-високо равнище на познавателна дейност при учениците от началните класове. По мнението на А.А.Люблинска, уменията са свързани с «използването на знанията, понятията, законите, правилата и похватите за действие с тях» (Люблинская, 1977: 113). Уменията се формират върху основата на съответни процедурни знания. Интелектуалните умения са елемент от общо-учебните умения на учениците.

В педагогическата литература специално внимание се отделя на следните групи интелектуални умения: *обобщени* (между-предметни) *и частни* (характерни за отделните учебни предмети); *репродуктивни и продуктивни; рационални и нерационални.* Някои автори наричат интелектуалните умения изследователски (например, А.Я.Савченко), а други ги определят като познавателни (А.В.Усова и А.А.Бобров).

В психолого-педагогическата литература интелектуалните умения се разглеждат от различни гледни точки като похвати за интелектуална дейност, способи, алгоритми за умствена дейност и др. Понятийният смисъл на всеки термин може да се разбере само в рамките на конкретните изследвания или теоретични схеми. Ние определяме изследователските умения като *сложни интелектуални образувания, които способстват за разбиране на същността*

на усвояваният учебен материал и закономерностите на този фрагмент от действителността, който отразява. Интелектуалните умения са свързани с мисленето и го реализират. Съгласни сме с гледната точка на Т.А. Соловьова, която е на мнение, че «обосноваването на възгледа за мисленето като за интелектуална структура предполага определяне на отношенията между неговите компоненти: съдържателно-операционен, емоционален и потребностно-мотивационен» (Соловьева, 1999: 56). Според нея, интелектът на ученика в началните класове може да бъде представен като «динамична система, елементите на която са: аналитико-синтетичното възприемане, пресъздаващото и творческото въображение, смисловата памет, логическото и творческто мислене» (Соловьева: 1999: 61). Тези елементи се базират на единни по своята природа интелектуални действия, насочени към разбирането на учебния материал.

Целесъобразността от организация на специализирано обучение за развитие на продуктивната мисловна дейност на учащите се е обоснована от Дж.Брунер, Л.Н.Ланда, В.П.Кузовлев, Г.К.Селевко, И.Ломшер В.Д.Шадриков, Д.И.Фелдштайн, И.С.Якиманска, Е.Василева и др.

Различните видове интелектуални умения и техните характеристики не си противоречат, а взаимно се допълват, и осветляват различни страни на разглеждания феномен. Процесът на формиране от учителите на интелектуални умения у учениците от началните класове позволява да се създадат благоприятни условия за адаптация на децата към училищната среда. Интелектуалните умения постепенно се превръщат в ядро, източник, инструмент за непрекъснато развитие на личността на децата, като степента на тяхната познавателна самостоятелност постепенно нараства. Те са свързани с усилването на развиващия и възпитаващ характер на обучението.

Интелектуалните умения в начална училищна възраст имат интердисциплинарен характер. Те осъществяват вътрешно-предметни връзки и връзки между различните учебни предмети, цикли от такива (т.е. културно-образователни области), както и синтез на най-висше равнище. Развитието на интелектуалните

умения, които са в основата на изследователския процес на обучение, следва да се разглежда като сложно, йерархично образувание, предполагащо различни механизми за осъществяването му. Важно е да отчитаме и възможните затруднения и грешки, които възникват у децата при запознаването и опирането с основните когнитивни елементи.

Главната цел на изследователското обучение е формирането у обучаващия се на способност самостоятелно, творчески да усвоява и преустройва знания и способи за дейност, т.е. да усъвършенства познавателните си структури в която и да е сфера на човешката култура. Взаимовръзките между конвенциалното, „информационно-рецептурно“ и изследователското (нестандартното, творческото) обучение през последните години са силно изразени. Това не са несъвместими варианти на обучение, а те задължително се предполагат. Всеки от тях се корени в другия и го допълва. В случая става дума за различни типове познавателна и практическа дейност на учениците, за различни състояния на системата на обучение.

Не би следвало да се отъждествяват понятията „изследване“ и „проектиране“, каквато неточност забелязваме в педагогическата дейност. Има увлечения по изпълнението на многообразни проекти в училище и едва ли не на всеки проект се гледа като на реализация на определен творчески замисъл. Проектът в действителност може да се осъществи и чрез готови алгоритми, предписващи едни или други схеми на действие, т.е. изключително на репродуктивно равнище. Проектирането може да се опише чрез хронологията на предварително набелязаните действия, т.е. посредством система от стриктно фиксирани алгоритмични стъпки. Има проекти, които са изпълнени в по-голяма степен творчески (но това е добре дозирано творчество, вписано в определени управленски конфигурации, в съответни рамки), но винаги с елементи на ограничаване, и проекти, които изцяло са с репродуктивен характер (Савенков, 2010). За нас е съществен изводът, че проектирането в училище не винаги е насочено към развитие на детската креативност.

Изследователската дейност в образователния процес в действителност има много по-богата природа. Тя винаги е свързана с духовно израстване на личността и разкрива пред нея

нови научни истини. Тя предполага повече свобода и разкрепостеност на духа, повече емоции, вълнения, вдъхновение, различни посоки на мисловни търсения и открития, повече самостоятелност и по-малко регламентация. Безспорна ценност при обучението в началните класове имат както проектирането, така и изследователската дейност, още повече, че детето по природа, както вече подчертахме, е изследовател.

В методически аспект изследователското обучение на учениците от началните класове предполага три относително автономни компоненти в рамките на цялостна програма за развитие на техния творчески потенциал:

1. Развитие на културата на умствения труд на децата, т.е. придобиване на знания и съответно усъвършенстване на базисните интелектуални умения в процеса на учене. Важна практическа значимост в това отношение имат интерактивните тренингови технологични форми, т.е. системите от педагогически целесъобразно структурирани упражнения с интелектуално-развиващ характер;

2. Натрупване на индивидуален и групов изследователски опит въз основа на изследвания по избрана тематика;

3. Мониторинг върху самостоятелните изследвания на учениците. Предполага постигането на рефлексия в изследователското обучение, неговото управление; презентация на резултатите от собствената изследователска дейност; обсъждания и обосновка на продуктите от творческата дейност (споделяне на опит); изводи и препоръки.

Тази програма може да бъде конкретизирана за всички равнища на обучение в началните класове и изпълнена със съответно съдържание.

А.И.Петрущик в тази връзка анализира продуктивната роля на общите форми на мислене в изследователската дейност. С развитието на интелектуалните умения, според него, мисленето става способно да конструира все по-съвършени съдържателни структури (Петрущик, 1980: 7).

Придобиването на изследователски умения от учениците в началните класове може да се осъществява стихийно, но може да бъде и целесъобразно организиран и системно осъществяван

процес.

Н.В.Кузовлева определя понятието „култура на умствения труд“ като „... синтез от качества на личността, които в своята съвкупност характеризират личностното отношение към учебната дейност, равнището на нейната интелектуална, организационно-техническа, хигиенна и естетическа страни, ... позволяващи качествено, рационално, с най-малки загуби на сили и време да се изпълни всяка умствена работа“ (Кузовлева, 2012: 22-23). В основата на технологията, свързана с формиране на култура на умствения труд, тя поставя комплексния подход, който включва следните аспекти:

1. Изграждане на положително отношение у учениците към интелектуалните занимания.

2. Придобиване от обучаващите се на знания за културата на умствения труд.

3. Овладяване на кръга от умения, свързани с културата на умствения труд.

4. Използване на разнообразни похвати за оценяване на умствената дейност от гл.т. на нейното качество и рационалност [Пак там].

Според нас, програмата за развитие на интелектуалните ресурси на обучаващите се в началните класове предполага 7 тематични кръга със съответстващите за тях смислови полета, включени в процеса на систематизация на учебния материал:

Тематични кръгове (изследователски механизми в учебното познание)	**Семантични полета**
1. *Механизми за ориентация* на субекта-ученик по отношение на изследваните познавателни обек ти.	Умения за *анализ на познавателни обекти и отношения в измеренията:* „субективно-обективно“, „интеграция-диференциация“, „единично-общо“, „част-цяло“, „количество-качество“, „сходство-различие“, „индукция-дедукция“, „причина-следствие“, „необхо-димост-случайност“ и др. Умения за *търсене, виждане(откриване) осъзнаване и формулиране на проблеми* в една или друга тематична област. Умения за *задаване на въпроси.*

2.*Механизми за целеполагане* в хода на учебната дейност.	Умения за *точно формулиране на целта и задачите на собственото изследване по избраната тематична единица.* Умения *събиране и осмисляне на информация.* Умения за *планиране на изследователските търсения.*
3. *Механизми за прогнозиране.*	Умения за *развитие на критично и алтернативно мислене (техники: „разграничаване на фактите от мненията и оценките“; „генериране на алтернативи“).* Умение за *определяне на приоритети.* Умение за *наблюдение.* Умение за *издигане на хипотези.*
4. *Механизми за селекция и интерпретация* на учебния материал с изследователска насоченост	Умения за *моделиране (репрезентация) на познавателните обекти.* Умения за *сравнение, анализ, синтез, абстрахиране (за акцентиране и игнориране), обобщение, класификация на изследваните познавателни обекти, конкретизация.* Умения за *описание и обяснение, за отделане на главното, основното и същественото в изследваните познавателни обекти.*Умения за *разкриване смисъла, т.е. съдържанието и обема на понятията.* Умения за *разкриване многозначността на думите.* Умения за *изразяване на самостоятелни съждения, умозаключения (установяване на причинно-следствени връзки).* Умения за *дефиниране, за определяне на понятия чрез многообразни техники.* Умения за *метафорично мислене*. Умения за *работа с парадокси*. Умения за *доказателство (за извеждане на изводи и заключения)*. Умения за *прекодиране на информацията.*
5. *Механизми за комбиниране* на познавателно съдържание.	Умения за *прегрупиране на учебния материал.* Умения за изграждане на бинарни и други отношения между елементите на познавателното съдържание от типа: *дизюнкция, конюнкция, импликация, еквивалентност, контрастно съчетаване.* Умения за *вземане на решения.* Умения *да се поемат разумни интелектуални рискове (от грешки) и отговорност за своите*

	действия, успехи.
6. *Механизми за конструиране* на творческия продукт в учебната дейност	Умения за *реализиране на асоциативни връзки* (вътрешнопредметни, междупредметни, вътрешноциклови и междуциклови, транспредметни) между елементите на познанието. Умения за *структуриране, преструктуриране и създаване на текстове, структурно-логически и други схеми, диаграми, таблици и нагледни материали.* Умения за *работа в екип и разпределяне на ангажиментите.* Умения за *творческо участие в интегрирани форми на обучение: интегриран урок, интегриран ден, интегрирана седмица, реализация на творчески проект и др.* Умения за *създаване на презентация.* Умения за *създаване на портфолио.* *Волеви умения (за завършеност на изпълнителските действия).*
7. *Рефлексивни механизми*	Умения за *самоконтрол (т.е. саморегулация), оценка, самооценка.* Умения за *защита на изследователски работи и творчески проекти* Умения за *резюмиране на постигнатото, за обсъждане и популяризиране на създадените оригинални творчески продукти в процеса на дейността.*

За учениците от началните класове е от изключителна важност да усвоят основите на теоретичното мислене и да се упражнят в разнообразни форми на изследователска активност. Познанието на децата трябва да е съпътствано с вълнуващи интелектуални предизвикателства, с научни открития, което е невъзможно без владеене на необходимите „инструменти“ за учене. Познавателната дейност на децата в началните класове се улеснява и придобива изследователски нюанси при условие, че те овладяват достъпни за възрастта им, подходящи техники за самостоятелна и групова интелектуална работа. Изследователското обучение на учениците в началните класове взаимодейства със системата на конвенциалното обучение и разширява нейния съдържателен спектър, издига учениците на метакогнитивно равнище на познание. Особено благоприятни

условия за разгръщане на изследователско обучение в началните класове предоставят целодневната организация на образователния процес, свързана с реализация на интегративните педагогически тенденции, принципът за елективност при подбора и конструирането на учебно съдържание и системата на т.нар. „съпътстващо и допълнително обучение“.

ЛИТЕРАТУРА

Айзенк Г. 2002. Супертесты IQ. М.: ЭКСМО - Пресс. 208 с.

Ананьев Б.Г. 1978. Избранные педагогические труды, в 2-х томах. М.: Педагогика. Т. 1. 230 с.

Василева Е.Л. 2009. Духовно-нравственото израстване на малкия ученик. София: Фараго.

Рони Д. 2012. Десетте най-важни неща, които можете да направите за децата. София: ИК „Колибри“. 183 с.

Кальмыкова З.И. и др. 1975. Проблемы диагностики умственного развития. М.: Педагогика. 208 с.

Кожухарова П.П. 2008. Изоставащите ученици: Причини за затрудненията, диагностика, образователни стратегии. Шумен: Университетско издателство „Епископ К.Преславски“. 323 с.

Кузовлева Н.В. 2012. Культура умственного труда: категориальный аппарат // „E&M SMART EDUCATION“, No 5/6: 22-28.

Люблинская А.А. 1977. Учителю о психологии младшего школьника. М.:Просвещение. 224 с.

Морен Е. 2000. Мислещата глава: Преосмисляне на реформата: Реформиране на мисленето. София: Полис. 120 с.

Образование для всех к 2015 году: добьемся ли мы успеха?: Всемирный доклад по мониторингу ОДВ. Париж: ЮНЕСКО, 2008. 492

Панталеев Ц. 2005. Проектни интервенции в образованието: Влияния и възможности за развитие. София: Сиби. 219 с.

Петрущик А.И. 1980. Продуктивная роль общих форм мышления в научном познании. Минск: „Наука и техника“. 112 с.

Савенков А.И. 2010. Методика исследовательского обучения младших школьников. Самара: Издательство „Учебная литература“: Издательский дом „Федоров“. 224 с.

Соловьева Т.А. 1999. Дидактические основы интеллектуально-развивающего образовательного процесса в начальной школе: Теоретико-экспериментальное исследование Псков: ПГПИ им. С.М.Кирова. 416 с.

Тихомиров О.К. 1984. Психология мышления. – Москва: Издательство Московского ун-та. 272 с.

Тоцева Я.Р. и др. 2008. Разработване и управление на образователни проекти. София: Ciela. 360 с.

Фаустова Н.П., Меркулова Т.В. 2003. Формирование интеллектуальных

умений у младших школьников. Монография. М. МПГУ. 168 с.
Фолмер Г. и Хоберг Г. 1993. Стратегии на ученето и на умствения труд. София: „Просвета“, 1993. 175 с.
Формирование универсальных учебных действий в основной школе: он действия к мысли / Под. Ред. А.Г.Асмолова Москва: „Просвещение“, 2011. 159 с.
Хеенкамп К. 2003. Децата и новото хилядолетие. София: Аквариус. 264 с.
Цветкова Й.Д. 2004. Мотивационна и когнитивна регулация на ученето. София: Пропелер, 2004. 163 с.
Education trends in perspective: Analysis of the world education indicators. Paris: UNESCO, 2005. 229 p.

Получена / Received: 20.01.2013
Принята / Accepted: 10.02.2013

Humanity space *International almanac* VOL. 2, No 1, 2013: 74-77

Scientific schools of Art pedagogy and modern educational practice

L.V. Shkolyar

Federal State Research Institution of the Russian Academy of Education
«Institute of Art Education»
Pogodinskaya str. 8, building 1, Moscow 119121 Russia

Key words: the scientific schools of Art Education, different directions, individual creative style, a system of concepts, innovative ideas, development of the artistic culture,r spiritual culture, the historical roots, Russian culture and art.
Abstract: The manuscript is devoted to the analyses of the scientific schools of Art Edication and their different directions. The author describes their own individual creative style, a system of concepts and innovative ideas on the artistic culture and the spiritual culture development. There are shown the historical roots of phenomena Russian art education.

Scientific schools of Art pedagogy of art are not closed "desk research", they are directed at optimizing the educational process, the relationship between theory and practice of Art education. We can describe a few of the most indicative of experimental sites, which translates the theoretical ideas put forward by teachers and supplementary as well as higher education.

One notable example is the school № 875 in Moscow, which started its cooperation with the Institute of Art Education in the late 1980-s. as a pilot school for the implementation of educational programmes in fine arts. Later, the school has become a school-laboratory, and is currently the Resource Centre of the City of a pilot network in "Updating the content of the art education. Evaluation of the quality and effectiveness of the artistic and aesthetic education. "

Another example is the successful implementation of research results into practice. This project "Children on the opera stage," where more than two hundred students are full participants in the play (the head is a senior fellow Marina S. Krasilnikova). Implementation of the project "Children on the opera stage" brought together more than ten thousand students in the different cities of Russia (Perm, Samara, Yoshkar-Ola), and the first break down the wall between the institutions of culture and education, bringing together the efforts of music teachers, parents, professional

musicians, teaching school groups, collectives Academic Opera and Ballet Theatre.

As a result of the massive musical education, and more - comprehensive school as a whole, have reached a new level of communication with the academic culture media, successfully solving the problems of socialization of the students and their spiritual, moral and patriotic education, and that is not only special, but also the overall development of students.

Development of new quality classical music in its highest achievements (operas, symphonies, concerts, etc.) achieved by the introduction of integrative musical and creative activities (conducting, plastic intonation, graphical modeling, teaching and research activities, opera director), the active involvement of the methods and forms of project activities (conducting competition, school festivals, etc.). The study of some of the most important works in the class completed participation in a joint performance with professional artists on the operatic stage. It should be added that this project has been recognized on television (Channel "Culture").

Studies show that the core of the modernization of higher education is the reliance on scientific ideas of art school pedagogy. The most important attributes of this process - a thought experiment, an analysis-by-synthesis with essential living knowledge of the process of elimination - reflection. The foundation of each field of art theory and practice is the dialectics as the logic and theory of knowledge. Criterion for the development of creative thinking ability of students to create their own acts of mental search strategy.

Research and education center that combines Institute and Arzamas State Pedagogical Institute named after A.P.Gaydar, is currently conducting extensive pilot study. This is the introduction to the social practice of new textbooks on art, integrated learning technologies, developed at the Institute. The complex also includes 14 support preschool and secondary educational institutions in Arzamas, on the basis of which we are also teaching practice students.

The development of theoretical concepts of art schools of pedagogy is in different directions.

• development of concepts related to art education (artistic creative activity, aesthetic appreciation, aesthetic attitude to the

world, etc.);

• highlighted the traditional and emerging art forms (electronic music, computer animation, computer-aided design, multimedia art, etc.);

• development of new principles - associativity, improvisation, imagery and variety - regulating the educational process along with the principles of general didactics;

• The basic approach of the modern Russian art education.

Mono art approach based on a general and in-depth studies of individual art forms (music, art, dance, etc.) as part of the mandatory curriculum or after school art activities. This approach is implemented in the general secondary education, music, art, dance schools, secondary and higher education.

Poly art, that is holistic, approach to teaching, as our process is not a subject of study (music, visual arts, speech, etc.), and the child, with its inherent nature of childhood. Classes in this approach suggests the harmonious development of the growing human being with different types of children's creativity - music, fine arts, theater, ballet, etc. This encourages the development of creative imagination of children, which is a prerequisite for further training activities. Currently, this approach is most widely used in pre-schools and primary schools.

A third approach to art education is becoming increasingly important at the present time, based on the use of art as a method of teaching the humanities, natural sciences and mathematical sciences. An example of the wide application of this approach is the perception of works of music and art, the appeal to the pages of biographies of prominent domestic and foreign scientists - physicists, biologists, psychologists, and others who sought to support the arts and the ground for new thoughts, ideas and experiments.

The most promising is the fourth approach to art education, which can be represented as a universal method of the School of the Future. The essence of the approach is the teaching of all subjects in a common cultural and historical context, and based on general trends and the relationship of scientific and artistic knowledge.

In this case, the art is not the series for illustrative disciplines not related to art, and becomes a process and the result of understanding of a phenomenon of culture (spiritual and material)

and the nature of the phenomenon that gave rise to the physical, chemical, biological and other laws. And then the younger generation formed a complete picture of the world in all its diversity and unity. This method finds its implementation in practice of some educational institutions innovative type, in increasing creativity and overall child genius, where in the process of experimentation confirmed the high efficiency of the idea of its application.

Thus, we can say that schools of pedagogy of art are alive, relevant, popular phenomenon pedagogy associated with the most acute problems of modern education and the demands of the time.

The presence of representatives of the scientific schools of different directions with their own individual creative style, a system of concepts and innovative ideas on the formation of the artistic culture of rights as part of their spiritual culture, a deeper understanding and realize the methodological premises of the school, expanding understanding of the historical roots of certain phenomena Russian culture and art.

REFERENCES

Belinsky V.G. 1948. [Izbrannye pedagogicheskie sochineniya. M.-L.: Akademiya Pedagogicheskikh Nauk RSFSR. 280 p.] [in Russian]

Davydov V.V. 1995. [O deyatelnostnom podkhode k opredeleniyu soderzhaniya obrazovaniya. Tezisy. Tomsk: Peleng] [in Russian]

Kabalevsky D.B. 1986. [Pedagogicheskie razmyshleniya. M.: Pedagogika] [in Russian]

Shkolyar L.V., Krasilnikova M.S., Kritskaya E.D. 1998. [Teoriya i metodika muzykalnogo obrazovaniya detey: Nauchno-metodicheskoe posobie. M.: Flinta-Nauka. 336 p.] [in Russian]

Received: 20.02.2013
Accepted: 26.02.2013

Humanity space *International almanac* VOL. 2, No 1, 2013: 78-85

Проблемы методологии культурологического анализа в современных исследованиях музыкального искусства

А.И. Щербакова

Российский Государственный Социальный Университет
129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, дом 4
Russian State Social University
Vilgelma Pika str., 4, Moscow 129226 Russian; e-mail: anna.68@list.ru

Ключевые слова: сущность художественного феномена, феномен музыкального искусства, культурология как фундаментальная наука, специфика культурологического анализа, многоаспектность культурологического исследования, новые подходы, современные методы культурологического анализа.
Key words: the essence of artistic phenomenon, the phenomenon of music, culture as a fundamental science, the specificity of cultural analysis, multiple aspects of cultural studies, new approaches and modern methods of cultural analysis.
Резюме: В статье представлены методологические подходы к проблеме культурологического исследования феномена музыкального искусства. Автор выявляет специфику такого исследования, раскрывает различные аспекты, рассмотрение которых необходимо в процессе проведения культурологического анализа музыки как феномена в пространстве культуры, представляет новые подходы и методы, адекватные поставленной проблеме.
Abstract: The paper presents the methodological approaches to the study of cultural phenomenon of music. The author reveals the specifics of this study covers the different aspects that need consideration in the process of cultural analysis of music as a phenomenon in the cultural space, presents new approaches and adequacy of the problem.
[Shcherbakova A.I. Problems in the methodology of cultural analysis in modern studies of music**]**

В 1971 г. один из крупнейших философов и культурологов XX в. М.С. Каган поставил очень важный для гуманитарного знания вопрос о применимости точных методов в науках об искусстве. Он подчеркивал, что «хотя обсуждение вопроса о применимости точных методов в изучении искусства ведется уже ряд лет и накопилась довольно обширная литература, оно все еще не принесло желаемых результатов. По-видимому, три обстоятельства препятствуют здесь достижению искомой цели: во-первых, свойственное ряду ученых скорее эмоциональное, нежели принципиальное отношение к тем или

иным методам; во-вторых, отсутствие у участников дискуссии единого понимания сущности самого художественного феномена, который выступает в данном случае в роли предмета познания и тем самым детерминирует методологию исследования; в-третьих, абстрактный подход к проблеме научного изучения искусства, игнорирующий многообразие аспектов исследования и художественных явлений» (Каган, 2006: 2).

И хотя эти мысли были высказаны в последней трети прошлого века, сегодня они нисколько не утратили своей актуальности, поскольку и в наше время единого понимания сущности художественного феномена нет, что и не позволяет осознать многообразие аспектов, которые необходимо осмыслить исследователю-культурологу. Поэтому вопросы, поставленные М.С. Каганом, и сегодня представляются принципиально важными, тем более, что культурология - молодая наука, в сферу интересов которой, несомненно, входит искусство разных эпох, его место и роль в становлении и развитии не только художественного пространства культуры, но и культуры человечества в целом.

При этом необходимо учитывать еще одно важнейшее положение, на которое обращает особое внимание М.С. Каган, согласно которому «искусство оказывается единственным продуктом человеческой деятельности, в котором человек воспроизводит свою собственную структуру, - ни в технических, ни в научных объектах подобного слияния противоположностей мы не увидим. Этот изоморфизм жизни и ее художественного усвоения объясняет их одинаковую доступность и, одновременно, недоступность точному - т.е. формализованному, математическому в идеале - знанию. Отсюда следует, что адекватное научное отражение научной реальности требует сопряжения точных и неточных методов. Мы сталкиваемся тут с полной антиномией: невозможно «поверить алгеброй гармонию» и невозможно проверить - т.е. познать — гармонию без помощи алгебры» (Каган, 2006: 3).

Сегодня уже очевидно, что при проведении культурологического анализа музыкального искусства невозможно очертить точные границы, разделяющие

философию, антропологию, психологию, социологию, эстетику, искусствознание, музыковедение и т.д. Обращаясь к методам науки о музыке, Н.С. Гуляницкая замечает, что «наука о музыке, музыкознание (музыкология) - понятие, толкуемое по-разному. Одна из современных дефиниций определяет музыковедение как значение, объектом которого является исследование музыки как искусства (физического, психологического, эстетического и культурного феномена). Однако при кажущейся всеохватности этого определения есть тенденция включать в область музыковедения не только музыку, но и «музыкантов», действующих в определенном социальном контексте. Триада «композитор - исполнитель - слушатель» стала притягивать исследовательское внимание, что отразилось на методах анализа, заимствующих аппарат из смежных наук» (Гуляницкая, 2009: 3).

Не стоит удивляться этому высказыванию, которое принадлежит нашему времени. Оно еще раз показывает, что выдающиеся исследователи, такие, как Б.В. Асафьев, которому принадлежит триада «композитор - исполнитель - слушатель», всегда опережают свое время. И хотя сегодня высказанная им в прошлом веке идея уже стала общепринятой нормой, следует признать, что далеко не каждая музыковедческая работа обладает столь широким профессиональным горизонтом. Но то, что стремление к его расширению становится одной из существенных тенденций, можно рассматривать как фактор, стимулирующий развитие этой области гуманитарного знания.

Ярким проявлением такой тенденции является то, что к музыке как носителю ценностей культуры все чаще обращается культурология - фундаментальная наука, представляющая собой некий духовный «концентрат», систему наук о культуре, а, следовательно, о человеке - ее творении и ее творце. Именно он, Homo Faber - Человек Творящий, избравший областью своего творчества музыку, неизменно является центром каждого культурологического исследования. Именно он, создавая и постигая великие творения музыкального искусства, стремится осмыслить не только «предельные основания бытия» (Гуревич, 1999: 3), но и понять самого себя. А это невероятно сложно, поскольку «классическое представление о том, что человек

уникален, несет в себе вековечную тайну вовсе не угасает» (Гуревич, 1999: 27).

Следует признать, что культурологическое исследование феномена музыкального искусства содержит в себе весьма значительные трудности. В огромном количестве исследований звучит мысль о таинственности и загадочности музыки как особого вида искусства, очень трудно поддающегося логическому осмыслению. И действительно, попытки осмыслить тайну воздействия музыки на человека путем подробного изучения ее элементов, конструкций, жанровых и стилистических особенностей часто не имеют успеха. Это еще и еще раз подтверждает, что «поверить алгеброй гармонию» невозможно. Но значит ли это, что следует полностью отказаться от попыток осмысления феномена музыкального искусства.? Что следует раз и навсегда признать иррациональность его природы? Это тоже не представляется продуктивным, поскольку в музыке таится огромный дар воздействия на человека, дар предвидения, предвестия новых идей, концепций, которые еще только созревают в пространстве культуры. «Музыка - это первая ласточка всех изменений в жизни общества. Будучи проведена на землю гением, будучи закреплена в рамках музыкальной традиции, ширясь и разливаясь среди людей, она подготавливает их подсознание к непростому процессу восприятия нового - какой бы сферы жизни это новое ни касалось» (Психология художественного творчества, 2003: 128).

Огромная сложность культурологического анализа феномена музыкального искусства заключается еще и в том, что размышления о музыке — это еще и размышления о тайне творчества, тайне созидания художественного пространства культуры, во все времена и у всех народов связанной с человеком, его уникальным даром. Сущность художественного творчества - это «доблестное служение гармонии», но гармонию эту создает сам творец и, чтобы постичь ее, необходимо постичь творца, те смыслы и ценности, которые облекает он в особую, конструктивную и знаковую грань музыкальной формы. Чем ярче и самобытнее созданный художественный мир, тем дальше уходит он от сложившихся в данном конкретном историческом

отрезке времени и пространства норм, тем сложнее современникам понять и оценить его.

Порой необходимы столетия (как это было с И.С. Бахом), чтобы уровень личности творца и значимость его творений в духовной культуре человечества стали очевидны, но уже к сожалению, не современникам, а потомкам. Этим объясняются факты, которые сегодня часто воспринимаются, как исторические курьезы, а между являют собой очень тяжелые страницы в жизни и творчестве многих великих художников. Это очень серьезная проблема, поскольку количество художников, не понятых и не принятых своими современниками, исчисляется не десятками и даже не сотнями. И если задаться целью проследить за судьбой всех, «обиженных» своими современниками великих мастеров прошлого и настоящего, то это может стать делом всей жизни исследователя.

Уроком для современного исследователя-культуролога должно стать то, что в разное время несправедливо «обижены» были такие замечательные музыканты как Монтеверди, Бах, Рахманинов, Шнитке и многие другие. Причем «обижены» они были не только консервативной и часто не слишком сведущей в тонкостях композиторского творчества публикой, но и высокообразованными критиками, каждый из которых предлагал услышать в творчестве того или иного композитора то, что слышит он сам. А это далеко не всегда это соответствует голосу самого композитора, который необходимо постичь, прочувствовать, ощутить ту муку и ту радость, которую несет его муза.

Современному исследователю-культурологу необходимо осознавать, что, приступив к культурологическому анализу такого феномена как музыкальное искусство, необходимо обратиться к значительному объему трудов в области гуманитарного знания, заключающим в себе: теории, раскрывающие роль искусства в становлении и развитии культуры; представления об эстетических и духовных ценностях в философии, логике, культурологии; парадигмы социокультурного развития на современном этапе; обращение к музыке как носителю смыслов и ценностей культуры; проблемы

музыкального мышления; философские и психологические основания понимания процесса становления и развития творческой личности; философско-психологические исследования специфики художественного творчества; теории художественного познания; психологии музыкального восприятия и интерпретации музыки; современные концепции социокультурной и художественной коммуникации; психолого-педагогические подходы к проблемам музыкально-исполнительской и музыкально-педагогической деятельности; обоснование роли философской антропологии и аксиологического подхода к процессу формирования социокультурнной среды на современном этапе; гуманистические концепции сотрудничества и диалогового взаимодействия субъектов культуры; научные концепции и теории развития образовательных парадигм в пространстве культуры.

Изучение широкого круга научных источников позволит современному-исследователю культурологу осознать, что музыка как социальный и культурный феномен являет собой целостное художественное пространство, в котором рождаются, самоутверждаются, функционируют и трансформируются смыслы и ценности культуры, что позволяет интерпретировать ее как объект познания в то время, как постигающая ее личность является субъектом, осмысливающим через музыку заложенные в ней смыслы и ценности культуры. А также то, что специфика культурологического анализа феномена музыкального искусства в контексте становления и развития культуры заключается в том, что он осуществляется в поле объектно-субъектных отношений, объединяющих через художественные каналы духовной коммуникации композитора, его творения, профессионального музыканта (исполнителя, педагога и его учеников — будущих профессионалов, слушателей, исследователей) и музыканта-любителя, для которого музыка является частью его жизни.

Очень важно осмыслить огромное исследовательское пространство, которое составляет проблемное поле культурологического исследования феномена музыкального искусства.. Исследователю-культурологу необходимо обратиться к таким аспектам, как:

5. системный, обусловливающий рассмотрение особенностей развития художественного процесса, формирование стилевого пространства, логику возникновения и трансформации художественных направлений и стилей;
6. антропологический, ориентирующий на постижение через музыку сущности человека, его уникальности, неповторимости, его внутреннего «Я», на осмысление пути, пройденного им за тысячелетнюю историю становления и развития культуры;
7. эстетический, обращающий к изучению процесса формирования и трансформации эстетических идеалов в музыкальном искусстве;
8. этический, открывающий особенности социального бытия музыки; аксиологический, позволяющий выявлять ценностную составляющую музыки;
9. герменевтический, определяющий принципы понимания и толкования музыкального текста;
10. психологический, затрагивающий вопросы творческого мышления, художественного восприятия, художественного переживания.

Этим, в свою очередь, определяется необходимость применения следующих подходов к осуществлению культурологического исследования музыкального искусства: системно-синергетического, позволяющего рассматривать музыку как саморазвивающуюся систему в пространстве культуры; философско-антропологического, позволяющего интерпретировать изучение музыки как процесс постижения Homo Faber - Человека Творящего;

- аксиологического, направленного на выявление ценностных характеристик изучаемого феномена;
- философско-герменевтического, позволяющего рассматривать и толковать феномен музыкального искусства как развернутый во времени и пространстве философский текст;
- универсально-диалогического, выдвигающего концепцию универсального диалога как основу создания художественных каналов духовной коммуникации.

При применении этих подходов подходов продуктивно

применение следующих методов культурологического анализа:

- аксиолого-аналитического, обращающего исследователя к изучению феномена музыкального искусства в поле объектно-субъектных отношений, где музыка представляет собой объект, а постигающая ее личность - субъект познания;
- эволюционно-синергетического, позволяющего анализировать процесс рождения, самоутверждения, функционирования и трансформации музыкальных смыслов и ценностей в контексте саморазвития культуры;
- прогностически-моделирующего, открывающего возможность не только осмысливать процессы, происходившие и происходящие в данный момент в художественном пространстве культуры, но и прогнозировать дальнейшие трансформации музыкальных смыслов и ценностей, что позволяет прогнозировать и дальнейший ход развития культуры в целом.

А это и является одной из основных задач, стоящих перед современным исследователем-культурологом.

ЛИТЕРАТУРА

Гуревич П.С. 1999. Философия человека. Часть 1. М.: ИФРАН. 221 с

Гуляницкая Н.С. 2009. Методы науки о музыке. Исследование. М.: Музыка. 256 с., нот.

Достоверность и доказательность в исследованиях по теории и истории культуры. Сборник статей. Книга 1 /Под ред. Г.С. Кнабе. М.: Изд. РГГУ, 2002. 360 с.

Каган М.С. 2006. Избранные труды. Т.1. Проблемы методологии. Спб.: Петрополис. 356 с.

Культурология. Учебник /Под ред. Ю.Н. Солонина и М.С. Кагана. М.: Высшее образование, 2007. 566 с.

Психология художественного творчества. Хрестоматия / Сост. К.В. Сельченок. Мн.: Харвест, 2003. 752 с.

Получена / Received: 21.02.2013
Принята / Accepted: 26.02.2013

Humanity space *International almanac* VOL. 2, No 1, 2013: 86-106

Женское лицо в отражениях разных зеркал (Женские эпизодические образы, персонажи и их роль в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»)

В. Бугович

Eötvös Loránd University,
Egyetem tér 1-3. Budapest, 1053 Hungary
Университет имени Лоранда Этвёша
Университетская пл. 1-3. Будапешт, 1053 Венгрия;
e-mail: bugovits@freemail.hu

Ключевые слова: женские эпизодические образы, мужские персонажи, группирование персонажей, структурные решения, позиционирования, Толстовская система нравственных ценностей.
Key words: women's episodic characters, male figures, teams, positions, structure solutions, Tolstoy's moral order.
Резюме: Настоящая статья посвящена анализу романа Льва Толстого под заглавием «Анна Каренина». Цель нашего исследования: попытка разбора романной ткани, анализ эпизодических женских ролей романа – раскрывая систему их отношений и связей, предпринимая попытку сгруппировать их по определенным признакам. Настоящая статья занимается и анализом счастья и несчастья романных характеров.

В этой статье в центре нашего внимания стоит и богатая коллекция тех поэтических средств, о которых мы можем читать в эссе Агнеша Дуккона. Эти следующие: система паралеллей и переплетений, противоречия, вера, счастье, идентичность и их подлинность и взаимосвязь. Даже мы упоминаем и понятие экфрасиса. Мы собираемся найти ответы и на вопросы, как женские эпизодические персонажи могут влиять на процесс формирования характера главных героинь, на мужские персонажи. С другого аспекта тоже можно группировать второстепенных героинь: где они живут, в городе или в деревне.

В конечном итоге утверждается по свидетельсву анализа романа, что Толстой как моралист выражает свою писательскую – человеческую – мужскую симаптию к женщинам–матерьям жертвующим собственными желаниями, интересами, увлечениями ради семейного счастья, благополучия и спокойствия своих близких

Abstract: The goal of present writing is to carry on research work in Leo Tolstoy's novel titled *Anna Karenina* in connection with the women's episodic characters and their role, their connections, the author's poetic solutions. The theme of happiness and unhappiness of the heroes is also investigated. The essay focuses our attention on the rich collection of poetic solutions, especially the ones that are underlined by Ágnes Dukkon in her essay, namely, dominated parallels, joining chains, contrasts, palindromes; even ekphrases is also researched. This study wants also to find an answer to the question whether the women's episodic characters how can have an influence over the other women and the male characters. There is an other aspect to

make groups among the women's episodic figures of the novel: where do they live – in countryside or in a town.

The conslusion of the present essay is: Tolstoy the writer – moralist prefers the women who live with their loved ones for their loved ones in their patriarchal family happiness, as loving mothers and wives.

[**Bugovich V.** Women's face in a various mirror (Women's episodic characters and their role in L. Tolstoy's novel Anna Karenina)]

«Герой Толстого – сложная, многомерная структура»
(Л. Гинзбург: 1982:325)

1.Цель исследования

Настоящая статья представляет собой одну из глав готовящейся диссертации, в которой исследуется судьба женских образов и их роль в произведениях Л. Толстого. В этом контекте рассматривается и указанное в заглавии работы произведение писателя. Роман Толстого *Анна Каренина* в продолжениях впервые был опубликован в 1875-1877 гг. в журнале Русский Вестник. Окончательное издание в форме книги вышло в свет в 1878 г. Согласно определению американского исследователя Монтера, в галерее произведений писателя между «чрезмерно рациональным на первый взгляд» *Семейным счастьем* и показывающей «бездонную глубину пучины человеческой жизни» *Крейцеровой сонатой* расположен роман *Анна Каренина*, в котором «возникающие между полами различные ситуации дают время [героям – В. Б.] сформировать, преобразовать, заново создать самих себя» („ […] where many different arrangements between the sexes are given time to form, dissolve, and form themselves anew." Monter, B. H. 1978: 527. перевод. В.Б.)

В нашей работе не ставится целью представить обзор развернутых в крупных монографиях анализов образа Анны, но делается попытка разбора романной ткани в менее исследованных направлениях. Для этого в романе Толстого прослеживаются различные женские характеры в их развитии, женские эпизодические образы и их романные роли и судьбы, мотивы их счастья – несчастья. Анализ эпизодических женских ролей романа необходимо проводить во многих аспектах, раскрывая систему их отношений и связей, предпринимая попытку сгруппировать их по определенным признакам. В этом

случае всем возможным методологическим подходам мы предпочтем лишь некоторые из них, предпримем также попытку графического изображения наиболее важных сетей отношний, и, выделив из общей системы взаимоотношений несколько типичных явлений, подробнее остановимся на их раскрытии.

«В романе *Анна Каренина* Толстой, следуя созданной в *Войне и мире* структуре, главные вопросы – вера, счастье, идентичность и их подлинность и взаимосвязь – рассматривает в цепи параллельно протекающих жизненных путей и отношений» (Дуккон А. 1996: 72-87). Агнеш Дуккон обращает наше внимание на систему паралеллей и переплетений. В отношении поставленной в фокус исследования группы характеров мы попытаемся выявить в романной ткани наряду с параллелями также противоречия и отражения образов. Эти персонажи, как и парные персонажи и группы, создают фон, на котором развертывается жизненный путь главных героев, оттеняя смысл их бытия. Судьба эпизодических персонажей связывается с двумя главными линиями романа, по которым простирается перед читателем судьба, борьба и поиски пути в жизни Анны и Левина. Эта проблема уже рассматривалась в критической литературе, здесь мы процитируем высказывание венгерского литературоведа Золтана Хайнади: «Толстой […] представляет различные сюжетные линии параллельно показу трагической судьбы Анны и Вронского. Наряду с параллелями Кити – Левин, Долли – Облонский мы встречаем и другие, болеее эпизодические парные персонажи, например, Николай Левин – Марья Николаевна, Сергей Иванович Кознышев – Варенька, Бетси Тверская – Тушкевич и т.д. (Hajnády Z. 1985:119). В настоящей статье, осуществляя анализ в новых аспектах, мы будем исследовать уже упомянутые З. Хайнади, а также еще не затронутые им в его работе парные, параллельные и антиподные персонажи, пересекающиеся образы.

2. **Женские эпизодические образы**

Прежде всего, это – главная героиня произведения, по имени которой озаглавлен роман, Анна Аркадьевна Каренина (урожденная княжна Облонская), младшая сестра Степана Аркадьевича Облонского. Другой главный женский персонаж – княжна Катерина Александровна Щербацкая, то есть Кити

(ставшая затем женой Левина). Образ ее старшей сестры, княгини Дарьи Александровны Облонской (урожденная княжна Щербацкая) – жены Степана Аркадьевича Облонского, то есть Долли, представляя собой переходный персонаж, может быть отнесен как к первой, так и ко второй основным группам.

На формирование характеров главных женских персонажей, их развитие в процессе жизни, влияют каким-либо образом и в какой-либо мере составляющие предмет нашего исследования женские эпизодические фигуры – само их существование, присутствие, их действия и поступки. Они играют некую определенную роль в становлении характеров не только главных героинь, но и ведущих мужских персонажей.

В первую очередь стоит рассмотреть, какую роль играют женские второстепенные персонажи в жизни Анны. Характер Анны, ее личность можно назвать полностью сформировавшимися уже в начале истории, при первом ее появлении, когда она приезжает к семье Стивы Облонского, чтобы попытаться спасти распадающийся брак брата. «Все смешалось в доме Облонских. Жена узнала, что муж был в связи с бывшею в их доме француженкою-гувернанткой, и объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме.»

По ходу развертывания действия романа перед читателем раскрываются новые, ранее неизвестные черты характера Анны. В различных жизненных ситуациях героини второго плана оказывают какое-либо влияние на ее жизнь, некоторым образом изменяя ее решения, придавая им некий особый смысл, и таким образом охарактеризовывая связанный с нею семантический процесс. Среди второстепенных женских персонажей необходимо упомянуть пожилую графиню Вронскую, которая была первой, с кем в поезде Анна вступила в разговор. Две матери ведут речь о своих не присутствующих при разговоре сыновьях: в мыслительной плоскости уже появляется образ одного из главных героев-мужчин, графа Вронского. Представляемый с субъективной точки зрения собственной матери герой вызывает у Анны, хотя и скрытый, интерес к себе.

При дальнейшем развертывании событий появляется еще одна эпизодическая женская фигура, также из семейства-родства Вронских, которая некоторым ярко выраженным

образом определяет направление развития линии судьбы Анны. Это образ Бетси Тверской. Она – жена двоюродного брата Вронского, в начале событий игриво беря на себя роли «свахи», все-таки «сводит» Анну и Вронского. Когда выясняется, что для Анны ее связь с Вронским значит больше, чем светский флирт, Бетси резко меняет свое отношение к Анне и свое мнение о ее связи с графом. Толстой словесными изобразительными средствами очень тонко описывает эти изменения в поведении Бетси Тверской.

Долли, обманутая жена, невестка Анны в описании Толстого «[…]истощенная, состарившаяся, уже некрасивая женщина и ничем не замечательная, простая, только добрая мать семейства […]» (в работе приводятся цитаты из романа в электронной версии loveread.ec/read_book. 1. часть, глава 2). Однако этот взгляд автора представлен в размышлениях мужа (Долли тридцатитрехлетняя женищина! На год моложе мужа!) Скрыто, в глубине души она поддерживает Анну, навещает презираемую и отверженную лицемерным светским обществом Анну в их с Вронским доме. «Дарья Александровна исполнила свое намерение и поехала к Анне. Ей очень жалко было огорчить сестру и сделать неприятное ее мужу; она понимала, как справедливы Левины, не желая иметь никаких сношений с Вронским; но она считала своею обязанностью побывать у Анны и показать ей, что чувства ее не могут измениться, несмотря на перемену ее положения.» (глава 6, часть 16)

И хотя поддержка Долли открыто проявляется только в этом ее действии, на самом деле, она всем сердцем понимает Анну, принимает ее поступок – попытку сломать светские условности, отстаивать свою любовь и бороться за свое счастье.

В тайне Долли и сама в мечтах представляет, как она оставит мужа и семью ради любящего ее мужчины. Она ощущает душевную близость с Анной: «думая о романе Анны, параллельно с ним Дарья Александровна воображала себе свой почти такой же роман с воображаемым собирательным мужчиной, который был влюблен в нее. Она, так же как Анна, признавалась во всем мужу. И удивление и замешательство Степана Аркадьича при этом известии заставляло ее улыбаться» (глава 6, часть 16).

Влияние Долли определяет судьбы как многих главных, так и второстепенных героев. Другой главной героиней является Кити, а влияние давшей заглавие роману Анны на ее личность и жизнь составляет центральную линию произведения. «Кити чувствовала, что Анна была совершенно проста и ничего не скрывала, но что в ней был другой какой-то, высший мир недоступных для нее интересов, сложных и поэтических.» (часть 1, глава 20). Читатель становится свидетелем взаимоотражающихся встреч. Анна предстает как соперница Кити, ведь до появления Анны молодая девушка лелеет возможность выйти замуж за Вронского, отвергая по этой причине предложение Левина и заболевая, потрясенная провалом надежд, сорванных вспыхнушей любовью между Анной и Вронским. В отличие от Анны в начале романных событий характер Кити нельзя назвать сформированным, зрелым. Становление ее личности происходит на глазах читателя, при доминировании линии развития образа ведущей героини и других второстепенных фигур. Таким образом, в романе развиваются линии взаимодействующих и взаимообусловленных судеб двух главных героинь.

Следующие женские персонажи, которые воздействуют на становление характера Кити – это: ее старша сестра Долли, няня и экономка Левина Агафья Михайловна, которая впоследствие станет управлять общим домом поженившихся Левина и Кити няньчить их детей, а также Варенька (Связующее звено между семьей Щербацких и Левиным, Кити и Левиным… Впервые мы встречаемся с ней на водах, где она, познакомившись с Кити, начинает играть определенную роль в формировании характера и судьбы Кити).

Из собранных восьми героев произведения оказавших значительное влияние на развитие образа Кити шесть – женские образы, пять из которых являются второстепенными персонажами и – Анна, ведующая героиня, именем которой назван роман. Все они играют определенную роль в становлении характера Кити.

3. Структурные решения – влияние женских эпизодических персонажей на процесс формирования характера главных героинь

Структурные решения писателя способствуют пониманию системы отношений персонажей, более ясному представлению позиционирования характеров: в романную ткань вписываются параллели и зеркальные отражения встреч. Таким негативным отражением является, к примеру, презрение общества, похожим образом поражающее игнорирующую условности, разрушевшую свой брак и живущую в прелюбодеянии с возлюбленным Анну Аркадьевну и любимую женищину страшего брата Левина. Они обе отвергнуты «обществом». Анну не принимают в высших кругах аристократии (представители которых, как известно, сами, подобно Анне, запутываются в сложной сети любовных отношений, разрушающих брачные узы, но лицемерно скрывают это, в то время как Анна открыто проявляет свою искреннюю сласть), а «ту женщину», Марью Николаевну, изолировали, «порядочная» женщина не должна с ней встречаться («Она девка, а ты барин, – проговорил он, подергиваясь шеей.» – слова старшего брата Левина) (часть 1, глава 26). Кити даже не смеет произнести имя этой женщины, когда от нее приходит письмо, вследствие чего между Кити и Левиным происходит разногласие. Однако в силу человеколюбия и стремления помочь она решает навестить вместе с мужем его умирающего брата. «Эта женщина» характеризуется художником немногословно, но все же пластично: «[…]сказала Марья Николаевна, протягивая пухлую обнаженную руку […],» После авторского изображения старший брат Левина сам высказывается о своей сожительнице: «Да ты думаешь, она ничего не понимает? – сказал Николай. – Она все это понимает лучше всех нас. Правда, что есть в ней что-то хорошее, милое?») (часть 1, глава 25)

В структурной ткани романа в отношении эпизодических женских фигур выявляется множество параллелизмов. В данной работе не ставится целью полное их раскрытие, мы ограничимся показом лишь наиболее маркированных из них.

Как уже было обнаружено, Анна Аркадьевна и Марья

Николаевна, изначально находясь на противоположных полюсах общества, проходят один и тот же путь, принимая унижение, отвержение и презрение этого общества за свою любовь и порыв страсти.

Однако в завершение жизненного пути, выбранной судьбы каждая из них оказывается в новом положении, снова ставящем их на противоположные полюсы шкалы ценностей: в расплату за свое личное счастье в момент его крушения Анна выбирает физическое и вместе с ним моральное самоуничтожение, в то время как Марья Николаевна, смиренно и почти с достоинством приняв свое унижение, обретает нравственную возвышенность, ухаживая за умирающим возлюбленным и заботясь после его кончины о воздаянии покойному долженствующих почестей.

Параллельная структурная техника проявляется и в том, что две сестры Щербацкие, княгиня Долли и княжна Кити после того, как каждую из них жизнь случайно свела с некими незнакомками (второстепенные женские фигуры), приобретают способность более пластично осмыслять события своей жизни, свои нравственные принципы, поскольку перед ними приоткрылась доселе неизвестная им сторона жизни – бездна нищеты и горя других. Для Долли этой незнакомкой оказалась молодая крестьянка, повстречавшаяся ей в дороге, когда она ехала навестить Анну; душевному же обогащению Кити способствовала встреча с презренной всеми сожительницей умирающего брата ее мужа.

Обозревая роман в его единой целостности, можно отметить как еще одну параллель, зеркальное отражение тот факт, что связанные узами родства две женщины, Анна и Долли проявляют участие к судьбе друг друга независимо от меняющихся внешних обстоятельств – распада семейной жизни, нравственно-душевного кризиса. Они навещают друг друга в самые сложные периоды жизни, тем самым демонстрируя поддержку друг друга, родственное и женское сочувствие не только на вербальном уровне.

В этом стоящем над всеми условностями общества посещении у Долли есть и другая параллель: ее младшая сестра Кити таже преступив все конвенции в уже упомянутой выше

ситуации встречается с другой «падшей» женищиной, Марьей Николаевной. Эти встречи можно считать зеркальными и в том смысле, что в обоих случаях аристократки (Долли, Кити) вопреки общественному мнению встречаются с отверженными женщинами, однако знак противоречия этих ситуаций в том, одной из «падших» женщин является светская дама Анна, а другой – женщина из низших слоев общества. В последнем случае, поскольку речь идет о двух принадлежащих разным общественным полюсам личностях, Кити, знакомясь с падшей женщиной, рискует не только морально унизиться, но и тем, что вступает в сообщество – пусть даже и временно – с личностью противоположного ее сословию происхождения. Приведенные рассуждения предполагают группировку, основой которой являются женские героини и и связаннаяс ними система отношений.

4. Женские эпизодические фигуры, оказавшие воздействие на мужские персонажи

Как нами уже упоминалось, женские второстепенные образы оказывают влияние на формирование характеров не только главных героинь, но мужских героев. Особенно это верно в отношении Левина, Каренина и в некоторой степени Вронского. В случае с Вронским, впрочем, следует выделить две личности, которые коренным образом определяют развитие этого персонажа: это его мать, пожилая графиня Вронская и уже упоминавшаяся Бетси Тверская. Их роль в формироровании образа Вронского сравнима с их влиянием на Анну. Есть в романе и такого типа зеркальные встречи, как видим, Толстой варьирует принадлежность персонажей к той или иной группе. Советчица Каренина, кому он исключительно доверяет, в определенном смысле его друг – графиня Лидия Ивановна. Религиозная фарисейка, одинокая дама явно обнаруживает свое тяготение к Каренину.

Левин в момент своего появления представляется читателю сформированным персонажем, однако его манера поведения еще не четко очерчена, в его характере преобладают сомнение, мучительные смятния духа, неспособность к принятию решений. Становление характера Левина происходит на глазах у читателя, среди мужских героев его в наибольшей

степени затрагивает влияние со стороны женских эпиходических фигур. Самой динамичной из них является Агафья Михайловна, бывшая няня Левина и его экономка, которая помимо исключительно добросовестно выполняемой своей работы оказывала ему душевную поддержку в повседневной жизни и разделяла его метания в поисках решений философских вопросов о смысле бытия. Толстой так описывает время хозяйствования Левина в деревне:

«[…]жизнь его была чрезвычайно наполнена, и только изредка он испытывал неудовлетворенное желание сообщения бродящих у него в голове мыслей кому-нибудь, кроме Агафьи Михайловны, хотя и с нею ему случалось нередко рассуждать о физике, теории хозяйства и в особенности о философии; философия составляла любимый предмет Агафьи Михайловны.» (глава 2, часть 12).

Доминирующая роль экономки подчеркивается словесным изображением ее образа в тонких ньансах. В ходе настоящего исследования мы выделили двадцать четыре отрывка из текста романа, в которых можем проследить развертывание изображения фигуры Агафьи Михайловны. На протяжении развития повествования отдельные черты характера формируются в единый образ, представляющий личность жещины из народа, важность ее роли, ее внешность и внутренний мир. Нижеприводимые цитаты передают информацию, на основе которой мы попытались составить портрет рассматриваемого персонажа. В изображении характера перед нами предстает заботливая женщина, «которая без устали болтала», и «знала все подробности хозяйственных планов Левина. Левин часто со всеми тонкостями излагал ей свои мысли и нередко спорил с нею и не соглашался с ее объяснениями». (часть 3, глава 30). « […]Агафья Михайловна, видя, что дело доходит до ссоры, тихо поставила чашку и вышла. Кити даже не заметила ее». (часть 5, глава 16). В описаниях автора мы почти не находим на уровне текста отсылок к внешнему облику Агафьи Михайловны. Исключение составляет небольшая сцена, в которой бегло и немногословно описывается внешний вид экономки. Речь идет о сцене, когда молодая жена и хозяйка Кити и старая няня с трудом приходят к

взаимопониманию в методе приготовления варенья: «Агафья Михайловна с разгоряченным и огорченным лицом, спутанными волосами и обнаженными по локоть худыми руками кругообразно покачивала тазик над жаровней» (глава 6, часть 2).

Автор представляет ее в собственной среде (выражение Агнеш Дуккон), в барском имении, в деревне, где она живет полноценной жизнью, и вполне естественно, что ее цели, задачи и планы, совпадая с целями, задачами и планами ее кормильца, барина Левина, подчиняются им. Сам Толстой ожидает этого от женщины, призвание которой заключается в сохранении семейного очага, сплочении семьи.

Настенька, свояченица деревенского помещика Свияжского, с которым был в приятельских отношениях Левин, также принимает участие в формировании образа Левина. О ней читателю известно, что она хороша собой, умна, преподает в сельской школе, охотно делится с собеседниками планами по воспитанию и обучению крестьянских детей. В одном месте в романе Толстой как бы искушает Левина ею. Контрастный персонаж, роль которого в романе состоит в том, чтобы проверить силу чувств Левина к Кити, правильность его выбора, а также собственный характер.

Следующие воздействовашие на Левина второстепенные женские персонажи – это Долли и Варенька. Покойную мать Левина также можно считать фактическим персонажем, поскольку память о ней непрерывно определяет поступки героя, его поведение. Автор выражает это на уровне текста, когда сообщает, что Левин не мог называть свою тещу маман, ведь, по его нравственным взглядам, так обращаться он должен лишь к родной матери.

5. Другие позиционирования

Дальнейшее группирование персонажей можно проводить в аспекте социальной – географической принадлежности женских второстепенных героинь: провинциальная – патриархальная, деревенская или из провинциального городка – столичная светская дама. К первой группе можно отнести няню и экономку Левина Агафью Михайловн, няню в доме Облонских Матрену Филимоновну, сожительницу Николая Левина Марью Николаевну,

заботящуюся о Кити акушерку Марью Васильевну, появляющаяся в 6 главе, «молодайку» с постоялого двора, повстречавшуюся Долли в дороге, когда она ехала навестить уже живущую с Вронским Анну. Ко второй группе причисляемы уже упоминавшиеся и в других аспектах Бетси Тверская, графиня Лидия Ивановна, Долли, пожилая графиня Вронская, княгиня Щербацкая, своячница Свияжского – Настенька.

Сравнивая две выделенные группы, отметим, что по середине располагается Варенька, о ком со слов Кити узнаём, что она «имела манеры и воспитание самые хорошие: – отлично говорила по-французски и по-английски […]» (часть 2, глава 32) и мадам Шталь, воспитанницей которой была Варенька.

По ходу исследования выделенных групп и относящихся к ним персонажей встает вопрос, на чьей стороне авторская симпатия, и в каких методах образного изображения она находит свое воплощение, какими поэтико-художественными средствами выражается.

Отнесение персонажей к одной группе не означает их сходного нравственного поведения, то есть, можно утверждать, что закономерной тождественности в нравственном облике характеров не существует. Так, на один уровень принятой шкалы моральности попадают светская дама (Анна) с презренной любовницей («та женщина», подруга Николая Левина), добродушная няня (Агафья Михайловна, Матрена Филимоновна) опережает злую сводницу (Бетси Тверская) или лицемерную святошу, «друга» (графиня Лидия Ивановна), с корыстью пользующуюся положением Каренина, оказывающую на него психологическое давление и направляющую его решения. Духовно-нравственная схожесть и возникающая в преодолеваемых вместе повседневных заботах симпатия также могут сближать представителей разных социальных слоев. Приведем в качестве примера Долли и няню семьи Матрену Филимоновну: «нянюшка, главный друг Дарьи Александровны […]» (часть 1, глава 2)

Женские эпизодические персонажи могут группироваться и с точки зрения того, «[…] когда по замыслу писателя герои действуют в собственной среде, а когда – в чужой» В настоящей

работе мы не будем подробно рассматривать этот аспект. Агнеш Дуккон отмечает, что «угловатость Левина в городе, в аристократических салонах, в обществе светских людей постоянно подчеркивается автором […]» (А. Дуккон. 1996: 72-87)

6. Толстовская система нравственных ценностей

В связи с женским вопросом у Толстого нельзя обойтись без рассмотрения проблематики круга вопросов о браке, создании семьи и семейной жизни. Романная ткань обильно пронизана рассуждениями, душевными терзаниями и разговорами о сущности и смысле брака.

Мужской герой Константин Левин так руссуждает об этом вопросе: «Левин едва помнил свою мать. Понятие о ней было для него священным воспоминанием, и будущая жена его должна была быть в его воображении повторением того прелестного, святого идеала женщины, каким была для него мать. Любовь к женщине он не только не мог себе представить без брака, но он прежде представлял себе семью, а потом уже ту женщину, которая даст ему семью. Его понятия о женитьбе поэтому не были похожи на понятия большинства его знакомых, для которых женитьба была одним из многих общежитейских дел; для Левина это было главным делом жизни, от которого зависело все ее счастье. И теперь от этого нужно было отказаться!» (часть 1, глава 27)

Произведение по своей сути рассматривает круг вопросов о семейном счастье и семейном несчастье. Об этом автор сигнализирует в начальной строчке романа: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Почему же Толстой проявлял постоянный интерес к вопросу семейного счастья? Может быть потому, что через судьбы созданных в произведении характеров пытался понять собственную жизнь, разобраться в проблеме семейного счастья – несчастья. Стоит обдумать замечание Лидии Гинзбург, согласно которому: «Толстой не писал автобиографий и мемуаров[…], может быть, именно потому, что автобиографизмом проникнуто его творчество. Дневники для Толстого были сырьем нравственного становления. Подробный самоанализ, интроспекцию поглотили романы В дневниках

самоанализ суммарный — отправные точки для работы самосовершенствования. Поэтому исследуется здесь не целостная личность, характер, но отдельные черты, страсти, события — как испытания личности. Толстой широко пользовался в своих произведениях обстоятельствами собственной жизни — это общеизвестно. (Ginzburg: velib.com/book.php)

Сценой в сцене является микроситуация, оттеняющая мировидение и мнение автора и героев опять-таки о семье, рождении и воспитании детей, когда Долли ехала к Анне и «[…] ей вспомнился разговор с молодайкой на постоялом дворе. На вопрос, есть ли у нее дети, красивая молодайка весело отвечала:

– Была одна девочка, да развязал бог, постом похоронила.

– Что ж, тебе очень жалко ее? – спросила Дарья Александровна.

– Чего жалеть? У старика внуков и так много. Только забота. Ни тебе работать, ни что. Только связа одна.

Ответ этот показался Дарье Александровне отвратителен, несмотря на добродушную миловидность молодайки, но теперь она невольно вспомнила эти слова. В этих цинических словах была и доля правды.» (часть 6, глава 16)

Вопрос счастья – несчастья является центральным вопросом как в рассматриваемом романе, так и во всех произведениях Толстого. Счастье и несчастье писатель представляет в связанных семейными узами отношениях. Жизнь главных героев также вращается вокруг решения этой проблемы. В ранее сложившихся представлениях Левина о супружеских отношениях эпизодические фигуры являют порой зеркальное отражение, порой курс, которому стоит следовать. Когда после неудачного сватовства он приехал домой в деревню, его верная бывшая няня, а теперь экономка, Агафья Михайловна (здесь ее образ впервые предстает в романе), видя глубокую печаль барина, очень делткатно затрагивает тему женитьбы. Свой разговор она начинает издалека. Ссылаясь на задушевное отношение хозяина к собаке, она отмечает, что животное чувствует и понимает все изменения настроения человека. «[…].– А пес… Ведь понимает же, что хозяин приехал и ему скучно.» Левин, в надежде отвести пристальное внимание

няни, стыдливо обранивает: «– Отчего же скучно?» Старая няня стоит на своем: «„– Да разве я не вижу, батюшка? Пора мне господ знать. Сызмальства в господах выросла. Ничего, батюшка. Было бы здоровье да совесть чиста. ” Левин пристально смотрел на нее, удивляясь тому, как она поняла его мысли.» (часть 1, глава 26). Он упрямо пытается идти против своих чувств – иррационально. Чтобы забыть свою неудачу, Левин наведывается в ближайшее именье к предводителю уезда, очень симпатичному ему человеку Свияжскому. Он заранее знал, что встретится с жившей в доме Свияжского его свояченицей, умной и милой девушкой Настенькой. Намерение супругов Свияжских было ему известно: «Свияжский и его жена очень желали выдать за него эту девушку» (часть 3, глава 27). Мысли и чувства Левина витали вокруг планов о семейной жизни, о перспективе женитьбы, любви к Кити или возможной ее альтернативе, и он «знал тоже и то, что, несмотря на то, что он хотел жениться, несмотря на то, что по всем данным эта весьма привлекательная девушка должна была быть прекрасною женой, он так же мало мог жениться на ней, даже если б он и не был влюблен в Кити Щербацкую, как улететь на небо. И это знание отравляло ему то удовольствие, которое он надеялся иметь от поездки к Свияжскому. […]в глубине души ему хотелось испытать себя, примериться опять к этой девушке. Домашняя же жизнь Свияжских была в высшей степени приятна, и сам Свияжский, самый лучший тип земского деятеля, какой только знал Левин, был для Левина всегда чрезвычайно интересен». .(часть 3, глава 26).

В отношении женских второстепенных персонажей развитие образа Вареньки является наиболее объемным по тексту в историческом времени романа и наиболее ярким с точки зрения использования поэтико-художественных средств изображения. Она оказывается причастной к жизни многих гравных героев, но преимущественно важную роль играет в формировании характера Кити. Ее портрет в разных ракусах вырисовывается в различных, зачастую оторванных друг от друга частях романного текста. Согласно развертываемому художником мнению о ней: «M-lle Варенька эта была не то что не первой молодости, но как бы существо без молодости: – ей

можно было дать и девятнадцать и тридцать лет. Если разбирать ее черты, она, несмотря на болезненный цвет лица, была скорее красива, чем дурна. Она была бы и хорошо сложена, если бы не слишком большая сухость тела и несоразмерная голова по среднему росту; но она не должна была быть привлекательна для мужчин. Она была похожа на прекрасный, хотя еще и полный лепестков, но уже отцветший, без запаха цветок. Кроме того, она не могла быть привлекательною для мужчин еще и потому, что ей недоставало того, чего слишком много было в Кити, – сдержанного огня жизни и сознания своей привлекательности». (часть 2, глава 30).

В настоящей работе, исследуя метод изображения женских второстепенных персонажей романа *Анна Каренина*, мы попытаемся остановить внимание на применении экфрасиса. Рассматривая этот прием, мы используем подробно представленную в работе Лили Борош теорию Готфрида Бёма. В приведенном выше отрывке романа автор проникает в самую суть личных качеств описываемой фигуры, Вареньки, дает возможность узнать образ, характер, раскрывая признаки внешности, а позже и внутреннего мира, которые точно неопределяемы: автор сообщает приблизительный возраст героини, описывает черты и цвет ее лица, фигуру, размер головы, затем указывая на возможность проявления к ней мужской симпатии или же на ее отсутствие.

Художественно-поэтические средства, применяемые Толстым для показа личностных признаков, портрета, образного изображения в только что рассматриваемом отрывке текста в полной мере напоминают экфрасис. Золтан Хайнади представляет следующую дефиницию этого приема: « Экфрасис (греч. ekhfraszein — "высказывать, выражать") – описание произведения изобразительного искусства или архитектуры в литературном тексте.[…] Наряду с потретом, скульптурным изваянием к экфрасису могут причисляться отражение и фотоснимок (З. Хайнади 2011: 199., 207.)

В изображении фигуры Вареньки также уловим этот прием. Показ женских персонажей у Толстого Золтан Хайнади характеризует следующим образом: «Описание подчинено канонам экфрасиса. До определенной степени оно служит для

воспроизведения и замены живописного полотна или скульптуры» (ср. Geller 2002). (Hajnády Z. 2011: 208.)

Золтан Хайнади далее развивает толкование экфрасиса: «В славянской мифологии дуб с древних времен особо почитаем. По народному обычаю он является космическим древом жизни, у которого есть душа. Изображение старого дуба у Толстого также содержит в себе различные визуальные опыты, поэтому условно я причисляю его к объектам экфрасиса, как вербальную попытку создания визуального пейзажа» (Hajnády Z. 2011: 213.) Действительно, можно думать о живописном полотне, читая условное предложение, начинающееся словами «Если разбирать ее черты», ведь перед нами разворачивается почти живописный портрет, в то время как часть предложения «она не могла быть привлекательною для мужчин» уже передает чувства, ощущения. В одном вклининном предложении после выраженной в форме сравнения метафоры (отцветший, без запаха цветок) происходит смена точки зрения – ранее нейтральные авторские сообщения сменяются объяснениями с позиции мужчины того, почему Варенька не может быть привлекательна для мужчин. Здесь писатель приводит – лишь упомянув – образ Кити, и вслед за относящемся к Вареньке негативным высказыванием (ей недоставало), раскрывает перед читателем самые главные черты ее существа: «слишком много было в Кити, – сдержанного огня жизни и сознания своей привлекательности». Этим самым две героини (Варенька – Кити) взаимосвязываются и на уровне текста. Параллелью образа фригидной молодой женщины с лечебных вод Вареньки, характеризующей ее метафоре «отцветший, без запаха цветок» можно считать ее праобраз – Соню из романа *Война и мир*, названную Толстым «пустоцветом» и являющую собой в этом романе созданный для вечного самопожертвования символ женщины.

С подобными высказываниями о Вареньке, ее характеристиками встречаемся и в другом месте текста также после смены точки зрения – уже со слов восторгающейся Кити: «Что же в ней есть? Что дает ей эту силу пренебрегать всем, быть независимо спокойною? Как бы я желала это знать и научиться от нее этому», – вглядываясь в это спокойное лицо,

думала Кити. Княгиня попросила Вареньку спеть еще, и Варенька спела другую пиесу так же ровно, отчетливо и хорошо, прямо стоя у фортепьяно и отбивая по ним такт своею худою смуглою рукой.» (часть 2. глава 32). Далее читаем: Но зато «Варенька, одинокая, без родных, без друзей, с грустным разочарованием, ничего не желавшая, ничего не жалевшая, была тем самым совершенством, о котором только позволяла себе мечтать Кити.» (часть 2, глава 33) В характеризующих Вареньку словах Кити опять упоминаются признаки ее внешности, как бы дополняющие ранее развернутое автором описание: «Варенька […] прямо стоя у фортепьяно и отбивая по ним такт своею худою смуглою рукой.». На ее способности указывает и сама Кити: «спела другую пиесу так же ровно, отчетливо и хорошо». В следующем отрывке текста Кити рассуждает о ее образованности, утонченности и взыскательном воспитании. Портрет Вареньки оттеняется уже ранее приведенным высказыванием Кити: «Варенька имела манеры и воспитание самые хорошие: – отлично говорила по-французски и по-английски […]»(часть 2, глава 32).

О сравнении Вареньки и Сони можно более подробно прочитать в уже цитированной нами работе Золтана Хайнади. Социологическое место – положение в романе Вареньки: за исключением своей приемной матери в отношениях почти со всеми героями она – вопреки кроткости натуры – доминирует. С акушеркой и няней ее отношения нейтральны, а с поклонником Сергеем Ивановичем Кознышевым она оказывается неспособной выстроить отношения.

7. Выводы

Подводя итоги, в результате развертывания темы можем сформулировать наш ответ на поставленный вопрос: писательская – человеческая – мужская симаптия стареющего моралиста Толстого выражается в создаваемом им образе воплощающей женский идеал патриархальной женщины–матери, жертвующей собственными желаниями, интересами, увлечениями ради семейного счастья, благополучия и спокойствия своих близких.

Таким образом счастьем – конечно же, и семейным – наделяется следующий тип героинь: Долли и Кити, ведь счастье

ощущается ими именно так, хотя иногда их души терзают сомнения, что маркировано выражается в размышлениях Долли, которые писатель выражает художественными средствами внутреннего монолога: «А они нападают на Анну. За что? Что же, разве я лучше? У меня по крайней мере есть муж, которого я люблю. Не так, как бы я хотела любить, но я его люблю, а Анна не любила своего? В чем же она виновата? Она хочет жить. Бог вложил нам это в душу. Очень может быть, что и я бы сделала то же. И я до сих пор не знаю, хорошо ли сделала, что послушалась ее в это ужасное время, когда она приезжала ко мне в Москву. Я тогда должна была бросить мужа и начать жизнь сначала. Я бы могла любить и быть любима по-настоящему. А теперь разве лучше?» (часть 6, глава 16)

Из рассмотренных в рабте второстепенных женских образов счастливыми, поскольку они примирились со своей судьбой, являются уже упоминавшиеся две няни Агафья Михайловна и Матрена Филимоновна, любовница Николая Левина Марья Николаевна, а также уравновешенная пожилая княгина Щербацкая, считающая смыслом своей жизни заботу о семье, связанные с замужеством и судьбой дочерей хлопоты. Счастье Вареньки заключается в самопожертвовании для других, в чем она сама признается: «Я очень рада, что это доставляет вам удовольствие, – просто отвечала Варенька.» Далее она говорит: «[…]я не несчастна; напротив, я очень счастлива.» (часть 2, глава 32)

Каждого персонажа, в том числе и женские фигуры, даже в самых коротких эпизодных ролях, Толстой описывает с высочайешей художественностью: «[…] мастерски показывает взаимосвязь умышленных и неумышленных процессов не путем высказываний, понятийных объяснений, анализов, а точным и пластичным изображением видений, поступков, трепета души, жестов и непроизвольных движений» (А. Дуккон 2006:78).

Итак, формирование образов не в каждом случае воплощается в словесном обличии; кроме вышеперечисленных, средством создания персонажей являются и обмолвки, гримасы, интонации, описания внешнего вида, одежды, прически, психологические особенности поведения и опознавательные признаки личности. Всё это дополняет передаваемое

повествователем толкование, проявление и выражение мнений других персрнажей о конктретном образе.

Левин также является частью полного душевной борьбы семейного счастья. Встретившись с Анной, он – вопреки самому себе – понимает ее, но не может одобрить ее поступка, и в то же самое время, ощущает, что «возможно, между ними существует настоящее духовное единство» (А. Дуккон 2006:85). Если Левин и не осознает, то для читателя очевиден тот факт, что и Анна и Левин ошиблись с выбором, воспринимая за истинную любовь лишь ее видимость. Левин влюбляется в выдуманный для себя идеал, в нем вспыхивает огонек страсти, так и не разгоревшись. Анну страсть охватывает, становясь кошмаром. Левин мог бы ответить на эту страсть, но он уже женат. Так как в настоящей работе рассматривались женские образы с фокусированием внимания на второстепенных персонажах, подробное развертывание линии Левина выходит за пределы поставленных целей.

Как видим, женские характеры (главные и эпизодические героини) выводятся автором из лабиринта жизненних перипетей. За исключением Анны. Толстой с любовью создает этот образ, но всё же обрекает его судьбу на провал. Он «толкает» героиню под поезд.

Термин «лабиринт» мы перенимаем у Золтана Хайнади, который в своей статье побробно рассматривает душевные терзания героев романа *Война и мир* и их скитания по извилистым лабиринтам жизни. (З. Хайнади 2011: 172-199).

Всё же Толстой не осуждает разрушающую брак Анну, заранее демонстрируя это в эпиграфе – (Агнеш Дуккон подробно рассматривает предпосылки выбора эпиграфа и его предысторию, Золтан Хайнади во многих своих работах также занимается толкованием эпиграфа в самых разных направлениях, указывает его источник, цитирует сознательно сформулированную агрумантацию Толстого) – и делает различие между осуждением и суждением: «[…] автор различает жест осуждения и суждения: первый обычно злонамеренный, не знающий сострадания к грешному, совершившему ошибку человеку, и не признает собственных слабостей […] суждение же означает ответственную позицию,

сознательный выбор […]. Моралист Толстой не выносит приговор Анне, но высказывает суждение о ее поступке и прощает ее. […]» (А. Дуккон 1996: 75, 81).

Мы выражаем полное согласие с высказыванием Щукина, согласно которому «Толстой не мог представить себе мир романтически раздвоенным или иерархически разделенным на чистых и нечистых», и считаем доказанным приведенное в качестве эпиграфа к нашей работе утверждение Лидии Гинзбург.

ЛИТЕРАТУРА

В работе приводятся цитаты из романа в электронной версии loveread.ec/read_book. 1. часть, глава 2., http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0080.shtml)

Boros L. 2006. A vizuális metaforák szerepe Lev Tolsztoj Háború és béke című regényében .[Роль визуальных метафор в Войне и мире Толстого] In: Kovács Árpád (szerk.): Puskintól Tolsztojig és tovább…Tanulmányok az oroszirodalom és költészettan köréből. 2. Budapest, Argumentum: 393-412.

Dukkon Á. 1996. Lev Tolsztoj: Anna Karenina. in.: Huszonöt fontos orosz regény. Műelemzések. Szerk.: Hetényi Zsuzsa. Lord Könyvkiadó, Maecenas Könyvkiadó: 72-87.

Ginzburg, Ligyija 1982. A lélektani próza. Gondolat.

Гинзбург,Лидия1977. О психологической прозе. «Художественная литература».Ленинградское отделение.

Hajnády Z. 2011. Labirintusmintázatok Tolsztoj Háború és békéjében. [Лабиринт как архетипический топос в Войне и мире Толстого] In.: A lét tüze. A fénylő logosz. Debreceni Egyetemi Kiadó. Debrecen: 172-199.

Hajnády Z. 2011. Festés szavakkal. A képleírás poétikai szerepe Tolsztojnál. [Живописание словом.О поэтической функции визуального изображения в творчестве Толстого] In.: A lét tüze. A fénylő logosz. Debreceni Egyetemi Kiadó. Debrecen: 199-223.

Monter B.H. 1978. Tolstoj's Path Towards Feminism. In. American Contribution to the Eight International Congress of Slavists. Zagreb and Ljubljabna. September 3-9, Volume 2. Literature. Edited by Victor Terras. Slavica Publishers, Inc. Columbus, Ohio: 527.

Tolsztoj L. 2012. Anna Karenina. MEK (=Magyar Elektronikus Könyvtár = Венгерская Электронная Библиотека) Németh László fordításában [В переводе Ласло Немэта].

Щукин, В. 2012. С чего начинается Лев Толстой**.** Размышления над первыми страницами «Детства». Москва.

Получена / Received: 29.01.2013
Принята / Accepted: 14.02.2013

Humanity space *International almanac* VOL. 2, No 1, 2013: 107-115

Интермедиальные процессы в культуре Серебряного века (Опыты творческого диалога А. Ремизова и Н. Рериха)

Ж. Калафатич

Eötvös Loránd University,
Egyetem tér 1-3. Budapest, 1053 Hungary
Университет имени Лоранда Этвёша
Университетская пл. 1-3. Будапешт, 1053 Венгрия;
e-mail: kalafatics@gmail.com

Ключевые слова: стремление к синтезу искусств, А. Ремизов, Н. Рерих, «Звенигород окликанный. Николины притчи», экфрасис, поиск небесного града, размышления о судьбе России.
Key words: the pursuit of the synthesis of arts, Aleksei Remizov, Nikolai Roerich, the ekphrasis.
Резюме: Тема статьи - исследование взаимодействия живописного и словесного начал на основе произведения А. Ремизова «Звенигород Окликанный. Николины притчи». Заглавие самой книги и одна из ее глав непосредственно связаны с творчеством Н. Рериха. В главе «Жерлица Дружинная» художник слова представляет своеобразные описания пейзажей, воспроизводя восемь картин Рериха («Город строят», «Зловещее», «Город обреченный», «Дела человеческие», «Сокровище ангелов», «Ункрада», «Покорение Казани», «Прокопий Праведный за неведомых плавающих молится»). Цель статьи - на основе анализа экфраз указать на созвучие творческих методов писателя и художника, на стилевые и тематические сходства. Показ типологических параллелей творческих и духовных поисков двух художников развернут в статье при рассмотрении идеи строительства, принципа архитектурности, ключевых образов города и храма.

Настоящий очерк является переработанным и дополненным вариантом статьи: Калафатич Ж. 2011. Звенигород как художественное пространство (А. Ремизов и Н. Рерих) // Восток - Запад. Пространство природы и пространство культуры в русской литературе и фольклоре. Волгоград: 421-428.

Abstract: The paper deals with the interference of visuality and verbality, starting from A. Remizov's Zvenigorod oklikannyi: Nikoliny pritchi. Both the title and a chapter of the book are closely connected to the art of N. Roerich's as 8 pictures of his appear in the special descriptions of Remizov's. With analysing the ekphrasis, the paper aims to show the consonency of methods, the stylistic and thematic similarities. The typological parallelism between the artistic and spiritual quest of the writer and the painter is illuminated through the ideas of architecture, the key-pictures of the town and the church.

The present essay is the revised and supplemented version of the article: Kalafatich J. 2011. Zvenigorod as an artistic space (Remizov and Roerich) // East - West. Space of nature and cultural space in Russian literature and folklore.

Volgograd:.421-428.
[Kalafatich J. Intermediality processes in the culture of the Silver Age (experience of creative dialogue between A. Remizov and N.Roerich)**]**

Общеизвестно, что для русской культуры рубежа 19-20 веков были характерны интенсивные поиски путей к синкретизму искусств. В этот период усилилась потребность слияния разных видов творческой деятельности, и возрос интерес к сближению литературы и иных типов художественного творчества. Взаимодействие живописного и словесного творчества, стремление к их синтезу ясно обнаруживаются в произведениях знаменитых, самобытных представителей культурной жизни Серебряного века, А. Ремизова и Н. Рериха. Творчество обоих художников имеет синтетический характер, они совместили в себе таланты живописцев и писателей. В рамках данной статьи я сосредоточусь лишь на некоторых особенностях экспериментов по совмещению визуальных и вербальных образов. При этом я коснусь и вопросов творческого диалога художника и писателя и поисков духовного обновления России.

Ремизова и Рериха связывали дружеские отношения, они познакомились в 1905 году на квартире Г. Чулкова, секретаря редакции Вопросов жизни. (Мельников 2002) Позже Рерих выполнял декорации к неосуществившейся постановке ремизовской пьесы «Трагедия о Иуде, принце Искариотском». В годы первой мировой войны Ремизов посвятил творчеству Рериха цикл «Жерлицу дружинную», созданный под впечатлением апокалиптических и пророческих картин Рериха. Впервые цикл был опубликован в 1916 г. в сборнике «Рерих», изданном к 25-летию творческойдеятельностихудожника. Описания нескольких картин Рериха вошли в сборник «Звенигород окликанный. Николины притчи». Книга была издана в 1924 году издательством Алатас, основанном Рерихом и Г. Гребенщиком. Название издательства также символично, по-казахски «алатас» означает «Белый камень». В эмиграции Ремизов стал членом кружка Живой Этики (Росов 2004).

Ремизов и Рерих обладали разносторонней и многогранной творческой натурой. Ремизов, наряду с

писательской деятельностью, занимался рисованием, создал многочисленные альбомы графического рисунка, а также был признанным мастером каллиграфического искусства (Секе 2006: 115), о чем свидетельствуют выданные им почетные грамоты Обезвелволпала. Широкую известность имели и картины Рериха и еголитературныепроизведения (Кшицова 1998-99). К тому же нельзя забывать и о значительных достижениях художника в научной работе.

Ремизова и Рериха связывал и особыйинтерес к древнерусской культуре и Святой Руси. Оба воспринимали древность как ключ к пониманию настоящего. Для творчества обоих художников характерна тяга к прошлому, изображению былых времен, обращение к стилизации и стремление к обновлению формы (в живописи и прозе). Можно сказать, что их обоих занимала тема о общечеловеческой сущности, ее основные ценности и духовность. Художники утверждали, что искусство призвано достоверно воспроизводить канувшие в лету традиции, потому что оно способно обеспечить преемственность ценностей творчества.

В своих статьях Рерих призывает высокое искусство к ответственности за сохранение традиций прошлого. В творчестве Рериха выражается его особый интерес к истории, в немалой степени мотивированный происхождением художника. Предки Рериха принадлежали к датско-норвежскому роду, и только в начале 18 столетия переселились в Россию (Полякова 1985: 3). Художник изображает не конкретные исторические события, а само прошлое. Он стремится художественно воспроизвести исчезнувшую эпоху, условность ее будней, запечатлеть ритуалы древнего рода, с археологической точностью передавая в своих картинах дух древности. В теории Ремизова также отводится важная роль мифу, который – в понимании художника– является древней основой, первородной повестью, свидетельством когда-то произошедшего. Но поскольку с течением времени в ходе запечатления событий, как в устной, так и в письменной форме произошедшее обрастает все новыми и новыми пластами, то миф зачастую сохраняется лишь фрагментарно, в отрывках. Исходя из этого Ремизов считает и свою задачу сложной: былое единство нужно

реконструировать в одних случаях по фрагментам, а в других случаях, очищая первозданный текст от наслоений. Таким образом, задачей творца является не создание фольклора и имитация древнерусской письменности, а реконструкция ушедшего в прошлое мифа и восстановление забытых корней исконной русской традиции.

Миф обетованной земли, поиск небесного града появляется в уже упомянутом произведении Ремизова «Звенигородокликанный. Николиныпритчи». Звенигрод, с одной стороны, название реально существующих в русской истории городов (Звенигород Галицкий, Звенигород Киевский, Звенигород). Легенды и предания объясняют происхождение названия подмосковного Звенигорода колокольным звоном, предупреждающим Москву о грозящей опасности (Кондрашина). Но, с другой стороны, Звенигород является легендарным городом, вариантом русского исторического мифа о чудесно спасшемся невидимом граде, мечтой о построении Небесного Града, соединении земного и небесного миров в сознании человека.

В книге прослеживается знакомая ремизовская практика: автор перерабатывает и соединяет два созданных еще до эмиграции цикла – «Николиныпритчи» и «Жерлицудружинную».Однаконеобходимоподчеркнуть и то, чтонетолькозаглавиекниги, нодуховныйнасторойтекстов и ихсодержаниевполнесозвучнымыслям и настроениямРериха.

Как и Ремизова, так и Рериха занимал образ Святого Николая Угодника, одногоизсамыхпочитаемых на Руси святых, одного из постоянных спутников Спасителя, ходатая перед Богом за человека. Оба создавали свои варианты о Николе Угоднике. К образу Святого Николая не однократно обращается напротяжении своей жизни Рерих. Онупоминаетего в очерках («Сон») и в разныегодыпосвящаетемусвоикартины («Николай-Угодник», «Трирадости», «Святой Никола», «Святой Николай»). (Тарасов 2004) Опираясь на сюжеты народных легенд, написал свой вариант и Ремизов. Наиболее законченным из циклов о Николе стала книга «Николины притчи» (1917). Этотсостоящийиз 24 текстовциклавторвключил в «Звенигород», добавив к немукороткоевведение («Теплая пламень»),

указывающеена особенности восприятия Николы русским народом.

Ремизов видит и художественно воплощает в Николе вечного посредника между человеком и Богом. В «Звенигороде» оказываются рядом два Николая, и это соединение неслучайно. С одной стороны Николай является святым покровителем живописца соответственно имени, с другой стороны, и Рериха занимают эти две сферы (небесная и земная, божественная и человеческая), посредничество между ними, возможности их сближения, стремления к духовному совершенствованию.

Идея духовного возрождения и воскресения, опирающаяся на русские православные традиции, прослеживается и в произведениях Ремизова. «Нарубеже 1920-1930-х гг. Он создал несколько книг, являщихся обобщенияниодной из магистральных тем его творчества – темы Божественных посредников между Богом и человеком – Богородицы (книга «Звезда-Надзвездная», 1928) и Св. Николая Чудотворца («Звенигород окликанный», 1924; двухтомник «Три серпа» 1927).» (Грачева 2001: 662)Позже Ремизов написал о святом эссе, которое можно рассматривать как научную работу (Розанов 2008).«Образ Николая Чудотворца, Алатырь – камень русской веры» (1931), в котором на основе исторического, легендарного и художественного материала представлены своеобразия восприятия веры русским народом.

Духовные поиски и стремление к духовному преображению Рерих сгущает в двух символах – это образ древне русского храма и города. Поиск пути особенно заметен в кризисные периоды: полотна, созданные в предвоенные годы, наряду с предчувствием апокалиптического разрушения, катастрофы передают стремление к созиданию нового мира, веру в грядущее.

Эти картины вдохновили Ремизова к созданию описания картин, включенного в цикл «Жерлица дружинная». Впрочем, в текстах Ремизова часто встречаются упоминания о произведениях изобразительного искусства, однакоих подробные описания даются редко. В общей сложности Ремизов описывает 8 картин: «Город строят», «Зловещее», «Град обреченный», «Дела человеческие», «Сокровищеангелов»,

«Прокопий Праведный заневедомых плавающих молится», «Ункрада», «Покорение Казани». Следует отметить, что эти картины в разные годы были написаны Рерихом, и только Ремизов объединил их в единый сюжет, имеющий символическое толкование об истории России. В результате словесного описания происходит своего рода перевод с языка живописи на язык другой семиотической системы, то есть литературы.

Своеобразие заключается в том, что Ремизов, несмотря на эпический принцип, присутствующий и в названиях картин, изображенное на картине не подробно описывает, а скорее интерпретирует в лирической тональности и драматизирует. Это прослеживается и в визуальном оформлении текста, где заметны элементы стихоподобия. Использованные Ремизовым типографические средства (пунктуация, графические символы, организация абзацев) передают ритм и интонацию на печатной странице.

Первый текст цикла («Град – каменьРериха») представляет собой не описание картины, а попытку осмыслить и истолковать феномен Рериха. Здесь особая роль отводится скандинавскому происхождению живописца, исторической связи варягов и славян, постоянному присутствию во времени элементов и следов прошлого.«Через сколько веков – вот и опять показался он на Руси, но не с моря Варяжского, а из Костромы города, а сел в Петербурге на Мойке – / уже не Рюрик, / как величали его в Новегороде, / а Рерих. / И, как когда-то, он построил свой каменный город. Вспомнил, как сон, и рассказал о камнях, о море, о морях, где плавал с дружиной, о великанах, о змее, о нойдах, об ангеле грозном, и как строилась Русь, ...» (Ремизов 1993: 330)

В описаниях картин также находим ссылки на иконографическое содержание картин, иногда автор указывает и на нужный для интерпретации картины культурный контекст. Непосредственные наблюдения, нарраторские рефлексии служат одной цели: предоставляют возможность для толкования судьбы русского народа, раздумий над метафизической сутью бытия нации. Ремизовские тексты также наводят на мысль, что в восприятии Рериха только созидание является тем, что можно

противопоставить разрушению и уничтожению.

На картине «Городстроят» выделяется в первую очередь созидающая ценности, устремленная ввысь деятельность. Ощущается ритм работы,суть создающего ценности общего труда, его пафос и радость. Белый цвет символичен – он подчеркивает святость общего дела возведения города. Непросто строится город, а закладывается фундамент будущего Великой России. Следующие описания картин уже несут в себе предчувствия разрушения, чувство тревоги и надвигающейся угрозы. В картине «Зловещее» «пейзажи натурного и исторического перерастает в пейзаж философский, заключающий глубокие обобщения» (Смирнов 1978). Это обобщение звучит и в монолог переживающего за судьбу страны ремизовского нарратора, словесно передающем и отдельны еэлементы полотна (море, ветер, серыекамни, вороны).

Зрелище, которое открывает картина «Градобреченный», вызывает у повествователя чувство страха. Уже один из критиков той эпохи отмечал созвучность эмоционального строя этих картин мировосприятию современников (Гидони 1915: 34). Монолог передает ощущение безысходности, неизбежности гибели. Гибель находит воплощение в описании картины «Делачеловеческие». Эта созданная в 1912-14 годы картина относится к пророческим картинам, на ней изображены гибель города и люди, обозревающие разрушение. Нарратор обращается к ним, пытаясь успокоить их призывом возвести новый город, и ссылается при этом на кругообращение бытия созидающую волю и силу духа человека. «Новый город вы построите, / и будет он краше и праведнее всех городов, / новый город /окликанный!» (Ремизов 1993: 336)

Обетованность города избранных подчеркнута и в произведении «Сокровище ангелов». В экфразе появляется каждый важнейший элемент воспроизводящей композицию старинных икон, картины огромного размера (ангелы-хранители, камень добра и зла, райские птицы-сирины). И в то же время нарратора занимает, прежде всего, вопрос: «Комуже открыты вратарайские? / И кто избранный из позванных?» (Ремизов 1993: 337). К избранным относится и герой картины

«Прокопий Праведный» (полное название картины «Прокопий Праведный за неведомых плавющих молится»), ведь он, сидя на высоком берегу реки благословилв се корабли и даже устранил надвигающуюся на страну бурю. Текст воспроизводит жизнь чудотворца, укрепляя этим веру в вечную богоохранность России. «Ункрада» – лирическое признание в любви России, где в самом деле слышится жалоба блуждающего среди березженского образа. Надо отметить, что картина Рериха является своеобразной фантазией на тему ремизовской пьесы. Ункрада – имя одной из героинь «Трагедии о Иуде, принце Искариотском».Просьбой завершается и последний текст, «ПокорениеКазани»: «Засвятую Русь помилуй нас!» (Ремизов 1993: 342). Эта мольба соединяет два текстовых корпуса, ведь и «Николины притчи» заканчиваются молитвой «Милостивый наш Никола, / где бы Ты ни был, /явись к нам! / Скажи Спасу о нашей тяжкой страде, … заступи, защити русскую землю! / Благослови русский народ великим / благословеньем своим / на новую грядущую жизнь!» (Ремизов 1993: 328). Таким образом тексты обеих глав книги передают ощущение необходимости божьих помыслов и милостив созидании нового мира, новой жизни.

Звенигород как центр духовного мира, своеобразной Русской Шамбалы появляется в художественных трудах Рериха. С темой Нового Града органично связана и концепция Новой Страны – оба понятия являются краеугольными в его представлениях, книгах Учения Живой Этики. Идея строительства Нового Града занимала и других мыслителей русской эмиграции, об этом свидетельствует и появление журнала под таким же названием (Будникова 2009). Несмотря на то, что планы на будущее Рерих связывал с Алтаем, ведь в его мечтах здесь будет воздвигнут город будущего Звенигород, его пророчества о «Городе Сияющем» являются метафорами человеческих духовных поисков и стремлений к совершенству, то есть симптомами утопического мышления.

Кризис воспринимался обоими авторами как кризис духовный, и поэтому выход из кризиса могло означать лишь полное духовное обновление, то есть и Ремизов и Рерих возвещали о необходимости кардинального преобразования,

изменения человеческого сознания. В то время как Ремизов в своих произведениях призывал к этим преобразованиям, Рерих, изменяя форму жизни, пустившись в поиски Шабалы, путешествуя по Азии и обживая новые пространства, стремился воплотить их не только в искусстве, но и на уровне конкретных планов по основанию идеального поселения, ГородаСияющего. Звенигород, таким образом, означает для обоих художников – хотя и на различных уровнях – воплощение мечты человечества в искусстве.

ЛИТЕРАТУРА

Будникова Ю.Ю. 2009. Два града // Восток. No 8(184). [Электронная версия] URL: http://rossasia.sibro.ru/voshod/article/23942 [Август]

Гидони А. 1915. Творческий путь Рериха // Аполлон. No 4-5: 1-39.

Грачева А.М. 2001. О человеке, Боге и о судьбе: Апокрифы и легенды Алексея Ремизова // Ремизов А. М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Лимонарь: 650-663.

Кондрашина В.А. Звенигородские колокола. [Электронная версия] URL: http://www.kolokola.ru/history/zvenigorod.htm

Кшицова Д.Н.К. 1998-99. Рерих – художник и поэт // Rossica. No 1: 19-32.

Мельников В.Л. 2002. Филологическоеокружение Н.К. Рериха // Грани эпохи. No 10. URL:http://www.ethics.narod.ru/articles2/philology.htm

Полякова Н. 1985. Николай Рерих. Москва.

Ремизов А.М. 1993. Сочинения. Книга первая. Звенигород окликанный. Москва.

Розанов Ю.В. 2008. Никольский цикл А.М. Ремизова и проблема «последней книги» [Электронная версия] URL: http://philolog.petrsu.ru/filolog/konf/2008/39-rozanov.htm

Росов В.А. 2004. Николай Рерих. ВестникЗ венигорода. Экспедиции Н.К. Рериха поокраина мпустыни Гоби. Книга II: Новая Страна. Москва. [Электронная версия] URL:http://svitk.ru/004_book_book/10b/2184_rosov-ekspedicii_reriha_2.php

Секе К. 2006. Судьба без судьбы. Проблемы поэтики Алексея Ремизова. Будапешт.

Смирнов Б.А. 1978. Русский пейзаж в творчестве Н.К. Рериха // Н.К. Рерих. Жизнь и творчество. Сборник статей. Москва: 62-71.

Тарасов Ф. 2004. Образ Николая Чудотворца в творчестве Н.К. Рериха // Восход. №12(128). [Электронная версия]. URL: http://voshod.sibro.ru/article/18963 [Декабрь]

Получена / Received: 18.01.2013
Принята / Accepted: 05.02.2013

Humanity space *International almanac* VOL. 2, No 1, 2013: 116-124

Гоголь и «Гомеровский вопрос»

Ю.В. Манн

ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6
Federal Staty Budget Institution "Russian State Humanitatian University"
125993, Moscow, Miusskaya square, 6; e-mail: ymann@si.ru

Ключевые слова: Николай Гоголь, Гомер, Александр Пушкин, эволюция образа, интерпретация стихотворения.
Key words: Nikolai Gogol, Homer, Alexander Pushkin, the evolution of the image, the interpretation of the poem.
Резюме: Эссе посвящено одному из эпизодов творческой биографии Николая Гоголя. Писатель дает оригинальную трактовку стихотворения Александра Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один…». Он считает, что оно представляет собой «оду императору Николаю».
Abstract: Essay focuses on one of the Nikolai Gogol's biographical episode. The writer gives an original interpretation of Alexander Pushkin's poem "From Homer long are you talking one...". Gogol believed that it is an "ode to Emperor Nicholai".
[Mann Yu.V. Gogol and "Homeric Question"**]**

Речь идет не о «гомеровском вопросе» [1], как он обычно понимается, хотя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847) мельком затронута и эта, традиционная тема: в статье «Об Одиссее, переводимой Жуковским» Гоголь с иронией упомянул о «немецких умниках» (подразумевается прежде всего Ф.А. Вольф), выдумавших, «будто Гомер – миф, а все творения его – народные песни и рапсодии!» (YIII, 241). Но сейчас речь пойдет о другом – о стихотворении Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один…», толкование которого у Гоголя связано с его концепцией «должностей» и званий, наиболее полно изложенной в тех же «Выбранных местах…».

Появились эти стихи еще в 1841 г. в посмертном издании пушкинских Сочинений (СПб, т. 9, с. 159), но смысл их, по мнению Гоголя, остался не разгаданным, в том числе и для самого публикатора – Жуковского. В письме «О лиризме наших поэтов» (адресовано тому же Жуковскому) Гоголь решил приоткрыть «тайну»: мол, это стихотворение – не что иное, как «ода императору Николаю». Собственно об этом он уже говорил в «Учебной книге словесности для русского юношества»

(датируется 1844-1845 гг.; опубликована значительно позднее – в 1896 г.), где среди примеров оды значится: «Императ<ору> Никола<ю>, Пушки<на>» (YIII, 484). В «Выбранных местах…», в упомянутом письме, Гоголь аргументирует свой вывод, рассказывая историю «происхождения» оды.

«Был вечер в Аничковом дворце /…/ Все в залах уже собралося; но государь долго не выходил. Отдалившись от всех в другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей от дел минутой, он развернул Илиаду и увлекся нечувствительно ее чтеньем в то время, когда в залах давно уже гремела музыка и кипели танцы. Сошел он на бал уже несколько поздно, принеся на лице своем следы иных впечатлений. Сближение этих двух противуположностей скользнуло незамеченным для всех, но в душе Пушкина оно оставило сильное впечатление, и плодом его была следующая величественная ода…» (далее следует пушкинский текст).

Утверждение Гоголя вызвало бурную реакцию Шевырева: «Как ты мог сделать ошибку, нашед в послании Пушкина Гнедичу совершенно иной смысл, смысл неприличный даже? - пишет он 30 января 1847 г. из Москвы. – Не знаю, как Плетнев не поправил тебя. Послание адресовано к Гнедичу: как же бы Пушкин мог сказать кому другому «ты проклял нас»?» [2]). Еще язвительнее отозвался С.Т. Аксаков, - в письме к Ивану Сергеевичу (от 16 января 1847 г.) он привел этот факт как свидетельство психического нездоровья автора «Выбранных мест…»: «…Все это надо повершить фактом, который равносилен 41 числу мартобря (в «Записках сумасшедшего»). Известное стихотворение Пушкина к Гнедичу: *С Гомером долго ты беседовал один* Гоголь принял за стансы царю. Неужели это не бросилось тебе в глаза?» [3].

Мнение о Гнедиче как адресате послания фигурирует здесь как общеизвестное и неоспоримое, - это подтверждается тем, что и Белинский упоминал и цитировал стихотворение как «свидетельствующее о его /Пушкина/ уважении к труду и имени переводчика «Илиады» [4]. Затем это мнение было решительно поддержано литературоведами (В.Ф. Саводник, Н.О. Лернер, Н.Ф. Бельчиков и др.). «Не может быть никаких сомнений в том, что стихотворение связано с Гнедичем» (В.Есипов) [5].

Связь с Гнедичем – и это тоже уже отмечено исследователями - подтверждается преемственностью стихотворения по отношению к другому пушкинскому тексту – опубликованному в «Литературной газете» (1830, № 2, 6 января) библиографическому извещению об издании «Илиады». Уже здесь намечены важнейшие тезисы будущего стихотворения: во-первых, момент долгого обостренного ожидания («Наконец, вышел в свет так давно и так нетерпеливо ожиданный перевод…»); во-вторых, контраст, с одной стороны, благоговейного служения искусству и вдохновенного труда, а с другой - слепого следования «моде», изготовления «блестящих безделок». Все это превращает поступок переводчика, то есть Гнедича, в «высокий подвиг», художественный и общественный [6].

Собственно, то главное, что добавлено в стихотворении «С Гомером долго ты беседовал один…» - это терпимость героя (поэта) к своим современникам, приятие им жизни во всех проявлениях, снисходительность и прощение:

О, ты не проклял нас. Ты любишь с высоты
Скрываться в тень долины малой,
Ты любишь гром небес, но также внемлешь ты
Жужжанью пчел над розой алой. [7]

Но помимо этого добавления, бросается в глаза перестройка стилистической структуры, а именно введение библейского, ветхозаветного фона: «И светел ты сошел с таинственных вершин // И вынес нам свои скрижали». «Скрижаль» - в словоупотреблении Пушкина – это иногда просто «доска, плита с письменами» (В.Даль) - иначе говоря, предмет, на котором пишут, как, например, в черновой редакции YIII главы «Евгения Онегина»: «И Дмитрев не был наш хулитель; //И быта русского хранитель, //*Скрижаль* оставя, нам внимал…» [8]. Но в данном случае это еще и отсылка к пророку Моисею: «…И сошел Моисей с горы; в руке его были две скрижали откровения…» «Когда же он приблизился к стану и увидел тельца и пляски, тогда он воспламенился гневом и бросил из рук своих скрижали и разбил их под горою…» (Исх., 32; 15, 19; курсив в оригинале). Эта отсылка, этот библейский

фон сообщают стихотворению «высокий стилевой регистр, исключающий слишком конкретное толкование реалий» [9].

И все же позволительно задать вопрос: кто является героем стихотворения? Дело в том, что обозначение «поэт» («прямой поэт») фигурирует только в предпоследней, пятой строфе, которая вместе с последней строфой была обнародована много позже, в 1855 г.:

Таков прямой поэт. Он сетует душой
На пышных играх Мельпомены –
И улыбается забаве площадной,
И вольности лубочной сцены.

То Рим его зовет, то гордый Илион,
То скалы старца Оссиана,
И с детской легкостью меж тем летает он
Во след Бовы иль Еруслана.

Остается неясным, почему эти строфы были зачеркнуты Пушкиным (по мнению Анненкова, зачеркнуты «как портящие стихотворение», хотя никак не объяснено, в чем состоит эта «порча» [10]). Может быть, дело именно в излишней конкретизации образа, доходившей даже до включения некоторых реалий из творческой биографии Гнедича, что противоречило заданному «иносказательному плану» (Вацуро) стихотворения. Однако сама установка на героя стихотворения именно, как на поэта была уже определена ранее и остается в силе, - присмотримся внимательнее к приведенной выше четвертой строфе.

Здесь происходит любопытное явление – если можно так сказать, минимизация прегрешений толпы, поскольку ее изображение привязано к главному персонажу, поэту, а не царю и тем более не к божеству, дано в его (поэта) аспекте. Поэтому среди откликов современников на гоголевскую трактовку попадается и такой, принадлежащий, по словам Д.Н.Свербеева, одному «умному, скромному и религиозному читателю» - тот «был удивлен непонятным применением стихов Пушкина к идеалу царя, изображенному Гоголем» [11]. В самом деле: пребывание людей в тени «долины малой», внимание к

«жужжанью пчел» - это не «безумство суетного пира» и пляски вокруг золотого тельца; проклятия такие поступки действительно не заслуживают. И в реакции лирического героя, помимо снисхождения, есть еще другая нота: живой интерес к самым разным сторонам бытия, как высоким, так и прозаическим (именно прозаическим, даже категория «низким» выглядела бы здесь чрезмерной). А это – реакция истинно художническая; поэтому начало следующей, пятой, вычеркнутой строфы: «Таков прямой поэт» выглядит логичным продолжением сказанного и переходом к характеристике еще более широкого, разноликого творческого диапазона поэта.

Теперь вернемся к гоголевской интерпретации стихотворения. То обстоятельство, что Гоголь не знал двух последних строф и полагал, что цитирует «оду» полностью («всю»), способствовало «переадресовке» им произведения - от Гнедича к императору Николаю; в этом свете детали четвертой строфы – «Ты любишь с высоты скрываться в тень долины малой…» и т.д. – воспринимались им как знак человечности и открытости монарха. Это могло быть вполне искренним убеждением; Гоголь мог действительно полагать, что нашел верный ключ толкования (тем более что стихотворение было напечатано под названием, отсутствовавшем в рукописи: «К Н***»). Современная исследовательница говорит по этому поводу, что Гоголь «творит миф о Пушкине /…/ И сам верит в созданный им миф…» [12]. Я бы переформулировал эту мысль: Гоголь интерпретирует факты и предположения и сам, безусловно, верит в эту интерпретацию.

Вместе с изменением адресата, то есть героя, трансформировалась вся концепция произведения. Ибо, конечно, «скрижали» в руках поэта и императора – совсем разные «предметы»; Гнедич «вынес нам» свой высокий вдохновенный труд, Николай I – нечто более существенное.

Конкретно предметом внимания Николая, говорит Гоголь, послужила «Илиада», то есть перевод Гнедича, вышедший в 1829 г. Правда, согласно, тому же Гоголю, всеобъемлющее произведение Гомера – «Одиссея», «Илиада пред нею эпизод», но говорить о чтении императором «Одиссеи» было бы нереально, ее перевод еще долго будет у

Жуковского в работе (опубл. в 1849 г.). Однако в пушкинском стихотворении конкретное произведение не названо, и отсылка к Гомеру могла, с точки зрения Гоголя, подразумевать воображаемый диалог с ним вообще («С Гомером долго ты беседовал…») и извлечение императором из этого диалога общезначимого «гомеровского» урока.

Что это был за урок – читатель узнавал тут же, из помещенной в тех же «Выбранных местах…» статьи «Об Одиссее, переводимой Жуковским». Это напоминание о верности своему «званию» или «поприщу» (сквозная мысль «Переписки»!), то есть о том, «что человеку везде, на всяком поприще предстоит много бед, что нужно с ними бороться…» (YIII, 239). И еще это тот завет патриархальности, мудрого устроения основ национальной жизни, которые утрачены «страждущими и болеющими» европейцами, но сохранены в зародыше русскими. И потому через посредство древнегреческого поэта «многое из времен патриархальных, с которыми есть такое сродство в русской природе, разнесется невидимо по лицу русской земли» (там же, с. 244). «Разнесется» - с помощью самодержца, при его содействии.

Однако гомеровский урок помножается на урок Священного писания, ведь, по мнению Гоголя, своего героя, то есть Николая I, поэт уподобляет «древнему боговидцу Моисею». Но уподобляет с существенной поправкой: монарх мог бы, «подобно ему, разбить листы своей скрижали, проклявши ветрено-кружащееся племя», но не сделал этого. «…Пушкина остановило еще высшее значение той же власти, которую вымолило у небес немощное бессилие человечества…». Вымолило «криком не о правосудии небесном, перед которым не устоял бы ни один человек на земле, но криком о небесной любви Божией, которая бы все умела простить нам – и забвение долга нашего, и самый ропот наш, - все, что не прощает на земле человек…» (там же, с. 254-255). Словом, монарх как ветхозаветный пророк преображается в духе Нового завета. Но и это еще не последняя веха в цепи его изменений.

В черновой редакции письма «О лиризме наших поэтов» есть обширное рассуждение, не вошедшее в печатный текст, но

непосредственно связанное с трактовкой пушкинского стихотворения (на эту связь, кажется, еще не обращалось внимания). Здесь тема любви и всепрощения монарха достигает наивысшей степени. В печатном тексте говорилось, что «все полюбивши в своем государстве, до единого человека всякого сословья и званья», император готов обратить «все что ни есть в нем, как бы в собственное тело…» (там же, 256). В исключенном пассаже эта картина была еще более впечатляющей: советуя монарху – пусть он «возьмет в образец своих действий действия самого Бога», – Гоголь говорит и об его высшем проявлении такой любви: «…И наконец, видя, что все уже тщетно, и ничто не в силах образумить их, и нет средства укрыть людей от их неотразимой правды, сам [решается] решится самого себя принести в жертву за всех, чтобы ценой такой жертвы [и любви] победить и самою природу свою, показав людям, что такая любовь есть уже выше всего, что ни есть…» (там же, 679, 680).

Это уже подвиг распятия! это уже сам Спаситель!...

Соответственно с эволюцией образа, меняется и символика схождения. У Пушкина это схождение поэта: «И светел ты сошел с таинственных вершин…», «Ты любишь с высоты Скрываться в тень долины…». У Гоголя вначале, в описании вечера в Аничковом дворце, это схождение императора к своим подданным («Сошел на бал…»); потом, в истолковании пушкинского текста, схождение с Синая пророка Моисея, с скрижалями в руках; потом, в исключенном пассаже, схождение Бога к избранному им народу («Дай сойду сам на землю и рассмотрю, точно ли так велика неправда!»); и, наконец, в заключение того же пассажа, сошествие Спасителя ко всему человечеству. И это зримое повышение символики, ее сакрализация бросают свой отсвет на образ монарха. Тут уместно напомнить, что Гоголь, называя пушкинское стихотворение «одой», определял этот жанр в «Учебной книге словесности…» следующим образом: «…Предмет од или сам источник всего – Бог или то, что слишком близко высотою чувств своих к божественному» (YIII, 473).

Гоголь, однако, велел исключить из статьи упомянутый пассаж, где возвышение «должности» монарха граничило с

обожествлением. «Нужно выбросить все то место, где говорится о значении власти монарха, в каком оно должно явиться в мире, - пишет он Плетневу 16 октября н. ст. 1846 г. - . Это не будет понято и примется в другом смысле /…/ Теперь выбросить нужно ее непременно, хотя бы статья была и напечатана…» (XIII, 111).

Настойчивость Гоголя вызвана боязнью превратного понимания, которое, во-первых, может проистекать из подозрения в угодничестве автора по отношению к власти. А во-вторых, в том, что утверждаемая Гоголем искомая норма («…к каком оно должно явиться в мире…») будет принята за уже существующее, осуществленное. Ведь писатель, в полном соответствии с установкой «Выбранных мест…», лишь перебрасывает мостик от настоящего к будущему, намечает к этому будущему «исходы, средства и пути», но не выдает желаемое за действительное. [13]

СНОСКИ

[1] Тексты Гоголя цитируются по изданию: Гоголь Н.В.Полное собрание сочинений. В 14 тт. Москва, 1937- 1952. В скобках указывается том (римской цифрой) и страница (арабской).

[2] Переписка Н.. Гоголя. В 2 т.М.,, т. 2, 1988, с.345.

[3] Аксаков С.Т. Собр. соч.. В 3 т., М., т. 3, 1986, с. 182; курсив в оригинале.

[4] Белинский В.Г. Полн. собр. соч.. В 13 тт. М., т. 7, с. 255.

[5] Есипов Виктор. «С Гомером долго ты беседовал один…» // Пушкинский сборник. М., 2005, с. 265.

[6] Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 т. М-Л., 1947, Т.7, с. 97-98

[7] Пушкин А.С. Указ. изд., т. 3, с. 238.

[8] Пушкин А.С. Указ. изд. т. 5, с. 549.

[9] Вацуро В.Э. Записки комментатора. СПб., 1994, с. 24, 273

[10] Анненков П.В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. Пб., т. 1, 1855, с. 468.

[11] Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя, М., т. 4, 1897, с. 522.

[12] Белоногова В.Ю. Выбранные места из мифов о Пушкине. Нижний Новгород, 2003, с. 89.

[13] Ю.Я. Барабаш полагает, что эпизод, о котором (согласно Гоголю) повествует пушкинское стихотворение, «отмечен слишком явной печатью придворной мифологии» (Барабаш Ю. Загадка «Прощальной повести» . М., 1993, с. 147). Но в таком случае об этом знал бы Жуковский (да и Плетнев), который был гораздо ближе ко двору, чем Гоголь. Достаточно спорно и рассуждение другого исследователя:

«Но кто же рассказал Гоголю об этом? Слова Гоголя о тайне позволяют предположить, что это мог быть Пушкин» (Есипов, указ соч., с.269).

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков С.Т. 1986. Собр. соч. В 3 т., М., т. 3.
Анненков П.В. 1855. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. Пб., т. 1.
Белинский В.Г. Полн. собр. соч.. В 13 тт. М., т. 7.
Белоногова В.Ю. 2003. Выбранные места из мифов о Пушкине. Нижний Новгород.
Вацуро В.Э. 1994. Записки комментатора. СПб.
Гоголь Н.В. 1988. Полное собрание сочинений. В 14 тт. Москва, 1937- 1952. Переписка Н. Гоголя. В 2 т.М., Т. 2. с. 345.
Есипов В. 2005. «С Гомером долго ты беседовал один…» // Пушкинский сборник. Москва.
Пушкин А.С. 1947. Полн. собр. соч. В 10 т. М-Л., Т. 7.
Шенрок В.И. 1897. Материалы для биографии Гоголя, М., Т. 4.

Получена / Received: 15.01.2013
Принята / Accepted: 22.01.2013

Humanity space *International almanac* VOL. 2, No 1, 2013: 125-139

Педагогический потенциал творчества В.В. Набокова

О.В. Стукалова[1], А. Дуккон[2]

[1]Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Институт художественного образования» Российской Академии Образования
119121, Москва, ул. Погодинская, д. 8, корп.1
Federal State Research Institution of the Russian Academy of Education
«Institute of Art Education»
Pogodinskaya str. 8, building 1, Moscow 119121 Russia; e-mail: chif599@mail.ru

[2]Eötvös Loránd University,
Egyetem tér 1-3. Budapest, 1053 Hungary
Университет имени Лоранда Этвёша
Университетская пл. 1-3. Будапешт, 1053 Венгрия;
e-mail: dukkonagnes@gmail.com

Ключевые слова: Владимир Набоков, русская литература XX века, педагогический потенциал, эстетический идеал, интерпретация текста.
Key words: Vladimir Nabokov, Russian literature of the twentieth century, the pedagogical potential, aesthetic ideal, the interpretation of the text.
Резюме: Слово как материал художественной литературы обладает большим педагогическим потенциалом. Обращение в этом контексте к творчеству одного из самых тонких стилистов в русской литературе – Владимиру Владимировичу Набокову – не случайно. В.В. Набоков - один из самых влиятельных художников по степени воздействия на стилевые процессы в русской и мировой литературе второй половины XX века.
Abstract: The word as a material of fiction has great pedagogical potential. In this context treatment to the work of one of the finest stylists in Russian literature - Vladimir V. Nabokov – is not by accident. Vladimir Nabokov is one of the most influential artists in Russian and world literature of the second half of the twentieth century.
[Stukalova O.V.[1], Dukkon A.[2] Pedagogical potential of V. Nabokov's works**]**

Особая сила воздействия художественной литературы на личность состоит в неисчерпаемом богатстве идей и значений образов, в глубоком проникновении в действительность и в широкой связи с духовными и социальными проблемами времени. Постижение нравственно-эстетического идеала писателя, общение с многогранным миром созданных им образов, воспитание готовности к углубленному восприятию литературного произведения являются основой воспитательного влияния искусства слова.

Задачи, стоящие перед преподавателями литературы в XXI веке, в значительной степени определяются особенностями общекультурной ситуации в обществе: возрастанием потребности возврата многих утраченных духовных ценностей и в то же время негативным отношением к сложившимся стереотипам в педагогике и оценке художественных произведений. Особое значение приобретают вопросы формирования нового типа взаимоотношений преподавателя и студентов, воспитания творческого читателя.

Гуманитарная концепция литературного воспитания рассматривает литературу, прежде всего как искусство слова – как самоценный, собственно эстетический феномен, а не как средство осуществления тех или иных утилитарных (воспитательных, идейно-нравственных) задач и целей.

Слово как материал художественной литературы обладает неисчерпаемым количеством смыслов, вызывающих в сознании читателя постоянно обогащающиеся и обновляющиеся эмоциональные и интеллектуальные переживания – «образ мира, в Слове явленный» (Б.Л. Пастернак). Литературные произведения создают особую атмосферу общения с миром художественных образов, что является прерогативой искусства.

Литературное произведение актуализирует в процессе саморазвития такую черту этого процесса как ценностное самоопределение, открывая читателю «мистическую тайну искусства, его вечное устремление к вершинам духа, его самодовлеющую преображающую жизнь ценность…» (Бакушинский, 1919: 10).

Увидеть спрятанный в слове образ (а иногда и целую мировоззренческую систему) - одна из важнейших задач, которая стоит перед студентами в ходе литературного анализа. Раздумье над словом, как писал академик В.В. Виноградов, «оживляет в языке мертвое, мотивирует немотивированное» и создает «вторую образную действительность», которую «искусство открывает в действительности реальной» (Виноградов, 1963: 157).

Обращение в этом контексте к творчеству одного из самых тонких стилистов в русской литературе – Владимиру Владимировичу Набокову – не случайно. В.В. Набоков -

«писатель ослепительного литературного дарования, именно такого, какое мы зовем гениальностью. Он совершенно своеобразен, узнается с одного абзаца - признак истинной яркости, неповторимости таланта. В развитой литературе XX века он занимает особое, высокое и несравнимое положение» (А.И. Солженицын).

Хотим отметить, что наше отношение к этому писателю вернее всего было бы охарактеризовать как «амбивалентное». Признавая его безусловным Мастером, не можем во многом согласиться с его рядом нарочито эстетских заявлений и довольно презрительных отзывов о творчестве выдающихся писателей и мыслителей – в частности, о книгах Ф.М. Достоевского и З. Фрейда.

Сложность восприятия обоих авторов в творчестве В.В. Набокова и в его личных отзывах давно является предметом пристального анализа.

В частности, о набоковском отношении к идеям Фрейда существует ряд российский и зарубежных исследований (Г. Грин, А.В. Иванов, Дж. Шют, Дж. Берман и др.).

Как известно, в своей мемуарной книге «Другие берега», которая создавалась в 1950 - 1954 гг., Набоков уже в начале первой главы заявляет, что в поисках ключей и разгадок своей земной природы он «рылся в своих самых ранних снах» (Набоков, 1989 - Другие берега: 20). Довольно резко он пишет о своем отношении к толкованию снов: «…и раз уж я заговорил о снах, прошу заметить, что безоговорочно отметаю фрейдовщину и всю ее темную средневековую подоплеку, с ее маниакальной погоней за половой символикой, с ее угрюмыми эмбриончиками, подглядывающими из природных засад угрюмое родительское соитие» (Набоков, 1989 - Другие берега: 20).

Набоков называет последователей Фрейда «венскими мистиками». В конце «Других берегов» читаем такой пассаж: «Вместо дурацких и дурных фрейдистических опытов с кукольными домами и куколками в них («Что же твои родители делают в спальне, Жоржик?») стоило бы, может быть, психологам постараться выяснить исторические фазы той страсти, которую дети испытывают к колесам. Мы все знаем,

конечно, как венский шарлатан объяснял интерес мальчиков к поездам. Мы оставим его и его попутчиков трястись в третьем классе науки через тоталитарное государство полового мифа (какую ошибку совершают диктаторы, игнорируя психоанализ, которым целые поколения можно было бы развратить)» (Набоков, 1989 - Другие берега: 415).

В романе «Бледный огонь» поэт Джон Шейд в поэме, являющейся часть книги, говорит о своей ненависти к Марксу и Фрейду.

В своих интервью Набоков называл фрейдизм одним из самых подлых обманов, которым пользуются люди, чтобы вводить в заблуждение себя и других. «Я полностью отвергаю его», – сказал Набоков (Набоков о Набокове и прочем, 2002: 132-133), а фрейдистское толкование снов «шарлатанским и сатанинским абсурдом»: «Каждое утро мне доставляет радостное удовольствие опровергать венского шарлатана, воспоминая и объясняя подробности своих снов без единой ссылки на сексуальные символы и мифические комплексы», – ответил Набоков на вопрос интервьюера, что он думает о психиатрии (Набоков о Набокове и прочем, 2002: 160).

Так, в своем эссе о Достоевском В. Набоков явно выражает свою неприязнь к «причудливым», «ненормальным», «изуродованным душам» Достоевского. Он пишет: «Я порылся в медицинских справочниках и составил список психических заболеваний, которыми страдают герои Достоевского» и упоминает следующие болезни: эпилепсия, старческий маразм, истерия, психопатия, а затем добавляет: «Между прочим, ученые опровергают утверждения некоторых критиков о том, будто бы Достоевский – предвестник Фрейда и Юнга. Это можно убедительно доказать, т.к. Достоевский многократно использовал сочинение немецкого врача Ц.-Г. Каруса «Психиатрия», опубликованное в 1846 г. Предположение, что Достоевский – предтеча Фрейда, основано на том, что терминология и гипотезы в книге Каруса сходны с фрейдовскими, но основные концепции – разные: в одну и ту же терминологию авторы вкладывали разные идеи» (Набоков, 1996: 186, 188).

Набоков касался в этом эссе влияния Каруса на

Достоевского лишь поверхностно, об этом свидетельствуют и неточно цитированное заглавие книги и неточно приведенные инициалы имени немецкого ученого: вместо «Психеи» он называет «Психиатрию», хотя такого произведения нет у Каруса, и вместо К(арл) Г(устав) он пишет «Ц.-Г.». Известно, что Лекции по русской литературе были написаны Набоковым для американских студентов в 1940-е годы, а посмертно изданы не с целью филологического или сравнительно-литературного анализа, поэтому попадаются иногда неточные данные в тексте, и отчасти и этим объясняется его слишком категоричные суждения, например, о таких писателях, как Достоевский. Набоковские суждения о литературе коренятся в его аристократизме, о котором писал Иван Толстой в предисловии книги: «..достойна уважения та последовательность, с которой он выдерживает свое кастовое презрение к недворянским литераторам всех эпох./.../» (Набоков, 1996: 9).

В выше цитированном отрывке Набокова стоит подчеркнуть последнее предложение о том, что основные концепции Каруса и Фрейда разные, сходны лишь некоторые их термины. Но этому противоречит мнение Дмитрия Рождественского, автора недавно появившейся книги Психоанализ в российской культуре: учебно-методическое пособие Дм. Рождественский.

По его мнению, «большое влияние на Фрейда оказали (...), Лейбниц, К.Г. Карус (...) установивший, что бессознательная психическая деятельность проявляется через переживания и сны (...)» (Рождественский, 2009: 11).

Но в набоковском замечании все-таки скрывается правда – в высшем смысе слова: оттого, что психологические открытия Каруса влияли на Фрейда, их основные концепции могут быть совершенно разные. Теоретические воззрения немецкого психолога развиваются под влиянием философии романтизма, его медицинские и психологические наблюдения овеяны созерцанием «прекрасного и высокого», стремлением к Абсолютному, а язык его текстов пропитан временами пафосом, поэзией, особенно когда идет речь о бессознательном (das Unbewußte) «невыразимом ядре» души. Личность, мышление и учение немецкого психолога покоится на гармонии, условно

говоря, представляет аполлоновское начало (мы узнаем на фоне этого знаменитую заповедь «познай самого себя»: „…das reine und genügende Erfassen höherer Erkenntniss von dem Mysterium unseres gesammten innersten Lebens (…)”.

Для Фрейда такой подход к теме совсем не характерен – он мыслитель уже другой эпохи. Набоков, благодаря своей глубокой духовной культуре – хотя с остро критическим отношением к изображению психических болезней у Достоевского – верно заметил интересные, противоречивые моменты в «треугольнике «Карус – Достоевский – Фрейд».

Учитывая очевидную многослойность набоковских текстов и несомненную глубину и проницательность его исследовательского дара, в своей работе со студентами мы пытаемся быть максимально объективными и рассматриваем произведения Набокова, его авторскую позицию и подходы к литературе с разных точек зрения.

В целом, наш преподавательский опыт показывает, что педагогический потенциал изучения творчества В.В. Набокова весьма значителен. Это объясняется рядом причин:

1. В русской литературе XX века В. В. Набоков занимает особое место, так как его творчество, начавшееся в эпоху Серебряного века, охватывает почти все этапы литературного развития XX века вплоть до 1970-х гг.

2. В.В. Набоков - один из самых влиятельных художников по степени воздействия на стилевые процессы в русской и мировой литературе второй половины XX века.

3. Творчество писателя причастно к истории сразу двух национальных культур - русской и американской; причем и русскоязычные, и англоязычные произведения писателя - выдающиеся художественные явления, подлинные литературные шедевры.

Тексты писателя представляю собой уникальный пример билингвизма. «Дважды изгнанник, бежавший от большевиков из России и от Гитлера из Германии, он успел создать массу великолепных произведений на умирающих в нем языке для эмигрантской аудитории, которая неуклонно таяла. Тем не менее в течение второго десятилетия пребывания в Америке он сумел привить здешней литературе непривычные дерзость и

блеск, вернуть ей вкус к фантазии, а себе – снискать международную известность и богатство» (Апдайк, 1998: 22).

4. Не будет преувеличением сказать, что именно В.В. Набоков больше, чем кто-либо из его современников сделал для знакомства западной читательской аудитории с вершинами русской литературной классики. Именно он сумел актуализировать для Запада творчество А.С. Пушкина.

Кроме того, важнейшим фактором необходимости изучения текстов этого писателя является высочайшее художественное качество этих текстов, их «заповедный русский язык, … кристальный, усадебный, о коем мы позабыли, от коего как бы вершинного воздуха кружится голова» (А.А. Вознесенский).

Показательно, что В.В. Набоков всегда демонстративно отказывался принимать участие в каких бы то ни было политических, идеологических, этических дискуссиях. Его девизом оставалось всепоглощающее служение Искусству. Оценивая развитие русской литературы в XIX–XX вв. писатель пришел к выводу, что она всегда была больше чем литературой и постепенно это привело к почти полной ее идеологизации, превращению в «вечную данницу той или иной орды», когда от художника требуется приносить общественную пользу. Его совет художникам: во всем ставить «как» превыше «что».

Интересно, что жена Набокова - Вера, один из немногих близких ему людей в своем послесловии к посмертному изданию русских стихов мужа, вышедших в 1979 году, первая назвала незамеченную критиками «главную тему Набокова». Она объяснила, что Набоков использовал понятие «потусторонности», чтобы определить «тайну, которую носит в душе и выдать которую не должен и не может". «Этой главной темой… пропитано все, что он писал», добавляет жена писателя, и именно она «давала ему его невозмутимую жизнерадостность и ясность в самых тяжелых жизненных переживаниях» (Набоков, 1973: 3).

Результаты педагогической работы со старшеклассниками в течение 15 лет показали, что в ходе анализа произведений писателя учащиеся овладевают навыками в чувствования в словесную ткань произведения, эстетического

анализа художественных впечатлений, литературного анализа текста. В результате, они развивают в себе способность получать эстетическое наслаждение от литературного текста. Также имманентно развивается эстетический и читательский опыт, так как у школьников развивается способность к переносу переживания текста на восприятие стиля и художественных стратегий других писателей.

Мир набоковских произведений необыкновенно яркий, праздничный, сияющий, красочный. В этом его можно назвать наследником И.А. Бунина и Н.С. Гумилева, о которых писатель, по его замечанию, «не мог говорить без волненья». Но при этом в способах изображения внешнего мира он делает шаг вперед по сравнению со своими предшественниками, открывая новую структуру метафоры. Реальность, созданная им, прежде всего видима и осязаема. Зыбкое и невещественное уплотняется и превращается в некое подобие предметов, телесно ощутимых. Даже внутренний мир человека изображен предметно: «тяжелые движения души» шахматиста Лужина («Защита Лужина»), «шум рассаживающихся чувств» («Весна в Фиальте»).

Таким образом, подход к изображению человека в прозе Набокова практически не отличается от его подхода к изображению внешнего мира. Человек часто изображается как вещь: сосуд («Истребление тиранов»), буква (тело в виде зета в рассказе «Весна в Фиальте»).

Вещи же, наоборот, одушевляются: фабрика «шагает», шоколад с объявления «окликает» («Пассажир»). Характеры персонажей не развиваются. Герои уходят со страниц такими же, какими туда пришли: великолепными манекенами.

Один из известных современных исследователей творчества писателя считает даже, что «…набоковские герои словно бы отражаются друг в друге, различаясь лишь степенью одиночества: так в молодом одаренном литераторе Годунове-Чердынцеве, неряшливом в быту, рассеянном, чудаковатом, не любимым ни обывателями, ни вещами, мы разгадаем все того же Лужина, только без крайней его болезненности» (Михайлов, 1990: 12).

Подчеркнем, что статичны в данном случае не только характеры. Статичен весь мир набоковских произведений. Не

случайно критики называли Набокова «неисправимым обманщиком», «мистификатором» и даже «литературным провокатором», а его стиль «бездушным, надменным и холодным».

Можно сказать, что все романы Набокова объединяются в единый метароман, обращенный к глубинному исследованию сущности творческого процесса и личности самого творца. Исследователи отмечают два типа героев в прозе Набокова: это человек, наделенный счастливой способностью к творчеству, и пошлый человек, чье восприятие ограничено бытовыми проблемами и потребностями.

Герой-творец наделен уникальным даром - поэтическим восприятием мира, «волнующийся по пустякам», создающий своей способностью к игре иной, волшебный мир. Это и Ганин («Машенька»), и Федор Константинович Годунов-Чердынцев («Дар»), и гениальный шахматист Лужин («Защита Лужина»), и Цинциннат («Приглашение на казнь»), и Джон Шейд («Бледное пламя»). Несмотря на внешнюю разность, в этих героях много общего: закрытость, власть памяти, дар творчества.

Так, начинающий поэт Федор Константинович Годунов–Чердынцев, герой романа «Дар», способен не только воссоздавать погибший мир, но и пересоздавать привычный, меняя угол зрения одной лишь игрой воображения.

С изумительной силой описывает писатель муки творчества: «Когда он лег в постель, только начали мысли укладываться на ночь и сердце погружаться в снег сна (он всегда испытывал перебои, засыпая) Федор Константинович рискнул повторить про себя недосочиненные стихи, - просто, чтобы еще раз порадоваться им перед сонной разлукой; но он был слаб, а они держались жадной жизнью, так что через минуту завладели им, мурашки побежали по коже, заполнили голову божественным жужжанием. Это был разговор с тысячью собеседников, из которых лишь один настоящий, и этого настоящего надо было ловить и не упускать из слуха».

Чуткий и внимательный, деликатный взгляд Набокова, точнее, его наблюдение за жизнью героя, его метаниями и страданиями, его причудами и привычками - всем тем, что собственно и составляет индивидуальность личности - такой

взгляд есть наилучшее воплощение теоретической позиции: жизнь - это тайна, жизнь прекрасна своей скрытостью от посторонних глаз.

Главный герой «Защиты Лужина» на самом деле постоянно пребывает в иллюзиях, которые преобразуются в его сознании в некий полуфантастический шахматный мир.

Так, после матча с Турати физический мир и населяющие его люди представлялись Лужину «прозрачными» по контрасту с устрашающе захватывающим шахматным миром. Разговаривая с матерью своей невесты, Лужин совершенно отстраняется от беседы глядя на пол, «где происходило легкое ему одному приметное движение, недобрая дифференциация теней". В какой-то момент "неприятности на полу так обнаглели, что Лужин невольно протянул руку, чтобы увести теневого короля из-под угрозы световой пешки».

Неприятности на полу есть ни что иное как галлюцинации, которые порой начинают затмевать реальный мир.

Очень часто в рассуждениях о Набокове возникает тема его холодности, рассудочности, склонности к мистификации. Например: «Весь огромный литературный талант Владимира Набокова служит именно «художественному действию» на критику и читателя и по самой своей сложной, лукавой, какой-то бесчеловечной, жестоко-ироничной природе тяготеет к имитации и мистификации, причём сюда неизбежно входит и изощрённая, высокопрофессиональная имитация творчества, составляющая основную тайную особенность этого странного дарования. Это какой-то гений вторичности, превращающий её в оригинальный стиль, создавший с её помощью собственное творческое лицо и громкую литературную репутацию» (Вс. Сахаров), и еще: «Автора «Других берегов» упорно трактуют как писателя лирического и ностальгического, певца утерянного рая детства и дореволюционной России, и это свидетельство полного успеха изысканно-презрительных мистификаций Набокова-художника».

Между тем нарочито холодный и отстраненный стиль есть ни что иное, как созданный самим Набоковым литературный прием. Тем самым писатель уходил от

реальности, погружаясь в вымышленную им великолепную и изысканную реальность. Здесь возможно сравнение автора с его героями:

- Лужиным, для которого игра в шахматы стала единственной реальностью, защитой от преходящего и бренного земного мира;

- Годуновым-Чердынцевым, его потусторонний мир - это божественное состояние создания стихов, при этом реальный мир Федор воспринимает как нереальный, так как, когда он сочиняет новое стихотворение, он оказывается способным перемещаться в иную, подвластную только ему область бытия, чувствуя ее полнее и явственнее;

- Пниным. Особый, закрытый от любопытных и злорадных посторонних глаз мир Пнина - это библиотека. Именно к книгам, «в тишь библиотек» скрывается Пнин от реальности.

Отметим, что в основу описания «просиживаний» Пнина в библиотеке, возможно, легли впечатления Набокова, полученные от работы над «Онегиным» в библиотеке Гарварда: «Изыскания эти давно уже вступили в ту волшебную пору, когда поиски перерастают конечную цель, и образуется новый организм, паразит, так сказать, на созревающем плоде» (Набоков, 1989 – Пнин: 65). Отметим здесь и очень интересную, на наш взгляд, деталь: в «Пнине», как и в «Даре» присутствует мотив детской болезни как уход в потусторонний мир: Пнин оказывается в парке незнакомого города. «И вот теперь в парке Уитчерча, Пнин испытывал то… …что отвратительный автомат, которому он дал приют, обнаруживал собственное сознание, и не только грубо зажил своей, отдельной от него жизнью, но причинял ему паническое страдание… …Внезапно Пнин (уж не умирает ли он?) заметил, что соскальзывает назад в свое детство. Это ощущение обладало той драматической остротой ретроспективных подробностей, которая, говорят, бывает у утопающих…».

Поэтику стилистически изысканной прозы слагают как реалистические, так и модернистские элементы (лингвостилистическая игра, всеохватное пародирование, мнимые галлюцинации).

Принципиальный индивидуалист, Набоков ироничен в восприятии любых видов массовой психологии и глобальных идей (в особенности марксизма, фрейдизма).

«Великое (многие полагают, что и чрезмерное) мастерство Набокова в его прозе гипнотизирует и мистифицирует нас. …Да, конечно, мастер, да, конечно, талант, да, возможно, гений, но… Сколько я слышал такого. То холодный, то неверующий, то бездушный, то циничный, то жестокий (короче – безыдейный…)… Мы отказываем человеку в боли, чувстве, трагедии за то, что ставим его выше себя. Не есть ли это плебейство или попросту зависть? Не есть ли и пресловутое мастерство (тем более избыточное) – своего рода маска человека застенчивого, нежного ранимого и израненного, страшащегося насилия (в том числе насилия истолкования)? …Не есть ли обостренное чувство достоинства то, что мы полагали за высокомерие или самодовольство?» (Битов, 1997: 12).

Ранимая душа Набокова, сила его чувства ярко проявились в мемуарно-биографической книге «Другие берега», в которой он, в частности признавался: «Я обязан особому оттенку, в который с тех пор окрасилась тоска по родине. Она впилась, эта тоска, в один небольшой уголок земли, и оторвать ее можно только с жизнью» (Набоков, 1989 - Другие берега: 45). Это произведение отстоит от основного корпуса прозы писателя, тяготеющей к нарушению жизненного правдоподобия, стремящейся изменить до неузнаваемости жизненные реалии. Название книги – «Другие берега» – метафора удаленности того мира, который стал предметом воспоминания, исчезнувшего в потоке времени прошлого.

«Другие берега» являются «ключом к пониманию набоковской прозы» (В.В. Ерофеев), подтверждая нерасторжимую связь между личностью писателя и «я» повествователей его текстов.

«Другие берега» – книга о собственной жизни, наполненная биографическими фактами, многочисленными подробностями окружающего мира, представшего перед Набоковым в годы детства, юности, молодости. Вместе с тем она заключает в себе сквозные мотивы всей набоковской прозы:

детства как утраченного рая, человеческого одиночества, эстетики шахматной игры. В ней отчетливо проступает мироощущение писателя, парадоксально сочетающего в себе острый скептицизм и лиричность мироощущения. Воспоминания Набокова демонстрируют уникальность жизненного опыта человека, равно принадлежащего двум культурам: русской и англо-американской.

Набоков стремится быть предельно точным, воссоздавая прошлое, принципиально не желает нарушать «чистый ритм Мнемозины», своей постоянной спутницы и собеседницы. Он исключительно памятлив на самые мелкие подробности. Он обстоятельно описывает внешность, манеру поведении окружающих, обстановку родительского дома, оформление прочитанных книг, вид пойманных бабочек. Достоверность изображения превращает книгу Набокова в ценное документальное свидетельство, вместе с тем написанное им всецело принадлежит художественной прозе.

Время историческое отступает на второй план, становится фоном для движения автобиографического времени, «личной обочины общей истории». История входит в личную жизнь отдельными фрагментами своих больших и малых событий: родословной рода Набоковых и Рукавишниковых, упоминанием о Первой мировой войне, императорской семье, Октябрьской революции, отголосками политической деятельности отца.

Особенностью набоковских воспоминаний являются и авторские философские, искусствоведческие, научные рассуждения, например, о спиралеобразном характере жизни, о шахматном искусстве, о бабочках и – через них – мире живой природы. Сквозь них проходят важнейшая для писателя идея необратимости жизни, чувство призрачности существования.

В заключение хочется отметить, что тексты Набокова требуют внимательного «медленного» чтения, когда, откладывая книгу, можно закрыть глаза и погрузиться в мир грез, созданных великим писателем, мир, полный чувств и красок, звуков и запахов, метких наблюдений, раздумий.

И тогда можно увидеть с какой теплотой и любовью относится Набоков к своим героям, как истинно гуманен его

взгляд на человека, каким огромным нравственным зарядом обладают его произведения, как много могут сказать блестящие и якобы отстраненные и нарочито неэмоциональные строки человеческой душе, израненной и униженной жестокостью окружающих, равнодушием мира, построенного по волчьим законам борьбы за существование.

Творчество Набокова в таком понимании становится ярчайшим продолжением русской классической литературы с ее традицией видеть высшую задачу в том, чтобы лирой «пробуждать чувства добрые».

ЛИТЕРАТУРА

Апдайк Дж. 1998. Предисловие. В кн. Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе. Москва.

Бакушинский А. 1919. Музейно-эстетические экскурсии. М.: Госиздат.

Берберова Н. 1988. Курсив мой // Октябрь. No 12.

Битов А.Г. 1997. Ясность бессмертия. В кн. Владимир Набоков: pro et contra. СПб.

Виноградов В.В. 1963. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Наука.

Дарк О. 1990. Загадка Сирина. Ранний Набоков в критике «первой волны» русской эмиграции // Вопросы литературы. Вып. III.

Ерофеев В. 1988. Русский метароман Владимира Набокова, или В поисках потерянного рая // Вопросы литературы. No 10: 125-160.

Иванов А.В. 2000. Набоков как объект для психоанализа: Почему он не любил Фрейда // Литературная газета. Москва. No 49(5814). 6-12 декабря.

Михайлов О. 1990. Король без королевства. В кн. Набоков В. Машенька. Защита Лужина. Приглашение на казнь. Другие берега (Фрагменты); Романы. М.: Изд-во "Художественная литература".

Набоков В.В. 1996. Федор Достоевский (1821-1881). В кн.: В. Набоков: Лекции по русской литературе. Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев. М.: Независимая Газета.

Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М., 2002.

Набоков В.В. 1990. Собр. соч. в 4-х т. - М.: Правда.

Набоков В. 1989. Другие берега. СПб., М.

Набоков В.В. 1989. Пнин // Иностранная литература. No 2.

Набокова Вера. Предисловие. В кн. Набоков В. Стихи, Ann Arbor, 1973.

Носик Б. 1995. Мир и дар Набокова. Первая русская биография Набокова. - М.: Пенаты.

Рождественский Дм. 2009. Психоанализ в российской культуре: учебно-методическое пособие. - СПб. Восточно-Европейский Институт Психоанализа.

Ходасевич В.Ф. 1998. О Сирине // Октябрь. No 6.

Berman J. 1993. Nabokov and the Viennese witch doctor // Nabokov V. Lolita. N.Y.: 105-119.
Green G. 1988. Freud and Nabokov. – Lincoln (Nebraska).
Green G. 1989. Splitting the Ego: Freudian doubles, Nabokovian doubles // Russian literature and psychoanalysis. Amsterdam: 369-379.
Shute J. 1984. Nabokov and Freud: The play of power // Modern fiction studies. Baltimore. Winter. Vol. 30, No 4: 637-650.
Shute J. 1995. Nabokov and Freud // The Garland companion to Vladimir Nabokov. N.Y.: 412-420.

Получена / Received: 27.01.2013
Принята / Accepted: 05.02.2013

«Хождения инока Егория по Святой Земле» (продолжение)

Ю.М. Лещев

2 Цви Франк Ришон Лецион 75660 Израиль
2 Zvi Frank Rishon Lezion 75660 Israel; e-mail: leschev2@bezeqint.net

Ключевые слова: Святая Земля, христианство, русские паломники, Иерусалим, Эммаус.
Key words: Holy land, Christianity, Russian pilgrims, Jerusalem, Emmaus.
Резюме: Повесть «Хождения инока Егория по Святой Земле» написана в стиле путевых заметок монаха ивановского монастыря, прошедшего с группой русских паломников по Святой Земле в начале прошлого века.
Автор подробно и с любовью описывает увиденное им во время путешествия, часто останавливая свое внимание на незначительных внешне предметах или ситуациях, что в целом создает красочную панораму повседневой жизни обитателей Святой Земли.
Начало: Хождения инока Егория по Святой Земле.- Гуманитарное пространство. Международный альманах. 1(3), 2012: 668-682.
Abstract: The Journey of Monk Egorius in the Holy Land is a travel dairy of a Russian monk who visited the Holy Land with a group of Russian pilgrims in the beginning of the last century.
The author writes about his travel experience in great detail, often focusing his attention on things seemingly trivial and insignificant, which gives a wide perspective of an everyday life of the inhabitants of the Holy Land.
Beginning: The Journey of Monk Egorius in the Holy Land.- Humanity space. International almanac. 1(3), 2012: 668-682.
[Leshchev Yu.M. The Journey of Monk Egorius in the Holy Land (continuation)**]**

VI.

«... а вот день вторый, как сподобились в Святую Землю приехать, отправились мы в село Айн-Карим, что в трех верстах от града Иерусалима, а на языке еврейском «Айн-Карим» значит – «глаз виноградника», как растет вокруг добро винограду и вино тут делают, а место то – благолепное, как холмы вокруг, растет сосна, дубок, акация, деревья оливовые, цветов гораздо, а на холмах - домики небольшие, но строенные весьма искусно, с крышами черепицы красной и садами из винограда тож, яблук гранатовых, апельсын тож немало есть, а живут в селе том люди, что рукомеслом разным умеют, так, плиточники да художники, отчего народу много туда приходит изделья их

купить, да в тавернах местных вкусить блюд восточных, которые тут готовят с великим искусством.

А место для християн святое, как здесь родился Иоанн Омовающий, и церква католическая стоит на месте дома родителей его, Елисавет и Захарьи, и в крипте монумент есть, на котором на латынском начертано – «Здесь родился Предтеча Господа нашего», а тож имеется картин на стенах изрядно, гишпанскими да французскими мастерами писанные. А как мамлюки Святую Землю воевали – то в храме том кобыл своих держали, надругавшись, а напоследок и церкву саму разобрали, нечестивцы. Над церковью - колокольня из камня белого и видать ту колокольню отовсюду, а за стеной монастырь, где монахи францисканские живут.

А от церквы вниз пойти, то выходишь к источнику, что богатей еврейский отстроив, в камень опоясал, как на месте том две сестры – Дева Мария да Елисавет встретились, как сказано, что « во дни оны, воставше Мариам, иде в Горнее со тщанием во град Иудов и вниде в дом Захарин и целова Елисавет», а как облобызались – так ключ водный на том месте и забил, а мы той водой омыли лице свои, а я припомнил писанное игуменом Данилой, что «что воды той девы испьют, а как девства своего не сохранили – то уста у них тотчас позлатеют», и на Марфу воззрил, но не позлатела Марфа. А над ключом тем магометане минарет воодрузили изящный, а отсель дорога в две стороны ведет – к домам влево вверх и вправо наверх же, к церкве Посещения, где дом летний стоял родителей Иоанна, а там тож латиняне служат, а в церкве самой камень в стену вмурован, как в камне том сокрылась Елисавет с Иоанном малолетним, как солдаты царя Ирода искали их убить.

Верхи сад богатый имеется, да могилы монахов, что служили тут, а место то в цветах все, и беседка в саду есть, чтоб уединенно молиться. А выше от церквы той – русская церква стоит и монастырь имеется женский, Горним прозванный, как место то называют - град Горний, как и град Иудин, а Марфа спрошала, что зачем, дескать, именем Иуды предательского место то нарекли, да спрошать полезла прямки во храме, как не пристало, так вывел ее отец Зосима на простор, выразив, что писано у апостола Павла - « жены ваши – да молчат в церквах

ваших », а град так зовется, то что строен в месте, колену Иудину данному еще Царем Давидом, так с пор тех места те Иудеей и кличутся. А имя то – Иуда – скрозь людей еврейских – самое обычное, как бы и у нас Иван аль Петр, а сам Иуда, что на Спасителя римлянами указал, был из земли Иудейской, а остальные апостолы, все, числом одиннадцать – из земли Галилейской.

А в монастыре русском – церква Казанской иконы Божьей матери, строенная Великой княгиней Елизаветой Федоровной, да домики добрые, где насельницы живут, и встретила нас матушка – настоятельница, а сама нраву бодрого и хозяйство и монастырь содержит отменно, и дивились мы тому, как сады у них обустроены, да тропинки камнем выложены, и деревьев разных растет немало. Отобедали мы там по приглашению матушки, а провиянт они у местных арабов покупают – ягнятину, как говядина тут дорогая, молоко, муку да картофлю, а у себя кур держат, гусей, да растят огурец, помидоры, оливы, виноград, репу, перец сладкий, как растет здесь все добро, да до трох раз в год сбор имеется, а землю под монастырь тож отец Антонин Капустин выкупил, золотая душа.

А католики наших раз год на Пасху допускают у вертепа рождения Иоанна молиться, и позволяют католики, а к нашим не ходят, ибо незачем. Отобедав, мы вниз с холма пошли к селу вновь, а вид на другой холм да на лощину - самые прелестные, как бы и в Италии, в месте Бари, где бывать мне довелось в церкве Николая Угодника. В селе еще имеется церква греческая, но закрыта, как службы там нет, а ходит только служка-инвалид прибираться там , да лампады поджечь, а вглуби села на концу холма есть еще монастырь католический Сестер Сиона, а при нем гостиный двор для паломников, также не возбраняется и светскому человеку там гостить и от суеты мирской скрыться в уединении.

А от Сестер Сиона дома вокруг, да с садами такими богатыми, что как райские, и над дорогой прям свисают плоды – граната, апельсын и лимон тож, и костромской соблазнился сорвать плоду, чтобы Марфе дать, так вышел на крыльцо хозяин и спросил, что ты, дескать, малец, горазд по чужим садам определяться, видать, а отец Зосима стыдил, что поддался

искушению, как бы и праотец Адам, чрез жену свою Еву, змеем наущенную, так стыдился костромской, и покаянно выразился, так не держал гнева хозяин, а сам рассмеялся и сорвал плодов немало и нам преподнес, а приветствовал на русском, только что говором как бы из польского краю, а оно так и вышло, спрошали его, а он из города Брест-Литовска, а тут землемером служит в управлении земельном, а дом свой сам строил и сад заложил тут же, а Марфе так ручку поцеловал галантно, сказав ей, что «ясневельможная паненка», так возгордилась Марфа, а костромской в лице изменился.

А оттель мы в таверну пришли, ливанскую, и долго там кофий пили, а подали нам такж и сладостей восточных, халву, да пахлаву, и отведали, а сладко то без меры и на русский вкус – непривычно.»

VII.

"А как с града Иерусалима к Яффе возвращались, то прошли предгорье и вышли к долине Аялонской, где братья Маккавеи греков одолели, солнце и луну остановив, то где долина начинается – место есть, что зовется Эммаус, как здесь Спаситель по Воскресенью своему двум ученикам предстал , как писано о том в Евангелии от Луки. А ученики те – Клеопа, который от семидесяти, сродник Господень, да сам Лука, хоть и не назвался, а то пишет так Димитрий Ростовский в «Четьях-Минеях», а католики говорят, что Клеопа тот – не сродник Иисуса, а муж Марии, та, что из жен-мироносиц. А как у Иосифа Обручника брат был, тож именем Клеопа, то и на него думают, что он в Эммаусе Иисуса узрел по Воскресению, а то и чтят его Алфеем, отцом мученика Иакова младшего, брата Матфея, что из мытарей, и много спорят о том и по сей день, и суть неясно, кто Клеопа тот был. О том расспросить хотели мы отца Зосиму, как он много в каноне сведущ, но хворал он, лихорадкою томился, как был выше Саронской долины с епископами местными на литургии, а места там болотистые, и малярийный гнус водится, так доктор Шнеерсон в дорогу ему патоку из хинина соорудил, да пить велел каждый четыре часа, так и лежал он в дилижансе разслабленный.

А в месте том пред долиною Аялонской на холме есть церква Общины Блаженств, францисканами заложенная, а как

на месте том еще императрица Елена церкву строила, а остатки там и остались, как персы церкву рушили, а потом крестоносцы отстроили, а потом опять магометане разрушили, с селом вместе. А ранее на месте том стояло село богатое, Хамма называемое, что на языке еврейском значит – «тепло», как здесь ванны с водами горячими целебными принимали. А как от смешения такого много чего осталось – купель для крещения, крестообразная, византийская, а еще пещеры есть погребальные еврейские, а кто говорит, что как восстание Бар-Кохвы, зилота иудейского, противу римлян было, так воины его скрывались в пещерах тут, а римляне окружили те пещеры и заложили их камнями, и стражу поставили, так они, сердешные, там и померли, а пещеры так и остались нетронутые и посейчас, потому как нельзя по обычаю иудейскому мертвых тревожить.

А чуть далее от церкви и развалин мамлюкское строение, как шейх там похоронен агарянский и рядом еще могилы есть мусульменские, а говорят, что с начала то были римские бани, где господа в горячих водах целебных купались, а местные магометане то заслышав, негодуют вельми, говоря, что не было тут бань, а шейха только ихнего гробница, а вкруг тех мест добро хвойного леса растет, сосны, а еще сирийские дубки, противу русского дуба - древо невеликое совсем, но с желудью крупной, а еще оливы растут повсюду, как, впрочем, и по всей Святой земле, а трава от солнца вся выгорела и на сено от того похожа, и от оттого красоты много небогатой, но яркой, как цвета совсем чуть – желтый, зеленый и синий, но ярко все до чрезвычайности, а взойдешь как на холм – так на долину Аялонскую вид отменный, а растет там виноград, хлопок, подсолнух и бурак, как добро здесь в землепашестве умеют, и дивились мы тому, как воды здесь мало, а урожаи такие добрые родятся.

А много еще спорят, на том ли месте Эммаус находился, как есть еще две церквы, обе в селах арабских, которые тоже называт себя Эммаус, и дивно и странно слышать споры те, как задумаешься, что в вере нашей есть Богоданное, а что есть человеками сотворенное. У католиков в почете это место, а не другое, как в прошлом веке монахине арабской Мирьям Бавcovered видение было от Спасителя, и место ей Он указал, где предстал

пред Лукой и Клеопой, а поверили ей, как великими подвигами славилась, на телесах ее стигматы выскакивали, а сама ходила без сапог, как в орден Босых кармелиток вступила, а живут те бедно, чуток только хлеба снедают да антидорцу чуть, и не пьют ничего ниже воды - в православии - а я не хочу этого упустить – стигматы не считают как знак веры, а как волхванье, а раз считают так – то у православных и нету стигматов, не как у католиков, и воздержанье чрезмерное в православии не в почете, и не возбраняется оттого отцам нашим вкушать не только постное и носить часы золотые и ездить на дилижансах немецких. А жила Мирьям в Вифлееме, где Спаситель родился, хоть родом была из Галилеи,тож дома Господа нашего, и там же монастырь учредила, а за подвиги свои была в сан святой Папой римской произведена, и прозвание ей дали - Мария Вифлеемская.

Про то нам послушник при Церкве Блаженств сказал, по-русски, как сам православный, а живет и служит у католиков, как в Общине этой всяк подвизаются, любой веры, даже иудейской, и неловко было нам, как не любят экуменизма в православной вере, и Марфа ковровская ему выразила, что как с католиками погаными жить может, но одернули Марфу, и на зады запрятали от стыда, а Петр, егерь костромской, на лице покраснел.

А послушник нам обиды не держал, добрый человек, только рассмеялся, сказав, что все мы дети Христовы, а Марфу снова позвал в первые ряды, чтобы рассказу его внимала. А дальше, спрошал – бывал ли кто в Эммаусе Тверской губернии? И вправде , вспомнили, что точно есть такой город и у нас в России, а костромской даже на ярмарке там бывал, и продолжил послушник, говоря, что ранее место то звалось – «Чертова Яма» - вот как бы знать, кто село, где честные християне живут, догадал таким именем паскудным наречь – так матушка-императрица Екатерина, как ехала в из Москвы и Петербург, то читала много, сначала, как в шутку, сочинение господина Радищева читать затеяла, но возмущением охватилась, сказав, что «бунтовщик хуже Пугачева», и книжку ту в окно выкинув, велев напоследок доставить его на сьезжую, а сама, чтобы успокоиться, к богоудному чтению приступила и стала читать

Евангелие от Луки, а как в тот секунд мимо Чертовой Ямы ехали, то спросила, что за село. Ответ услыхав, снова возмутилась, духом и велела название сменить, а как от Луки читала, то в книгу глянув, велела название дать – Эммаус и занятно то было слышать и благодарили мы его, а звать его – Михаил, а сам он из Саранска родом.

А как ехать нам далее надо было, и отец Зосима страдал лихорадкою, то благодарили мы Михаила и он нас благословил, и отправились мы далее путем своим к городу Рамле, что на пути к Яффе, как есть там гошпиталь и врач Шнеерсон наказал отца Зосиму туда на два дни свезти и письмо дал управляющему гошпиталя, а тот – доктор Ашендорф, тож из Вильны, так и мы и покатили далее."

VIII.

«.. а как в город Рамлу добрались и день там провели, а отца Зосиму в гошпиталь определили, то отправились на день следующий поутру в город Лидду, а сейчас зовется Лод. Идти туда недалече совсем, но дороги ясной не имеется , а есть табличка на пути, а надпись на ней только на арабском, так Марфа выразила, что идти надо нам налево, но мужеска часть наша не поверила, сказав, что баба врет, и взяв идти напрямки, отчего вышли в некий лес с поле, где паслись овцы, а там пастух, увидав по одежде, что мы русские, стал нам палкой махать, а потом сам вывел нас на дорогу. Марфа словес несколько затем выразила, особливо двум мастеровым тульским, что средь нас были, но смолчали мастеровые от стыда, и ни слова ей в ответ не сгрубили.

А пришли мы в Лидду и впрямь вскорости, а городишко тот не много лепей Рамлы – такой же убогий, грязный и дома и строения в нем без изящества, только что на окраинах есть приселок еврейский, где дома небедные и сады пред ними, да по другой часть города, где дома также есть арабские с финтифлями, крышами красными да окнами по-мавритански, а живут меж собой евреи и арабы без любви особой, только что по делам торговым сносятся вместе, да вкушают в тавернах городских еду одинакую, как и те и другие любят еду восточную местную, а чтоб в гости звали или жениться меж собой – так того не бывает, как вера им не дозволяет, а у

магометан в другую веру перейти нельзя, а то отрубят тотчас голову, а у евреев – проклянут имя и забудут, и из общины исключат, так много они в своей вере ревностны.

А в центре Лидды церква стоит Георгия Победоносца и сердце меня звало сюда придти, как заступник мой святой – Георгий, и именины мои на день его, так трепетом обьяло, как пришли, а церква та в самом центре города, как бы у торговой части, где базар в будний день есть, а в субботу закрыто все, как иудеи субботу чтят, а в воскресенье тож закрыто, как лавки многие християнским арабам принадлежат, только что кофия можно испить да отобедать в дни эти.

А к церкви прилеплена мечеть, как давне мусульмане стали мечети свои строить возле церквей, а минареты стали делать выше колоколен, чтоб показать торжество свое над християнами, а церкве этой особо досталось, как рушили ее много раз, и тож шейх аль-Хаким и персы, и оттоманы тож, а потом как Сулейман Великолепный салтаном стал, так дозволил церкву отстроить и службу вести там, но с тем часть церквы отобрав и мечете отдав, так что в ней внутрях колонны от церквы есть. А в церкву вошли, а там только две монашки были, из Румынии обе, а настоятель в Иерусалим укатил, так мы дивились, как убранство богато в церкви и роспись на стенах и потолках искусная, да иконостас чудный, а в крипту спустились, а там гробница святого, и колени мы преклонили, и прочли молитву там.

И смотрел я на портрет святого в церкве и думал о храбрости и вере его, как не отрекся он веры своей , а правитель его византийский, как Георгий у него в тысяченачальниках ходил и в почете был от него, молил отречься от веры християнской, как не дозволялось тогда, но не отступил Георгий, так стали его мучать телесно и убивать и семеро раз приступали, но Господь каждый раз не давал ему умереть, и отчаялись палачи его, но напоследок главу ему усекли, после мучительств долгих. А как сам родом из Лидды был то свезли его на родину и тут захоронили.

А, на духу, сомнения меня одолевали, что зачем Господь семь раз спасал Святого, и дал его его погубить, и зачем не поразил мучителей его, и правда ли тот рассказ, как выходит,

что мучители супротив Бога пошли и дело свое сделали, и что рассказ тот – выдумка должно, и положил спросить у отца Зосимы по возвращеньи. А узнали мы также, что и у мусульман Георгий почитается как святой, что считать нужно еще как доказательство его праведности.

Выйдя от церквы пошли мы к торговым рядам и в таверну небольшую зашли, а служат там арабы-християне, а хозяина зовут Георгий, а сами – греческой веры, и доброго кофию нам нацедили и сладостей уставили на стол. А Георгий тот в летах немолодых, и сказывал, как ребенком жил в Лидде, и как много людей тут бывало ранее в день базарный и не только, как на Иерусалим дорога шла мимо, и управы тут имелись, и дед его добре денег имел от проезжающих, как владел двумя дворами постоялыми, а кличут их по-турецки – хан, да тавернами, а сейчас только местные заходят да работные люди. А живут они в городе уж века многие, семья их, как много здесь християн средь арабов, а Георгий тот сказал, что с братьями своими, кто магометане, хоть и в крови одной, а приязней больших меж ними нету, как в старые времена при крестоносцах християне землей тут правили , а мусульман побивали, а как крестоносцев выгнали да власть мусульманам ушла – то християнам припомнили гордыню, а у евреев деньги отобрали и отвар. Так с тей пор и живут , и меж собой не женятся, как тож вера не дозволяет, да и непривычно.

А говорили мы с Георгием на французском, как в семинарии нас языкам учили – латыни, греческому, арамейскому, старорусскому, еврейскому, да французскому, а старых языков – так только латыни учитель был знающий, а французский я выучил добро, учила нас *mlle* Тредьяковская, из мещан сама, а сама барышня была милая и предмет свой вельми понимала – то и учеба у нас шла , а имена она нам всем французские дала, и мне тож, а братия смеялась и долго меня еще потом кликала *frère George*. А как с попечительского совета к нам приехали, тот был среди них отец архиерей, и классы смотрел, и на занятия пришел, а потом провозгласил, что на французском пристойно только что с женским полом беседовать, а с Господом Богом должно говорить по гишпански, и велел учить гишпанский вмест французского, так когда классы

закончились , то увидали, что в углу плачет *mlle* Тредьяковская, как платили ей до полсту целковых в месяц, а у ней – мать старая и сестра младшая, а другого доходу и нету, так брат Никодим пошел депутатом от нас начальству семинарскому просить за нее, как робости в нем пред начальством нету совсем, и кто знает, что бы сталось, но не нашли учителя гишпанского во всей губернии толкового, так и остались мы французский учить, а потом я слыхал, что *mlle* Тредиаковская замуж вышла за врача, да уехала в град Киев, и радостно было то знать.

А еще в Лидде увидели, что рядом с церквой и мечетью – синагога еврейская стоит, и час был полдневной, и на молитву шли все – евреи, мусульмане и християне, и не видывали мы еще такого нигде, а то дивно было видеть, что друг с дружкой здороваются, а то и обнимаются те, что в разных верах, словно родные и говорят, и шутят друг с другом, и такое только на Святой земле и увидишь, надо быть.

А дела более у нас тут не было, то еще раз на церкву Святого Георгия перекрестились, да оправились назад в Рамлу, отца Зосиму проведать в болезни его, да готовиться в Яффу ехать, потому чрез три дня пароход наш прибывал.»

IX.

« ... а как странствия мы окончили свои по Святой Земле, а до поездки домой еще два дни оставалось, то испросил я разрешенья у отца Зосимы сам-друг пройти по граду Иерусалиму и места повидать, куда паломники

не поспевают зайти, много мест таких очень, так благословил отец Зосима, но прикомандировал ко мне егеря костромского , говоря, что нехорошо человеку быть одному, и что, дескать, и на Святой Земле от лихого человека не убережешься. А звать костромского – Петр, и отец Зосима ему выразил, что «доброе имя тебе дали, голубь, духом и мощью ты тверд, как скала», и заалелся костромской от такой похвалы. А глядя на нас - и Марфа Ковровская испросила к нам пристроиться и на диво – позволял и ей отец Зосима, так мы и пошли с Подворья Русского к воротам Яффским, через град Старый на Масличну гору, суть, Елеонскую.

А шли мы впоперек Крестного пути Спасителя нашего, а там церквы маленькие совсем имеются , и не понять что то –

церквы, как куполов не видно, а внутрь маленькая дверца с улицы ведет. Так видели мы церкву Св Вероники, той, что стояла на пути Крестном и плат свой дала Спасителю лице отереть от пота, так на плате лик его отпечатался, и хранился тот плат долго у християн, но пропал напоследок, а где – то доподлинно неизвестно, говорят, что в пожаре сгорел в граде Константинополе, когда его крестоносцы разграбили, как шли Гроб Господень от сарацин освобождать. А еще на пути маленькие церквы также, где Иисус упал, ослабев от побоев и крестной тяжести, так схватили по улице который шел человека, а имя ему – Симон Кириянен, и дали ему крест нести до Голгофы, ибо изнемог Спаситель, а как облокотиться хотел о стену, то человек именем Агашверох стоял тут, и оттолкнул Спасителя от стены, сказав ему – «Иди, иди! На обратном пути отдохнешь!», и отвечал ему Спаситель – «Иди и ты», и с тех пор так и ходит, и нет ему спокоя, и смерти нету, пока не вернется снова Иисус на земле по Втором пришествии. Сказывают, что каждые сто лет приходит вечный странник в Иерусалим , чтобы у Гроба Господня вымолить себе прощение, покой и смерть, но каждый приход его непогода и бури не дозволяют ему приблизиться, не дает , видать, ему Господь прощения за дела и речи неразумные. А в каноне то не писано, то чел я об том в книге поэта, г-на Жуковского, а в семинарии у отца протопопа известился – богоугодное ли то чтение, то отобрал книжку, за волосья меня тягал и епитимью возложил, но читанное я запомнил и помянул о том в Иерусалиме на пути Крестном, как есть камень в стене у церквы Симона , а в камне том – выемка, словно от руки след, и говорят, что то Спаситель приложился, так и мы той камня коснулись и помолились.

А далее вышли мы через ворота Львиные к саду Гефсиманскому, мимо церквы Святого Стефана, а была открыта, и зашли туда, иконостас там богатый и служит грек из мирских, и видя, что мы православные - приветствовал нас добро, а из окна церквы - вид на долину Страшного суда дивный и на кладбище еврейское, что на Масличной горе. А оттуда пошли мы вверх по горе и зашли сначала в церкву Лютеранскую, что зовется «Слеза Господня», как на том месте стоял Иисус и было ему видение, что разрушен будет град

Иерусалим и не останется камня на камне, и плакал о том. А церкву недавно строили немцы, а внутри ее – старая мозаика имеется, как первую церкву на том месте еще императрица Елена соорудила, а от церквы той вид на весь град Иерусалимский отменный и долго мы любовались там.

А оттуда чуть выше по горе, в дворе семьи арабской есть пещеры глубокия, где погребены пророки Аггей и Малахей, а место то выкупил о.Антонин Капустин, и теперь оно за Русской Белой церковью содержится, а служит при том месте брат Пьер, и было нам то дивно, как сам француз, а в вере православной обретается, а по русски совсем не умеет, словно бы калмык, только что и сказать – «Здравствуйте, до свидания, очень хорошо.» А родился и воспитался в латинской вере, а было ему видение Ангела, что написано ему быть православным, так пошел в румынскую церкву, как румыне тоже православные, но там не приняли его, засмеяли и даже хотели избить, но он утек и пошел к русским, а оттуда приехал в Святую землю, и служит иноком при пещерах, а таких как он, чтоб француз в православии – всего четверох в всем Иерусалиме имеется. А сам он добрый человек, и жизнью живет, как древние святые жили в пещерах и питались молитвою и что богомольцы поднесут в уважении, а многие приходят послушать его и подивится тому, как сильна православная вера. А как нисходили в пещеру, то, как на грех, Марфа фалдою зацепилась за камнем и падать учала и чуть не сбила брата Пьера со ступеней, но костромской ее за бока успел подхватить , так и удержались, и брат Пьер устоял, а в момент той лучик солнца сквоз отверстие в пещере воссиял на них и голубка заворковола во дворе. А костромскому я сказал, что имя «Пьер» по французски – то же, что и «Петр», но усомнился костромской.

Поставили свечи мы в пещерах и подаяние оставили брату Пьеру и далее отправились, мимо часовни Вознесения, церквы Св Пелагии, Русского Вознесенского монастыря, далее, по селению арабскому А-Тор, то место - не бедное, как дома из камня желтого иерусалимского богатые везде стоят, школы и лавки торговые имеются, таверны и дома постоялые для богомольцев, только мусора довольно на улицах, сразу возле домов навалено и то удивительно и непонятно, куда смотрит

городская управа.

И так, пройдя с треть версты – пришли мы в греческой церкве Явления Христа Апостолам, как тут он явился одиннадцати, а Фомы с ними не было, и увидели Славу Его, а Фома не поверил, как сказали ему, а за то прозван был «Неверующим», а имя его – Фома – то не имя, а прозвище, как на арамейском языке «таум» - «близнец» значит, а звали его доподлинно - Иуда. Место то на диво большое, сад огромный имеет, а в саду том оливовых деревьев много, смоковница растет, а у самой церкви – индюки гуляют, жирные, и растет виноград, да пасется осел, а то было дивно, что в место таком святом нету совсем богомольцев, только священник там живет греческий, и гостил у него брат из Греции же, с женою своей, и церкву нам показал, как в ней престол есть на месте встречи Иисуса с апостолами , а в крипте – погребальница греческих патриархов, а прислуживает при церкве – араб пожилой с сыном своим, а какой веры они – того мы не спросили. А день был жаркий, а как много растет вокруг сосны – то пахнет везде смолою сосновой и листьями смоковниц, и запах тот – как быдто бы у аналоя стоишь, а глядя на нас – пригласили нас греки отобедать с ними, а подали рыбу вареную, рис, с подливою пряной, овощей и зелени огородней свежей и крупной, и священник – отец Димитрий – угостил нас вином дузик, что из Греции привезли, костромской выпил, а Марфа воздержалась, а я выпил с благодарностью, что в месте таком довелось.

А далее мы прошли от церквы в гошпиталю немецкому же – Августа Виктория, как в честь императрицы названа, а там лечат арабов местных, а докторами у них же – арабы и русские есть, кто из християн, а еще норвежцы и немцы там служат. А если зайти сзади гошпиталя – то вид с горы Масличной открывается на пустыню Иудейскую, где Спаситель сорока дней скрывался, постился и искушаем был Сатаною, а вид тот – как невиданно такого, горы желтые, солнцем спаленные совсем, и не растет на них ничего. А солнце уже у к морю клониться стало, и был час пятый, отзвонили колокола на Вознесенской звоннице, а тут муаджины к молитве стали звать, и то пение их – по всему Иерусалиму понеслось, а мы в обратный путь

тронулись, а как стали спускаться горы Масличной, то увидал я, что Петр, егерь костромской и Марфа из Коврова – за руки взялись, словно голубки, и лице их просветлели.»

Получена / Received: 22.02.2013
Принята / Accepted: 25.02.2013

Humanity space *International almanac* VOL. 2, No 1, 2013: 154-159

The Enigma of A Certain Mr Starkey

Yu. M. Leshchev

2 Цви Франк Ришон Лецион 75660 Израиль
2 Zvi Frank Rishon Lezion 75660 Israel; e-mail: leschev2@bezeqint.net

Key words: Ringo Starr, Yaser Arafat, Israel, showbiz.
Abstract: This short story is based on a bit from a CNN interview with a Jethro Tull frontman Ian Anderson, who jokingly compared Ringo Starr and Yaser Arafat, citing obvious similarity in their appearance. It's pure fiction. Or is it?

Truth is stranger than fiction they say, which is a laudable assumption and in my case this was confirmed recently by a most amazing story which a certain underworld figure, whom I had a chance to have known quite intimately, narrated to me over a glass of wine. It would be too vulgar to picture this person as some sort of a modern-day Robin Hood, as he was of excellent upbringing and education and of noble ancestry – his grandmother was a Pole and his grandad used to boast of long wine sessions with Bakunin *in persona*.

His loot would come mostly from international trains, where he picked pockets of fellow travellers of a languid disposition. He had accumulated considerable wealth and as his manners were refined he even attended *soirées* at several European embassies, pretending to be a Romanian attaché in Honduras – a claim that could hardly be challenged or verified. However, I will not divulge the name of this honourable gentleman, as this was his wish. I still cherish a black-and-white photo of him which sits comfortably on my bed-side table next to a snapshot of Marilyn Monroe in all her glory.

He started his story by showing me the photos, at which I giggled half-heartedly, but stopped abruptly under his leaden gaze. "This is the same person on both photos", he roared. "Isn't it obvious?" he proceeded, visibly agitated. They're both known by their stage names, and their real names are fictitious as well. Look at their lips, and noses! How can people be so blind?"

Yaser Arafat was also known by his *nom de guerre*, Abu Amar – note that there's a Mount Arafat in Iran, and he was born,

according to some sources, in Cairo, while other sources suggest that he was a Jerusalemite by birth.

Ringo Starr's infancy also started in murky waters, his birthplace Liverpool, but his grandmother mentioned once that he actually came into the world in Brighton after the season was over, while his name was entered in Registry of Births in Glasgow."Ringo Starr" is considered to be a pseudonym of Richard Starkey, but his father's name was Rudimir Starsky (Terz), who was a Lithuanian Jew.

My gangland friend met him briefly at a transit prison in Dubrovna, from where he made a stunning escape, and later saw him again in England and learnt that already then he went by the name of Robert Starkey. His son had fully absorbed his father's adventurous nature and the resourcefulness characteristic of those of his ethnicity. The boy was a born rebel and had started a most grandiose scam, dividing his life between the drum kit in the world's biggest band and the limelight of revolutionary zeal.

His cover was nearly blown by a colleague - Ian Anderson from Jethro Tull - who once called Arafat "a tea-towelled Ringo". The interviewer was confused by this and asked for clarification, to which Anderson explained that Arafat's head kerchief was nothing else than the MacKenzie clan's tartan. For good measure a cynical Anderson added – "Did you notice that when you see Ringo on TV, Arafat is never seen around or heard from - and vice versa?"

Unfortunately this bit was censored by the BBC chief editor, and the interviewer was sworn to an oath of silence, under threat of being sent as a field reporter to Cambodia. "Or Siberia might do very well for you, son," said the editor. "The Russians are building a major railway there. How about that?" The trembling journalist mumbled something vaguely coherent about a sick uncle in Oxford he had to look after. So far so good.

It's worth mentioning that Anderson wasn't entirely amused by this intervention and took his revenge by penning a song "Thick as a Brick", but as his lyrics are always full of hints and innuendos, no-one really noticed this petard of an outburst.

The next time the truth nearly became known was when The Beatles were engaged to play Israel in the late 60s. The Israeli leadership, who knew very well who was who, were faced with

dilemma of how to bar the band's entry to the country. This task was, of course, delegated to Mossad and its then boss, whose name was a state secret, while his nickname of 'Gershele' was widely known.

An old premier Aron Levy received Gershele in his residence and inquired what Mossad could do.

"We'll say that they are anti-Semites and that their song – 'Hey Jude' – was originally called 'Hey Jew', and has very offensive lyrics", was Gershele's reply.

"But this is preposterous: no-one will believe a lie like that!" said the premier doubtfully.

"The bigger the lie, the easier it is to believe it," parried Gershele, belatedly recognizing a direct quote from Dr Goebbels. Mr Levy, who had lost nearly all his family in Treblinka, hit the roof and punched Gershele so hard that he was transported back to Mossad headquarters on his own overcoat with a letter of appointment as cultural attaché to Ivory Coast. A sinecure? Probably. A demotion? Definitely.

Having lost his faith in the secret services, Mr Levy decided to look for spiritual guidance from the Chief Rabbi of Israel, Moses Zwingli, but a visit proved to be a spectacular failure as, being a man of the Book, the Rabbi had little taste for pop music, and he misinterpreted the premier's anxiety as the result of possible disagreements in his family. Well, it's quite a thing to deal with a Jewish wife and therefore he decided to read the Book of Job in order to give support to the premier's shaken spirit.

Mr Levy on the other hand was as secular as one can be and had last read the Torah at his own *bar-mitzve*, so it was no surprise that Job's lamentations made his hair (or what was left of it) stand on end:

3:20 Wherefore is light given to him that is in misery, and life unto the bitter in soul;

3:21 Which long for death, but it cometh not; and dig for it more than for hid treasures;

3:22 Which rejoice exceedingly, and are glad, when they can find the grave?

3:23 Why is light given to a man whose way is hid, and whom God hath hedged in?

3:24 For my sighing cometh before I eat, and my roarings are

poured out like the waters.

3:25 For the thing which I greatly feared is come upon me, and that which I was afraid of is come unto me.

3:26 I was not in safety, neither had I rest, neither was I quiet; yet trouble came.

Having been so badly failed on all flanks, the premier decided to use the simplest and surest way of erecting bureaucratic barriers to the band's visit. The band's local promoter Shmulik Steingoltz, who arranged the visit, and who by then had already put a lump sum of 50,000 British pounds in the bands' escrow account, had to obtain work permits for the musicians and their entourage. Such permits are granted against letters of recommendation from the British Council and the local Ministry of Culture. The former had given such a letter to Shmulik on the spot, while during his visit to the latter entity he was informed that such a letter could only be issued by the department manager Yossi Ashendorf, who at that moment was doing his reserve duty on the border with Syria as the situation there wasn't exactly calm. " When are you due to do your reserve duty, Mr Steingoltz?" asked a wise-ass clerk at the Ministry, at which point the hapless promoter said goodbye and left, as he was evading his duty, claiming that he had a hernia, which of course didn't exist.

That same evening he sent a telegram to London informing the band that due to "technical difficulties" he was forced to cancel the engagement. The down-payment was halved by the band's lawyer, and even that wasn't paid back. People say that since then he has turned a purple red colour at the sound of any Beatles tune.

Premier Levy was very pleased with the outcome of his little *schticks*, which he celebrated with a glass of Romanian *zuika* and made another visit to Rabbi Zwingli, which also proved unsuccessful. It happened to be the anniversary of the Temple's destruction by Titus's soldiers, and Rabbi met Mr Levy with an apocalyptic prayer: "… *my eyes have dried up, my arms have lost their power, the Almighty has lessened the strength of my bows, and crashed the wheels of my chariots. Till when, oh Lord, will Philistines be burning my crops and desecrating your synagogues?"*

The Premier uttered several expletives and went home, mentally quoting Marx's words that "*Die Religion ist das Opium des Volkes".* He also remembered that when he went to a Jewish Youth

school in Krakow – he was known then as Alexander Levinsky – he had had an argument with his young Zionist friends about how to correctly translate this passage. Some, highlighting the obvious similarities between German and Yiddish, had claimed that it meant "Religion is the opium of the people", while others had countered that it meant "Religion is the opium for the people". "What's the difference, *kurwa?*" mused the premier.

Meanwhile things were getting really out of hand. In 1970 The Beatles split up and poor Yoko Ono was accused by all and sundry of being instrumental in helping conflict to brew between John and Paul. Little did they know that Ringo carefully plotted the animosity between the band's members, as he was too tired of studio work – his soul was yearning for action on a grander scale.

Do you remember the 70s? Brezhnev kissing Arafat, Arafat rides in Beirut, Arafat gives a speech at the UN, Arafat says – "My wife is revolution" (it'd be interesting to know what Dr Freud would say to that) while there was no sign of Ringo. Then the tide was reversed – Arafat got off the public stage, and a resurrected Ringo toured the world with his All Stars Band, and sang "With a Little Help from my Friends, with a visible smirk.

This could have gone on forever, but the whole thing was demolished by a woman – anyone surprised? During the siege in Ramallah, Ringo-Arafat started an intimate relationship with a BBC journalist by name of Barbara Plett. Stupid as she was, she couldn't keep it a secret after wining-and-dining with colleagues in the Colony Hotel in East Jerusalem, which is a popular hub for foreign journalists in Israel and a beautiful place in itself.

Ringo's wife Barbara Cox, who had had enough, threatened to call a press conference and lay everything out on the table for everyone to see. The message sank in loud and clear, and Mr Starsky-Terz got rid of his quasi-military garb, changed into mufti and, claiming an incurable illness, left Ramallah for Paris in a French military helicopter. As the plane took off, Ms Plett was crying as if this was the end of the world, which greatly puzzled the local inhabitants of Ramallah, who are a rather unemotional lot.

Later she received a fair amount of criticism for compromising her duty to be impartial and unbiased while covering this never-ending conflict, but that was too much to ask of a woman

in love. Especially vile were the attacks of Zionists who treated her coverage with inhumane cynicism.

"*…when the helicopter carrying the frail old man rose above his ruined compound, I started to cry… without warning*", she wrote in a editorial.

The Zionist Times retorted angrily:

"One shoots from the hip without warning, Ms Plett. Your revelations of scandalous involvement with one of the players of the conflict cast a huge doubt on your integrity. How could you get so carried away, for God's sake? He ain't no Beckham."

Here ends the saga. Arafat is no more. Ringo is fine and well, and is rumoured to be playing Israel in the near future. No-one will object this time - Mr Levy departed into another realm long ago, and Rabbi Zwingli is too old to remember even himself.

Received: 22.02.2013
Accepted: 25.02.2013

Проблемы устойчивого развития глобальной экономики на современном этапе

С.А. Баёв

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Институт художественного образования» Российской Академии Образования
119121, Москва, ул. Погодинская, д. 8, корп.1
Federal State Research Institution of the Russian Academy of Education
«Institute of Art Education»
Pogodinskaya str. 8, building 1, Moscow 119121 Russia; e-mail: chif599@mail.ru

Ключевые слова: глобализация, мировая экономика, международное разделение труда, инновационная экономика, национальная экономика, экологическая угроза, научно-технический прогресс, природные ресурсы, демографическая ситуация, человеческий капитал.
Key words: globalization, the global economy, the international division of labor, innovation economy, the national economy, the environmental threat, technological change, natural resources, demographics, human capital.
Резюме: В статье рассматриваются основные проблемы устойчивого развития глобальной экономики, обусловленные основными тенденциями мирового развития на современном этапе: ростом экологических угроз, глобализацией экономики, возрастающим экономический и социально-культурный разрыв в экономическом развитии между различными странами. Отражаются основные деструктивные процессы в рамках данных тенденций мирового развития, выделяются проблемы слаборазвитых, развивающихся и развитых стран. Отмечается возрастающая роль государственных и межгосударственных институтов в обеспечении устойчивого развития национальных экономик.
Abstract: This manuscript discusses the main challenges of sustainable development of the global economy due to the major trends of world development at this stage: the growth of the environmental threats that globalization of the economy, increasing economic, social and cultural gap in economic development between countries. It is reflected the major destructive processes within these world trends; there are are highlighted problems of underdeveloped, developing and developed countries. It is highlighted the increasing role of the state and international institutions in the sustainable development of national economies.
[Baev S.A. Problems of sustainable development of the global economy at the present stage**]**

Основными тенденциями мирового развития на современном этапе являются рост экологических угроз, глобализация экономики, возрастающий экономический и социально-культурный разрыв в экономическом развитии

между различными странами. В рамках анализа основных факторов устойчивого развития национальной экономики необходимо провести анализ факторов устойчивого развития в рамках каждой отмеченной тенденции мирового развития.

В настоящее время уровень экологических угроз постоянно возрастает. В программе ООН по окружающей среде выделены следующие экологические угрозы: изменение климата в результате выброса парниковых газов; загрязнение воздуха, деградация почв и экосистем, химическое загрязнение, истощение озонового слоя и др.

Загрязнение воздуха обуславливается растущим уровнем промышленного производства, транспортной инфраструктуры, что сопровождается повышенными выбросами углекислого газа в атмосферу. В результате существенно снижается масса атмосферного кислорода, происходит разогрев приземных слоев атмосферы, характеризующийся парниковым эффектом. Загрязнение атмосферы парниковыми газами уже является причиной глобального потепления, последствием которого могут стать таяние ледников и подъем уровня мирового океана. Глобальное потепление в результате парникового эффекта приводит к засухам, увеличению площади пустынь, распространению лесных пожаров.

Загрязнение планеты уже разрушило естественные экосистемы на 70% суши. Разрушение естественных экосистем негативно отражается на здоровье человека. От загрязнения воздуха и воды, по данным ООН, ежегодно на Земле погибает 2,5 млн. человек. Негативное воздействие на природу, разрушение естественных экосистем влечет природные катастрофы в различных формах, от которых ежегодно погибают сотни тысяч людей. В свою очередь, растет и количество техногенных катастроф: крушения поездов, падения самолётов, аварии на дорогах и коммуникациях, разрушения строений и т. п.

В связи с интеграцией, глобализацией, с одной стороны, а с другой, значительным отставанием в экономическом развитии ряда стран, возрастает количество пандемий. По оценке Всемирного банка, ущерб от пандемий «птичьего» и «свиного» гриппа в мировом масштабе может оказаться на уровне 800

млрд. долл.

Одной из проблем является старение населения в развитых странах, что обуславливается низким уровнем рождаемости, с одной стороны, а, с другой, увеличением продолжительности жизни в результате НТП. Возрастают проблемы пенсионного, бытового и медицинского обеспечения пожилого населения. В развивающихся же странах идет рост рождаемости, что вызывает проблему трудовой занятости, в результате формируется геодемографический дисбаланс, который ставит в мировую повестку дня вопрос о территориальном перераспределении населения, главным механизмом которого является миграция. Миграция же нарушает устойчивость социокультурных систем, что также препятствует устойчивому развитию национальной экономики.

Миграция, разрыв в уровне жизни между населением развитых и развивающихся стран, социокультурные противоречия между мигрантами и коренным населением порождает такое явление, как мировой терроризм, проявляющийся в различных формах: необъявленные войны, экспорт революций, политические убийства, взрывы, похищения, захват самолетов, государственных учреждений, посольств и т.п. Нарастает угроза виртуально-информационных угроз. Информация превратилась в мощное средство борьбы, сравнимое с оружием массового поражения. Ее использование в подрывных целях представляет собой опасность не только для национальных государств, но и для здоровья людей, подвергающихся массированному информационно-психологическому воздействию.

В связи с возможными кризисами ресурсов (вода, земля, продовольствие, углеводороды, полезные ископаемые, энергия и др.) возрастает угроза геополитической нестабильности, которая может возникнуть из-за усиливающейся борьбы за природные ресурсы.

Таким образом, на современном этапе существует множество негативных факторов, которые на фоне сокращения временных и пространственных барьеров создают угрозы существованию общества. Эти угрозы не всегда могут быть ликвидированы силами отдельных государств и требуют

пристального внимания всего мирового сообщества.

Второй тенденцией мирового развития является глобализация. В процессе глобализации, наряду с позитивными моментами есть и негативные. Среди них можно выделить следующие: ужесточение контроля над функционированием национальных экономик со стороны ТНК, кризис мировой финансовой системы, усиление неравенства стран, перераспределение доходов от бедных к богатым. В настоящее время в мире насчитывается несколько десятков тысяч ТНК, более 40% мирового продукта, осуществляющих более половины мирового внешнеторгового оборота.

Глобализация и вызванная ей виртуализация экономики приводит к перекосу экономической системы в сторону финансового сектора. Глобализация задает жесткие рамки, в которых функционируют национальные экономики, во многом определяет их динамику, ведет к перераспределению доходов от бедных к богатым. Глобализация ведет к деструктивному международному разделению труда и производства. Бедные развивающиеся страны обеспечивают мировое хозяйство сырьевыми ресурсами с использованием экологически-грязных технологий, а в развитых странах концентрируется наукоемкое производство, характеризующееся экологически-чистыми технологиями.

Таким образом, глобализация мировой экономики приводит к обострению проблем экологии и социальной сферы. С другой стороны, ее интеграционные возможности создают необходимые предпосылки для разработки научно обоснованной стратегии устойчивого развития общества. Одно из направлений эффективного использования процессов глобализации и международной интеграции является противодействие глобальным угрозам.

Третья тенденция мирового развития - возрастающий экономический и социально-культурный разрыв в экономическом развитии между различными странами. Неравномерность экономического развития сопровождается формированием региональных интеграционных группировок. Создание таких региональных групп - не только следствие тенденции глобализации во всех аспектах, но и форма

коллективной защиты от процессов глобализации в интересах участников интеграционной группировки.

Важное место в современном мировом развитии - международное разделение труда. Оно обуславливается различиями в уровне научно-технического развития и обеспеченности природными ресурсами. Страны с высоким уровнем природных энергоресурсов (Россия, страны ОПЕК и др.) используют их экспорт как главный источник для приобретения других товаров. Отдельные преимущества дают и природно-климатические условия, в связи с чем, в отдельных странах сельскохозяйственное производство является важной статьей экспорта. Крупнейшим производителем кофе является Бразилия, чая - Индия и Цейлон, зерна - Австралия, мяса - Аргентина и Новая Зеландия и т.д. Важным фактором является географическое расположение, выход к морю или океану.

Активно развивается сфера международного туризма, за 60 лет доходы от туризма в мире возросли от 2 млрд. дол. в 1950 году до 1 трлн. долл. в 2009 году. Наличие пляжей и теплого моря, исторических достопримечательностей - важный ресурс для развития международного туристического бизнеса. Однако, ресурсные, климатические и природные различия постепенно уступают место научно-техническому прогрессу. Именно, уровень его развития, а также развитие отдельных направлений науки и техники, технологий, обеспечивает место национальной экономики в международном разделении труда. Наукоемкие отрасли производства в основном сосредотачиваются в индустриально развитых странах, способных финансировать фундаментальные и прикладные научные исследования. Страны же, не имеющие современной инфраструктуры научно-исследовательской деятельности, обречены на роль импортеров новейших технологий.

Проанализируем проблемы устойчивого развития экономик разных стран с целью оценки как их вклада в процесс устойчивого развития мирового сообщества, так и проблем социально-экономического развития, возникающих у соответствующих стран в силу внутренних или внешних причин. Выделим три группы стран. К первой группе относятся государства с высоким уровнем социально- экономического

развития (США, страны Западной Европы, Япония и др.). Вторая группа включает развивающиеся страны (Индия, Аргентина, Бразилия, Россия, Китай, и др.). К третьей группе (слаборазвитые) относятся отсталые страны, имеющие неблагоприятные природно-климатические условия, большой государственный долг.

Большинство развитых стран используют элементы рыночного и государственного регулирования экономики, ориентацию на ускоренный научно-технический прогресс, высокий уровень образования работников, зрелый конкурентный механизм, надежно проработанную законодательную базу, высокий уровень социальной защищенности и корпоративной культуры. Они являются мировыми лидерами в большинстве сфер жизни мирового сообщества. Положительный вклад развитых в глобальное устойчивое развитие, на наш взгляд, определяется развитием международной торговли, поддержкой организаций, занимающихся экологическими проблемами, выделением большого количества средств для исследования и диагностики природных катастроф, фундаментальных исследований, наличием сформированного среднего класса, являющегося гарантом демократических свобод, широким набором социальных пособий и выплат, высокой конкурентоспособностью и инновационностью экономики, внедрением ресурсосберегающих технологий.

Но есть и негативные воздействия на развитие мирового сообщества со стороны развитых стран. Они в связи с развитой экономикой и высоким уровнем жизни населения являются основными потребителями ресурсов, способствуют их истощению, увеличивают нагрузку на экологию. Они способствуют социальному расслоению мирового сообщества, перенося «грязные» производства и отходы в другие государства и вводя дискриминационные пошлины, усиливая, таким образом, проблемы беднейших стран мира. Наконец, проводя неоправданную велико-державную внешнюю и внутреннюю политику, они во многих случаях создают очаги дополнительной напряженности, с одной стороны, и способствуют развитию финансово-экономических кризисов в

мировом масштабе - с другой.

Несмотря на значительное экономическое превосходство, ведущие страны мира сталкиваются с глобальными техногенными, природными, энергетическими, ядерными, экономическими и другими угрозами. Кроме того, в ряде стран существуют и внутренние угрозы протекционизма, лоббирования, некачественного государственного управления, коррупции и ряд других. Модель поведения развитых стран, на наш взгляд, должна опираться на осознание ими неизбежности глобальных угроз, построения многополярного мира. В условиях глобализации ограничение потребления в развитых странах даст возможность улучшить качество жизни мирового сообщества в целом.

Слаборазвитые страны характеризуются слабым развитием товарно-денежных отношений, низким уровнем предпринимательской культуры, отсутствием внутренних стимулов к развитию и модернизации производства, неразвитостью институтов и социальной незащищенностью населения. Среди проблем, с которыми сталкиваются эти страны, можно выделить бедность, нехватку воды и продовольствия, недостаточный уровень здравоохранения и образования, коррупцию, теневую экономику и др. Для устойчивого развития бедных стран, на наш взгляд, необходимо формирование институтов, уход от теневой экономики, усиление государственного регулирования, поддержка предпринимательства, борьба с коррупцией, поиск доступных природных ресурсов, которые могут удовлетворять основные потребности местного населения.

Большинство из развивающихся стран стремится обеспечить локальную устойчивость. Обобщенная модель этих стран включает элементы как рыночного, так и государственного регулирования экономики, ориентацию на догоняющую схему развития (хотя многие страны приветствуют собственные разработки прорывных технологий), наличие в ряде стран высокого уровня образования и человеческого потенциала, становление конкурентных механизмов и законодательной базы, недостаточные уровни социальной защищенности, развития среднего класса и корпоративной

культуры. В своем развитии эти страны мира сталкиваются с проблемами коррупции, недостаточного уровня здравоохранения, науки, образования, несовершенства институтов, неконтролируемой миграции, несовершенства управления и плохой корпоративной культуры. Их стратегия поведения для достижения устойчивого развития может быть связана с поиском национальной идеи и конкурентных преимуществ, переводом экономики на инновационный путь, формированием среднего класса и развитием гражданского общества, активном участии в международной интеграции и кооперации, наднациональных объединениях, регулирующих проблемы устойчивого развития.

Практика экономического развития, глобальные экономические кризисы последних десятилетий, возрастающие экологические угрозы свидетельствуют о нарастающих противоречиях между принципами свободного рыночного предпринимательства, свободного ценообразования и конкуренции и необходимостью усиления государственного регулирования. Главный принцип рыночной экономики - получение прибыли - ведет к тому, что такая прибыль получается за счет нарушения социально-экономических закономерностей развития общества, нарушения экологии, выпуска некачественной продукции и многих других негативных явлений. Усиление государственного регулирования и контроля над этими явлениями, с одной стороны, ведет к устранению указанных недостатков, а с другой, - к сокращению инициативы частного предпринимательства, сужению возможности более успешного и быстрого решения экономических и технических проблем.

В целом, рыночная система хозяйствования не способна решать многие проблемы, возникающие на современном этапе научно-технического прогресса. Это конечно не означает, что рыночная система нуждается в замене, скорее рыночную систему ждет новая система, более прогрессивная и справедливая.

Таким образом, анализ проблем устойчивого развития показывает, что большинство проблем устойчивого развития в разных по уровню экономического развития могут быть решены

только при активном государственном регулировании национальной экономики, а также создании интеграционных межгосударственных структур, осуществляющих регулирование регионального экономического развития на государственном уровне. Признавая целесообразность совершенствования наднациональных законов и институтов для обеспечения контроля устойчивого развития цивилизации, необходимо усиление роли национальных государств.

Большую роль в обеспечении устойчивого экономического развития должно играть гражданское общество, ядром которого должен стать средний класс. Формирование среднего класса должно обеспечиваться активным развитием малого бизнеса. Причем, на наш взгляд, при регулировании со стороны государства и межгосударственных структур, малый бизнес можно развивать в симбиозе с ТНК, которые могут стать инкубатором малого бизнеса.

Государственные институты совместно с гражданским обществом, с учетом уровня развития экономики и национальных особенностей страны, должны формировать систему стимулов, ограничителей и регуляторов, определяющих возможности ее устойчивого развития.

Таким образом, в современных условиях существенно возрастает роль государственного регулирования с целью повышения эффективности социально-экономического развития страны, устранения рыночных перекосов и создания условий для пропорционального и устойчивого развития экономики. Кроме того, необходима адаптация отдельных стран и регионов к правилам межнационального механизма хозяйствования. Игнорирование этих закономерностей мирового развития приводит к появлению новых глобальных угроз, вызванных издержками нерегулируемой рыночной экономики, которые связаны с вероятностью перерастания экономических кризисов в глобальные катастрофы.

ЛИТЕРАТУРА

Богомолов, О.Т. 2009. Мировая экономика в век глобализации: Учебник. М.: ЗАО «Издательство «Экономика».

Вишневский, А.Г. Глобальные детерминанты низкой рождаемости /

[электронный ресурс] // http://spkurdyumov.narod.ru/Vishnevskiyl l.htm
Капица, Л.М. 2008. Индикаторы мирового развития 2-е изд. М.: МГИМО: 27.
Небренчин СМ. Политазбука / [электронный ресурс] //www.irkutsk.ru/ivm/pr/
Пчелинцев, О.С. Проблемы формирования экономической системы устойчивого развития. / [электронный ресурс] // http://www.netda.ru/belka/economy/ pchel/url .htm
Фионова, Л. Глобальный экологический кризис: причины и пути преодоления:/[электронный ресурс] // http://za.zubr.in.ua/2009/03/25/2616/

Получена / Received: 14.01.2013
Принята / Accepted: 15.02.2013

Humanity space *International almanac* VOL. 2, No 1, 2013: 170-210

Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana, 2010. Part. VII.

M.L. Danilevsky

A.N. Severtzov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, Leninsky prospect 33, Moscow 119071 Russia;
e-mail: danilevskyml@rambler.ru, danilevsky@cerambycidae.net

Key words: Cerambycidae, taxonomy, Palaearctic Region, new taxa, new combinations, new records.
Abstract: Misprints, wrong combinations, wrong geographical records, wrong references, wrong status of certain names, wrong synonyms, wrong authorships and dates of certain names, wrong original combinations, wrong spellings of several names and so on are fixed. Sometimes unavailable names were published as available. Missing names, geographical data and references are added. Several new geographical records are included. *Stenurella nigra maesta* **ssp. n.** is described from Caucasus. New synonyms are proposed: *Perissus fairmairei* Gressitt, 1940c = *P. sinho* Danilevsky, 1993d, **syn. nov.** *Dorcadion kalashiani* Danilevsky, 1992b is recorded for Iran; *Anoplophora stanleyana stanleyana* Hope, 1839 is recorded for Nepal.

Sevens part of additions and corrections to the Cerambycidae Catalogue (Löbl & A. Smetana, 2010) continues six parts published before (Danilevsky, 2010, 2011, 2012a, 2012b, 2012c, 2012d). Next parts are being prepared now for publication. All parts include more than 1000 corrections, as well as many new geographical records and several new names, which are all shown in http://www.cerambycidae.net/catalog.html together with acceptable corrections published by A.I. Miroshnikov (2011a, 2011b, 2011c, 2011d), I. Löbl & A. Smetana (2011), D.G. Kasatkin & A.I. Miroshnikov (2011), H. Özdikmen (2011). The WEB information is updated each two months in www.cerambycidae.net

The references to the present article include only the publications absent in the references to the Catalogue (Löbl & A. Smetana, 2010). The references inside the text of the present article to the publications included in the references to the Catalogue have same letters after the number of the year as in the Catalogue.

Abbreviations of collections:
MD – author's collection
ZMM – Zoological Museum of Moscow University

1. **page 97**
PRINTED:
renardi Gebler, 1848a: 420 (*Leptura*) **E**: NT **A**: ES FE KZ MG NMO SC WS XIN
NOTE:
The original spelling was: *"renardii"*, but *"renardi"* must be preserved as being in prevailing usage (Art. 33.3.1 of ICZN).

2. **page 99**
PRINTED:
genus *Dokhtouroffia* Ganglbauer, 1886a: 129 type species *Dokhtouroffia turkestanica* Ganglbauer, 1886 (= *Leptura nebulosa* Gebler, 1844)
MUST BE:
genus *Dokhtouroffia* Ganglbauer, 1886a: 129 type species *Dokhtouroffia turkestanica* Ganglbauer, 1886 (= *Stenura nebulosa* Gebler, 1845)

3. **page 105**
PRINTED:
melgunowi Jakobson, 1896a: 523 (*Strangalia*)
MUST BE:
melgunowi Jakobson, 1895: 523 (*Strangalia*)
NOTE:
According to Kerzhner (1984: 855): the separata with the description of *Strangalia quadrifasciata* var. *melgunowi* Jakobson were distributed in 1895 (November).

4. **page 107**
PRINTED:
genus *Nivellia* Mulsant, 1863: 564 type species *Leptura sanguinosa* Gyllenhal, 1827
subgenus *Nivellia* Mulsant, 1863: 564 type species *Leptura sanguinosa* Gyllenhal, 1827

extensa extensa Gebler, 1841b: 613 (*Leptura*) **E**: FI NT **A**: ES FE JA MG SC WS

MUST BE:

genus *Nivellia* Mulsant, 1863: 564 type species *Leptura sanguinosa* Gyllenhal, 1827

extensa extensa Gebler, 1833: 305 (*Leptura*) **E**: FI NT **A**: ES FE JA MG SC WS

5. **page 113**

PRINTED:

nigra Linnaeus, 1758: 398 (*Leptura*) **E**: AB AL AR AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FR GB GE GG GR HU IR IT LA LS LT LU MC MD NL NR NT PT RO SK SL SP ST SV SZ UK YU **A**: IN TR

giraudi Pic, 1946a: 14 (*Strangalia*)
picea Geoffroy, 1785: 87 (*Stenocorus*)
varicollis Schaefer, 1932: 31 (*Stenura*)

MUST BE:

nigra nigra Linnaeus, 1758: 398 (*Leptura*) **E**: AL AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FR GB GE GR HU IR IT LA LS LT LU MC MD NL NR NT PT RO SK SL SP ST SV SZ UK YU **A**: TR

giraudi Pic, 1946a: 14 (*Strangalia*)
picea Geoffroy, 1785: 87 (*Stenocorus*)
varicollis Schaefer, 1932: 31 (*Stenura*)

nigra maesta **ssp. n**. **E**: AB AR GG ST **A**: ?IN TR

A new subspecies *Stenutella nigra maesta* **ssp. n**. is characterized by male abdomen relatively darker than in the nominative subspecies. Abdomen in males of Georgian populations (Akhaldaba, Borzhomi, Tzagvery, Akhaltzihe, Akhalsheni) is nearly totally black with red posterior margin of 4th sternite and anterior margin of 5th sternite. Numerous males known from North Caucasus are also darker than Europeans. Among 32 males collected by me in 2010 near Novorossiysk 13 males have red area only between 4th and 5th sternites, 11 males have 4th sternite totally red and only 8 males with red posterior margin of 3rd sternites. Totally red 3rd male sternite is rather usual in Europe (including Spain, France, Italy, Byelorussia, Moldova, but very rare in Bulgaria). But in Caucasus totally red 3rd male sternite is unknown. Only four males are available from Azerbaijan (North Azerbaijan: Shemakha, Sheki and Kusary), 2 of

them with very narrow red line between 4th and 5th sternites. *S. nigra* is very rare in Armenia. It was never collected in Armenia by me, neither by M.Kalashyan. The species was recorded for Arax valley by Plavilstshikov (1948), and only one male (Idzhevan, Akhtakhlu, 25.5.1951, S.M. Khnzoryan) is available in the collection of M. Kalashyan (Yerevan). The new taxon must be distributed along north Armenian border near Georgia and Azerbaijan. A single male available from Crimea (Bakhchisaray - MD) with totally black 3rd abdominal sternite does not allow realizing the nature of Crimean population. Length of males: 6.0-9.2mm, length of females: 7.0-10.0mm

S. nigra is unknown from Talysh. The species was not represented among numerous Cerambycidae specimens available from Mazandaran. Most probably it is absent in Iran, in spite of several published records. The new subspecies is definitely represented in North-East Turkey (Artvin, Ardahan) as it is very numerous in neighbour Georgian territories.

It is interesting to mention that several European *Stenurella* are totally or partly replaced in Caucasus (or in south-west Caucasus) by closely related darker species or subspecies: *Stenurella bifasciata limbiventris* (Reitter, 1898a), *S. novercalis* Reitter, 1901b, *S. septempunctata latenigra* (Pic, 1915e).

Materials. Holotype, male, Georgia, Akhaldaba (41º55'N, 43º28'E), 15.7.1987, M.Danilevsky leg. – MD; 97 paratypes; 1 male and 6 females with same label - MD; 6 females, Georgia, Tzagveri (41º47'N, 43º29'E), 21-23.7.1987, M.Danilevsky leg. – MD; 10 males, 10 females, Georgia, Akhaltzihe env., Atzkuri (41º44'N, 43º10'E), 5.7.1992, M. Kalashyan leg. – MD and collection of M.Kalashyan (Yerevan); 1 male, Georgia, Khashuri distr., Akhalsheni (42°N, 43°43'30"E), 1.7.1964 – MD; 1 male, Armenia, Idzhevan, Akhtakhlu, 25.5.1951, S.M. Khnzoryan leg. - collection of M.Kalashyan (Yerevan); 2 males, Azerbaijan, Kusary, June and 3.7.1912 – ZMM; 1 male, Azerbaijan, Shemakha, 25-30.6.1937 – ZMM; 1 male, Azerbaijan, "Nucha" [Sheki], 25.7.1933, F.Lukjanovich leg. – ZMM; 1 female, Krasnodar Region, Ubinskaya, 24.5.1970, M.Danilevsky leg. – MD; 1 female, same locality, M.Kravchenko leg. – MD; 28 males and 19 females, Krasnodar Region, Novorossiysk env., Andreevsky Pass, 500m, 4-5.6.2010, M. Danilevsky leg. – MD; 4 males and 4 females, Krasnodar Region, Novorossiysk env., Sukko, 2.6.2100, M. Danilevsky leg. – MD; 1 male, Krasnodar Region, Saratovskaya, 20.8.1988, V.Gusarov leg. – MD; 4

males - Krasnodar Region, Sochi, Lazarevskoe, 31.5.1987, A.Koval leg. – MD; 3 males, Krasnodar Region, Kaluzhskaya, 11.6.1974 – ZMM; 1 male, Krasnodar Region, Goryachiy Klyuch, 2.5.1970 – ZMM; 2 males and 1 female, Adygeya, Maikop, 15.6.1933 and 10.5.1936 – ZMM;

Distribution. Whole Georgia, North Azerbaijan, Armenia (very rare), North Caucasus from Novorossiysk to about Dagestan; must be in north-east Turkey though no specimens available; most probably Crimean populations also belong to *S. n. maesta* **ssp. n**., but more specimens must be studied.

6. **page 130**

PRINTED:

koreana An & Kwon, 1991: 47 **A**: SC

MUST BE:

koreana An & Kwon, 1991: 49 **A**: SC

NOTE:

Most probably *Pidonia* (s.str.) *koreana* An & Kwon, 1991 is a synonym of *P.* (s.str.) *malthinoides* (Kraatz, 1879d) as it was supposed by Danilevsky (1993e).

7. **page 134**

PRINTED:

caeruleipennis Bates, 1873: 193 **A**: CH FE JA

MUST BE:

caeruleipennis Bates, 1873: 193 **A**: FE JA

NOTE:

Japanocorus caeruleipennis absent in China. The records for China (Gressitt, 1951, as *Stenocorus*) were based on uncertain original geographical indications (Bates, 1873): “Japan? (Fortune). Possibly from North China, as Mr. Fortune’s collection from the two countries were mixed together when I saw them”.

8. **pages 131-132, 133-134**

PRINTED (131-132):

genus *Pseudosieversia* Pic, 1902f: 19 type species *Pidonia rufa* Kraatz, 1879

Macrorhabdium Plavilstshikov, 1915c: 103 type species *Macrorhabdium ruficolle* Plavilstshikov, 1915 (= *Pidonia rufa*

Kraatz, 1879)
japonica amanoi Hayashi, 1971: 2 **A**: JA
japonica japonica K. Ohbayashi, 1937: 5 (*Microrhabdium*) **A**: JA
japonica shikokensis Hayashi, 1959b: 55 **A**: JA
rufa Kraatz, 1879d: 101 (*Pidonia*) **A**: FE JIL NC SC
bicolor Heyden, 1886d: 276 (*Pidonia*)
coreana Matsushita, 1934b: 539
ruficollis Plavilstshikov, 1915c: 104 (*Macrorhabdium*)
spectabilis Kraatz, 1879h: 228 (*Pidonia*)
and (133-134)
genus *Sivana* E. Strand, 1942: 391 [RN] type species *Sieversia bicolor* Ganglbauer, 1887
Sieversia Ganglbauer, 1887a: 134 [HN] type species *Sieversia bicolor* Ganglbauer, 1887
bicolor Ganglbauer, 1887a: 134 (*Sieversia*) **A**: FE HEB LIA NC SC
coreana Okamoto, 1927: 67
MUST BE:
genus *Pseudosieversia* Pic, 1902f: 19 type species *Pidonia rufa* Kraatz, 1879
Macrorhabdium Plavilstshikov, 1915c: 103 type species *Macrorhabdium ruficolle* Plavilstshikov, 1915 (= *Pidonia rufa* Kraatz, 1879)
japonica amanoi Hayashi, 1971: 2 **A**: JA
japonica japonica K. Ohbayashi, 1937: 5 (*Microrhabdium*) **A**: JA
japonica shikokensis Hayashi, 1959b: 55 **A**: JA
rufa Kraatz, 1879d: 101 (*Pidonia*) **A**: FE JIL NC SC
bicolor Heyden, 1886d: 276 (*Pidonia*)
coreana Matsushita, 1934b: 539 [HN]
coreana Okamoto, 1927: 67 (*Sieversia*)
matsushitai Tamanuki, 1943: 18.
ruficollis Plavilstshikov, 1915c: 104 (*Macrorhabdium*)
spectabilis Kraatz, 1879h: 228 (*Pidonia*)
and (133-134)
genus *Sivana* E. Strand, 1942: 391 [RN] type species *Sieversia bicolor* Ganglbauer, 1887
Sieversia Ganglbauer, 1887a: 134 [HN] type species *Sieversia bicolor* Ganglbauer, 1887
bicolor Ganglbauer, 1887a: 134 (*Sieversia*) **A**: FE HEB LIA NC SC
NOTES:

According to N.Ohbayasi (personal message dated 2013 with a photo of the holotype of *Sieversia coreana* Okamoto, 1927): *Pseudosieversia rufa* (Kraatz, 1879d) = *Sieversia coreana* Okamoto, 1927.

Tamanuki (1943) recognized *Sieversia coreana* Okamoto, 1927 as *Pseudosieversia rufa* (Kraatz, 1879b) and published: *Pseudosieversia rufa* ab. *coreana* (Okamoto, 1927). The name *Pseudosieversia coreana* Matsushita, 1934b [as a junior homonym] was replaced with *Pseudosieversia rufa* ab. *matshushitai* Tamanuki, 1943. According to M.A. Alonso-Sarazaga (personal message dated 2013) such a replacement name proposed as aberration is unavailable.

9. **page 136**
PRINTED:
bartoni Obenberger & Mařan, 1933: 131 [RN] **E**: BU
MUST BE:
bartoni Obenberger & Mařan, 1933: 131 [RN] **E**: BU GR MC
NOTE:

Xylosteus bartoni was recorded for Macedonia by Bense (1995), Migliaccio et al. (2007); for Greece – by Dascălu et al. (2012).

10. **page 137**
PRINTED:
ferus Mulsant, 1839: 64 (*Criocephalus*) **E**: AB AR AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FR GB GE GG GR HU IR IT LA LT LU MA MC MD NL NT PL PT RO SK SL SP ST SV SZ UK **N**: AG MO MR TU **A**: ES CY FE IS JO KZ TR WS
MUST BE:
ferus Mulsant, 1839: 64 (*Criocephalus*) **E**: AB AR AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FR GB GE GG GR HU IR IT LA LT LU MA MC MD NL NT PL PT RO SK SL SP ST SV SZ TR UK **N**: AG MO MR TU **A**: ES CY FE IS JO KZ NO NE SY TR WS **AUS**i
NOTE:

The species was introduced to New Zealand (Q. Wang & Leschen, 2003).

11. **page 137**
PRINTED:
rusticus Linnaeus, 1758: 395 (*Cerambyx*) **E**: AB AL AR AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FI FR GB GE GG GR HU IR IT LA LS LT LU MC MD NL NR NT PL RO SK SL SP ST SV SZ UK **N**: MO **A**: ES FE FUJ GAN GUI HAI HEB HEI HUB JA JIL JIX KZ LIA MG NMO NC SC SCH SHA SHN TR WS YUN ZHE
MUST BE:
rusticus rusticus Linnaeus, 1758: 395 (*Cerambyx*) **E**: AB AL AR AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FI FR GB GE GG GR HU IR IT LA LS LT LU MC MD NL NR NT PL RO SK SL SP ST SV SZ TR UK **N**: MO **A**: ES FE FUJ GAN GUI HAI HEB HEI HUB **IN** JA JIL JIX KZ LIA MG NMO NC SC SCH SHA SHN TR WS YUN ZHE **AUS**i **NTR**i
NOTE:
The species was introduced to Argentina (Di Iorio, 2004 - *A. rusticus rusticus*; López et al., 2008) and Australia (Q. Wang & Leschen, 2003).

12. **page 138**
PRINTED:
syriacus Reitter, 1895a: 86 (*Criocephalus*) **E**: AL AZ CR FR GR IT PT SP **N** AG CI MO MR TU **A**: CY IS JO LE SY TR
MUST BE:
syriacus Reitter, 1895a: 86 (*Criocephalus*) **E**: AL AZ CR FR GR IT PT SP **N** AG CI MO MR TU **A**: CY IS JO LE SY TR **AUS**i **NTR**i
NOTE:
The species was introduced to Argentina (Di Iorio, 2004; López et al., 2008) and Australia (Q. Wang & Leschen, 2003).

13. **page 139**
PRINTED:
staudingeri Pic, 1901b: 11 **A**: BT KI KZ UZ XIN
laticolle Podaný, 1967: 38
obscuripenne Semenov, 1907c: 264
tjanshanicum Semenov, 1907c: 263
MUST BE:
laticolle Podaný, 1967: 38 **A**: SCH

...
staudingeri Pic, 1901b: 11 **A**: KI KZ UZ XIN
tjanshanicum Semenov, 1907c: 263
NOTE:

"*Tetropium laticolle* Semenov" was described by Podaný for *T. tjanshanicum* ab. *laticollis* Semenov, 1907c on the base of specimens from China ("Szetschwan, Tatsienlu"), and he did not see Semenov's types. According to the original description *Tetropium laticolle* Podany, 1967 has shining pronotum with fine punctation ("brillant, avec une ponctuation très fine"), that is impossible in *T. staudingeri.* So, *Tetropium laticolle* Podany, 1967 is a China species distributed in Sichuan (Tacienlu).

The name *Tetropium tjanshanicum* ab. *obscuripenne* Semenov, 1907d: 264 was introduced as unavailable.

The record of the species for Bhutan is unbelievable.

14. **page 141**
PRINTED:
kastekum Danilevsky, 1996f: 415 **A**: KI KZ
kapchagaicum Danilevsky, 1996f: 413 **A**: KZ
MUST BE:
kastekum Danilevsky, 1996d: 415 **A**: KI KZ
kapchagaicum Danilevsky, 1996d: 413 **A**: KZ

15. **page 145**
PRINTED:
genus *Paraclytus* Bates, 1884: 234 type species *Paraclytus excultus* Bates, 1884
apicicornis Gressitt, 1937a: 92 (*Aglaophis*) **A**: FUJ GAN GUI GUX HUN SCH SHA
emili Holzschuh, 2003a: 229 **A**: YUN
excultus Bates, 1884: 234 **A**: FE JA
interruptus Pic, 1915f: 13
primus Holzschuh, 1992: 42 **A**: SCH
raddei Ganglbauer, 1882: 737 [= 1886: 232] (*Anaglyptus*) **E**: AB **A**: IN
bieberi Pic, 1920e: 21 (*Clytus*)
reitteri Ganglbauer, 1882: 737 [= 1886: 232] (*Anaglyptus*) **E**: AB

A: IN
sexguttatus Adams, 1817: 308 (*Clytus*) **E**: AB AR BU GG ST TR **A**: TR
    bruckii Kraatz, 1864: 389 (*Clytus*)
    caucasicus Motschulsky, 1839: 54 (*Clytus*)
    disjunctus Pic, 1909b: 123 (*Anaglyptus*)
shaanxiensis Holzschuh, 2003a: 228 **A**: HUB SHA
MUST BE:
genus *Paraclytus* Bates, 1884: 234 type species *Paraclytus excultus* Bates, 1884
albiventris Gressitt, 1937c: 455 (*Aglaophis*) **A**: JIX
apicicornis Gressitt, 1937a: 92 (*Aglaophis*) **A**: FUJ GAN GUI GUX HUN SCH SHA
emili Holzschuh, 2003a: 229 **A**: YUN
excultus Bates, 1884: 234 **A**: FE JA
    interruptus Pic, 1915f: 13
helenae Holzschuh, 1993a: 43 (*Anaglyptus*) **A**: YUN
irenae Holzschuh, 1993a: 43 (*Anaglyptus*) **A**: YUN
jii Holzschuh, 1992: 43 (*Anaglyptus*) **A**: SCH
ochrocaudus Gressitt, 1951a: 305 (*Anaglyptus*) **A**: FUJ
primus Holzschuh, 1992: 42 **A**: SCH SHA
raddei Ganglbauer, 1882: 737 [= 1886: 232] (*Anaglyptus*) **E**: AB **A**: IN
    bieberi Pic, 1920e: 21 (*Clytus*)
reitteri Ganglbauer, 1882: 737 [= 1886: 232] (*Anaglyptus*) **E**: AB **A**: IN
scolopax Holzschuh, 1999: 40 (*Anaglyptus*) **A**: GAN
sexguttatus Adams, 1817: 308 (*Clytus*) **E**: AB AR BU GG ST TR **A**: TR
    bruckii Kraatz, 1864: 389 (*Clytus*)
    caucasicus Motschulsky, 1839: 54 (*Clytus*)
    disjunctus Pic, 1909b: 123 (*Anaglyptus*)
shaanxiensis Holzschuh, 2003a: 228 **A**: HUB SHA
thibetanus Pic, 1914g: 38 (*Anaglyptus*) **A**: XIZ YUN
NOTES:

According to Miroshnikov (2012), seven *Anaglyptus* species must be transferred to *Paraclytus*.

According to Miroshnikov & Lin (2012), *Paraclytus*

thibetanus occurs in Yunnan, *P. primus* occurs in Shaanxi.

16. **page 146**
PRINTED:
bungii Faldermann, 1835c: 433 (*Cerambyx*) **A**: ANH FUJ GAN GUA GUI GUX HAI HEB HEI HEN HKG HUB HUN JIA JIL JIX LIA NC NMO SC SCH SHA SHN SHX YUN ZHE
MUST BE:
bungii Faldermann, 1835c: 433 (*Cerambyx*) **Ei**: GE **A**: ANH FUJ GAN GUA GUI GUX HAI HEB HEI HEN HKG HUB HUN JIA JIL JIX LIA NC NMO SC SCH SHA SHN SHX YUN ZHE
NOTE:
Aromia bungii was introduced in Bavaria (Burmeister, 2012; Burmeister et al. 2012).

17. **page 148**
MUST BE:
genus *Laosaphrodisium* Bentanachs, 2012: 71 type species *Leontium optimum* Bates, 1879
amadori Bentanachs, 2012: 11 **A**: GUX YUN XIZ **ORR**
crassum Gressitt, 1939a: 24 (*Aphrodisium*) **A**: FUJ GUA YUN
subplicatum Pic, 1937a: 11 (*Chelidonium*) **A**: YUN **ORR**
NOTE:
See: Bentanachs (2012).

18. **pages 149, 150**
PRINTED (p.149):
genus *Osphranteria* L. Redtenbacher, 1850: 50 type species *Osphranteria suaveolens* L. Redtenbacher, 1850
coerulescens coerulescens L. Redtenbacher, 1850: 50 **A**: IN IQ PA
coerulescens inaurata Holzschuh, 1981: 98 **A**: IN TR
lata Pic, 1956a: 3 **A**: AF IN
richteri Heyrovský, 1959: 4
suaveolens L. Redtenbacher, 1850: 50 **A**: AF IN
and (p. 150)
genus *Quettania* Schwarzer, 1931a: 62 type species *Quettania coeruleipennis* Schwarzer, 1931
coeruleipennis Schwarzer, 1931a: 63 **A**: PA

MUST BE:
genus *Osphranteria* L. Redtenbacher, 1850: 50 type species *Osphranteria suaveolens* L. Redtenbacher, 1850
Quettania Schwarzer, 1931a: 62 type species *Quettania coeruleipennis* Schwarzer, 1931
coerulescens L. Redtenbacher, 1850: 50 **A**: IN PA TR
inaurata Holzschuh, 1981: 98
coeruleipennis Schwarzer, 1931a: 63 (*Quettania*)
mirabilis Podany, 1980: 231 (*Polyzonus*)
lata Pic, 1956a: 3 **A**: AF IN
richteri Heyrovský, 1959: 4
suaveolens L. Redtenbacher, 1850: 50 **A**: AF IN
NOTE:
See: Bentanachs (2012).

19. **pages 149-150**
PRINTED:
genus *Polyzonus* Dejean, 1835: 324 type species *Saperda fasciata* Fabricius, 1781
subgenus *Polyzonides* Podaný, 1980: 230 type species *Polyzonus obtusus* Bates, 1879
obtusus Bates, 1879a: 413 **A**: TAI **ORR**
interruptus Pic, 1946a: 14
reductus Pic, 1946a: 14
subgenus *Polyzonus* Dejean, 1835: 324 type species *Saperda fasciata* Fabricius, 1781
Calliblepharus Gistel, 1848a: x [unnecessary substitute name]
auroviridis Gressitt, 1942b: 3 **A**: SCH
bizonatus A. White, 1853: 171 **A**: SD
brevipes Gahan, 1906a: 217 **A**: SD **ORR**
cuprarius Fairmaire, 1887a: 132 **A**: YUN
fasciatus Fabricius, 1781: 232 (*Saperda*) **A**: ANH ES FE FUJ GAN GUA GUI GUX HEB HEN HKG HUB HUN JIA JIL JIX MG NC NIN NMO QIN SC SHA SHN SHX ZHE
bicinctus Olivier, 1795: no. 67: 46 (*Cerambyx*)
meridionalis Bates, 1879a: 413
sibiricus Gmelin, 1790: 1840 (*Cerambyx*)

laurae Fairmaire, 1887a: 132 **A**: YUN
prasinus A. White, 1853: 170 (*Promeces*) **A**: FUJ GUA HAI HUB HUN JIX SCH TAI YUN ZHE **ORR**
polyzonoides J. Thomson, 1865: 568 (*Chelidonium*)
sinense Hope, 1842a: 63 (*Promeces*) **A**: FUJ GUA HKG NO SCH **ORR**
subtruncatus Bates, 1879a: 408 (*Leontium*) **A**: HKG SHG YUN
testaceipennis Pic, 1922a: 8 **A**: CH
tetraspilotus Hope, 1835: 71 (*Cerambyx*) **A**: TAI YUN **ORR**
flavocinctus Gahan, 1894a: 17
megaspilus Gahan, 1906a: 215
microspilus Gahan, 1906a: 215
quadrimaculatus A. White, 1853: 170
violaceus Plavilstshikov, 1933c: 111 **A**: YUN
MUST BE:
genus *Polyzonus* Dejean, 1835: 324 type species *Saperda fasciata* Fabricius, 1781
subgenus *Parapolyzonus* Bentanachs, 2012: 11 type species *Promeces prasinus* White 1853
drumonti Bentanachs, 2010: 306 **A:** YUN **ORR**
trocolii Bentanachs, 2012: 21 **A:** YUN **ORR**
prasinus A. White, 1853: 170 (*Promeces*) **A**: FUJ GUA HAI HUB HUN JIX SCH TAI YUN ZHE **ORR**
polyzonoides J. Thomson, 1865: 568 (*Chelidonium*)
siamense Podany, 1974: 6, 40 (*Chelidonium*)
subgenus *Polyzonides* Podaný, 1980: 230 type species *Polyzonus obtusus* Bates, 1879
obtusus Bates, 1879a: 413 **A**: ?TAI YUN **ORR**
interruptus Pic, 1946a: 14
opacus Pic, 1946: 9
reductus Pic, 1946a: 14
subgenus *Polyzonus* Dejean, 1835: 324 type species *Saperda fasciata* Fabricius, 1781
Calliblepharus Gistel, 1848a: x [unnecessary substitute name]
auroviridis Gressitt, 1942b: 3 **A**: GUX SCH YUN **ORR**
balachowskii Gressitt & Rondon, 1970: 157 **A**: YUN XIZ **ORR**
bizonatus A. White, 1853: 171 **A**: GUX SD YUN **ORR**
brevipes Gahan, 1906a: 217 **A**: SD **ORR**

cuprarius Fairmaire, 1887a: 132 **A**: YUN **ORR**
fasciatus Fabricius, 1781: 232 (*Saperda*) **A**: ANH ES FE FUJ GAN GUA GUI GUX HEB HEI HEN HKG HUB HUN JIA JIL JIX LIA MG NC NIN NMO QIN SC SHA SHN SHX ZHE

bicinctus Olivier, 1795: no. 67: 46 (*Cerambyx*)
fupingensis Xie & Wang, 2009: 58
meridionalis Bates, 1879a: 413
sibiricus Gmelin, 1790: 1840 (*Cerambyx*)

flavocinctus Gahan, 1894a: 17 **A**: YUN **ORR**
laurae Fairmaire, 1887a: 132 **A**: YUN **ORR**
pakxensis Gressitt & Rondon, 1970: 159 **A**: YUN **ORR**
saigonensis Bates, 1879a: 413 **A**: YUN **ORR**

laosensis Pic, 1923b: 9

sinense Hope, 1842a: 63 (*Promeces*) **A**: FUJ GUA HAI HKG HUN JIX NO SCH SD TAI YUN **ORR**
subtruncatus Bates, 1879a: 408 (*Leontium*) **A**: HAI HKG SHG YUN **ORR**
testaceipennis Pic, 1922a: 8 **A**: CH
violaceus Plavilstshikov, 1933c: 111 **A**: YUN **ORR**
yunnanum Podaný, 1974: 39 (*Chelidonium*) **A**: YUN **ORR**
subgenus *Striatopolyzonus* Bentanachs, 2012: 58 type species *Cerambyx tetraspilotus* Hope, 1835
nitidicollis Pic, 1932: 22 **A**: YUN **ORR**
tetraspilotus Hope, 1835: 71 (*Cerambyx*) **A**: SD TAI YUN **ORR**

latemaculatus Gressitt & Rondon, 1970: 161,
macrospilus Gahan, 1906: 216;
megaspilus Gahan, 1906a: 215
microspilus Gahan, 1906a: 215
quadrimaculatus A. White, 1853: 170

NOTE:

See: Bentanachs (2012).

20. **page 150**

MUST BE:

genus ***Pseudopolyzonus*** **Bentanachs, 2012: 67** type species *Polyzonus latefasciatus* Hüdepohl, 1998
latefasciatus Hüdepohl, 1998: 225 (*Polyzonus*) **A**: YUN **ORR**
NOTE:

See: Bentanachs (2012).

21. **page 150**
PRINTED:
rufipenne Motschulsky, 1862: 19 (*Callidium*) **E**i: BE GG IT SP ST **A**: FE GAN HEB HEN JA JIX SC SHA TAI
MUST BE:
rufipenne Motschulsky, 1862: 19 (*Callidium*) **E**i: BE CR GG IT SP ST **A**: FE GAN HEB HEN JA JIX SC SHA TAI **NAR**i **NTR**i
NOTE:

Callidiellum rufipenne was introduced and established in North and South America (Di Iorio, 2004).

22. **page 162** (missing name)
PRINTED:
scapularis Fischer von Waldheim, 1821: 15 (*Cerambyx*) **A**: AF IN KI KZ TD TM UZ XIN
MUST BE:
scapularis Fischer von Waldheim, 1821: 15 (*Cerambyx*) **A**: AF IN KI KZ TD TM UZ XIN
tataricus Gebler, 1841a: 375 (*Hammaticherus*)

23. **page 166**
PRINTED:
copiosus Holzschuh, 1991b: 46 **A**: YUN **ORR**
MUST BE:
copiosus Holzschuh, 1991b: 46 **A**: GUI YUN **ORR**
See: Tian et al. (2012)

24. **page 172**
PRINTED:
gertrudae Holzschuh, 1983: 395 **A**: BT NP
MUST BE:
gertrudae Holzschuh, 1983: 395 **A**: YUN BT NP
NOTE:

Demonax gertrudae Holzschuh, 1983 was recoded for China (Tian et al., 2012).

25. **page 173**
PRINTED:
rosae Holzschuh, 1983: 393 **A**: NP SD
MUST BE:
rosae Holzschuh, 1983: 393 **A**: YUN NP SD
NOTE:

Demonax rosae Holzschuh, 1983 was recoded for China (Tian et al., 2012).

26. **page 174**
PRINTED:
traudae Holzschuh, 1983: 391 **A**: SD
MUST BE:
traudae Holzschuh, 1983: 391 **A**: YUN SD
NOTE:

Demonax traudae Holzschuh, 1983 was recoded for China (Tian et al., 2012).

27. **page 175**
PRINTED:
acuminatus acuminatus Fabricius, 1775: 194 (*Callidium*) **E**i: CR FR HU IT SK SL SZ YU **NAR**
MUST BE:
acuminatus acuminatus Fabricius, 1775: 194 (*Callidium*) **E**i: CR FR HU IT SK SL SZ YU **NAR** **NTR**i
NOTE:

Neoclytus acuminatus was introduced to Argentina (Di Iorio, 2004).

28. **pages 175, 176**
PRINTED (p. 175):
fairmairei Gressitt, 1940c: 180 [RN] **A**: HEB NMO SC SE SHA
fuliginosus Fairmaire, 1888a: 145 [HN]
semifulvus Pic, 1916h: 13 [HN]
and (p. 176)
sinho Danilevsky, 1993d: 114 **A**: NC
MUST BE:
fairmairei Gressitt, 1940c: 180 [RN] **A**: HEB NC NMO SC SE SHA

fuliginosus Fairmaire, 1888a: 145 [HN]
semifulvus Pic, 1916h: 13 [HN]
sinho Danilevsky, 1993d: 114

NOTE:

New synonyms: *Perissus fairmairei* Gressitt, 1940c = *P. sinho* Danilevsky, 1993d, **syn. nov.** are proposed on the base of comparison of the types of *P. sinho* Danilevsky, 1993d (holotype male and paratype female from North Korea – MD) with two series of *P. fairmairei* Gressitt, 1940c from South Korea (8 ex: Mt. Myeongseong-san, 38°11′N, 127°35′E, 3-10.6.2012, S.H.Oh leg. and Mt. Gangdeok-san, 22.5.–13.6.2012, 38°16′N, 127°44′E, S.H.Oh leg. - MD).

29. **page 179**

NEW RECORDS:

Rhaphuma lanzhui Holzschuih, 1991: 48 and *Rhaphuma illicata* Holzschuih, 1991: 50 described from Thailand were recorded (Tian et al., 2012) for China (Yunnan).

30. **page 179**

PRINTED:

rusticus Linnaeus, 1758: 398 (*Leptura*) **E**: AB AL AR AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FI FR GE GG GR HU IT LA LT MC MD NR NT PL PT RO SK SL SP ST SV SZ UK YU **N**: AG MO **A**: ES FE IN KZ MG NC SC TD TM TR WS

MUST BE:

rusticus Linnaeus, 1758: 398 (*Leptura*) **E**: AB AL AR AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FI FR GE GG GR HU IT LA LT LU MC MD NR NT PL PT RO SK SL SP ST SV SZ TR UK YU **N**: AG MO **A**: ES FE IN KZ MG NC SC TD TM TR WS

NOTE:

Xylotrechus rusticus was recorded for Luxembourg (Thoma, 2009).

31. **page 186**

PRINTED:

campestris Faldermann, 1835c: 435 (*Callidium*) **E**: CT MD PLi RO ST UK **A**: ANH ES FE GAN GUI HEB HEI HEN HUB HUN

IN JA JIA JIL JIX KI KZ LIA MG NC NMO QIN SC SCH SHA SHN SHX TD TM UZ XIN XIZ YUN ZHE **ORR**

MUST BE:

campestris Faldermann, 1835c: 435 (*Callidium*) **E**: AB AR CT CZ <u>HU</u> MD PLi RO SK ST UK **A**: ANH ES FE GAN GUI HEB HEI HEN HUB HUN IN JA JIA JIL JIX KI KZ LIA MG NC NMO QIN SC SCH SHA SHN SHX TD TM UZ XIN XIZ YUN ZHE **NAR**i **ORR**

NOTE:

See: Hegyessy G. & Kutasi Cs. (2010a):

32. **page 189**

PRINTED:

shibatai shibatai Hayashi, 1961b: 44 (*Molorchus*) **A**: JA

MUST BE:

shibatai shibatai Hayashi, 1961b: 44 **A**: JA <u>CHQ</u>

NOTE:

Molorchus (s.str.) *shibatai shibatai* Hayashi, 1961b was recorded (as *Glaphyra*) for Chongqing (Liu & Chen, 2012).

33. **page 192**

PRINTED:

brevicorne Plavilstshikov, 1940a: 138 **A**: FE JA

MUST BE:

brevicorne Plavilstshikov, 1940a: 138 **A**: FE JA <u>NC SC</u>

NOTE:

Obrium brevicorne was recorded for Korea by Niisato (1991).

34. **page 192**

PRINTED:

cantharinum cantharinum Linnaeus, 1767: 637 (*Cerambyx*) **E**: AB AR AU BE BH BU BY CR CT CZ EN FI FR GB GE GG HU IR IT LA LT LU MD NE NL NT PL PL RO SK SP ST SV SZ TR UK YU **A**: ES FE KZ MG WS XIN **NTR**i

MUST BE:

cantharinum cantharinum Linnaeus, 1767: 637 (*Cerambyx*) **E**: AB AR AU BE BH BU BY CR CT CZ EN FI FR GB GE GG <u>GR</u> HU

IR IT LA LT LU MD NE NL NT PL PL RO SK SP ST SV SZ UK YU **A**: ES FE KZ MG TR WS XIN **NTR**i
NOTE:
Obrium cantharinum was recorded for Greece (Dascălu et al., 2012).

35. **page 196**
PRINTED:
halodendri ephippium Steven & Dalman, 1817: 157 (*Cerambyx*) **E**: ST UK **A**: KZ
MUST BE:
halodendri ephippium Steven & Dalman, 1817: 157 (*Cerambyx*) **E**: AL BU RO ST UK **KZ** **A**: KZ
NOTE:
Anoplistes halodendri ephippium was recorded for Albania (Muraj, 1960), Bulgaria (Angelov, 1995) and Romania (Panin & Săvulescu, 1961; Serafim, 2009). A single known female from Bulgaria was described as *A. balcanicus* Sláma (2010).

36. **page 198**
PRINTED:
globulicollis Dejean, 1839: 34 **E**: AL AU BH BU CR CT CZ EN FR GR HU IT RO SK SL SP ST YU **A**: KZ WS
MUST BE:
globulicollis Dejean, 1839: 34 **E**: AL AU BH BU CR CT CZ EN FR GR HU IT RO SK SL SP ST SZ YU **A**: KZ WS
NOTE:
See: Chittaro Y. & Sanchez A. (2012)

37. **page 204**
PRINTED:
argentifera Holzschuh, 1984c: 354 (*Euchlanis*) **A**: BT NP
MUST BE:
argentifera Holzschuh, 1984c: 354 (*Euchlanis*) **A**: BT NP YUN
NOTE:
See: Li & Chen (2012).

38. **page 204**
MISSING NAME:
Microdebilissa atripennis (Pu, 1992b: 600, 620, as *Euchlanis*) described from Yunnan.

39. **page 209**
PRINTED:
femoratus Fairmaire, 1859a: 62 **E**: AB AR BE BU FR GG IT LU NL ST TR UK **A**: IN TR
MUST BE:
femoratus Fairmaire, 1859a: 62 **E**: AB AR BE BU FR GG HU IT LT LU ME NL SB ST TR UK **A**: IN TR
NOTE:
Leiopus femoratus was recorded for Hungary (Hegyessy & Kutasi, 2010b).

40. **page 206**
PRINTED:
undulata Hope, 1831: 28 (*Clytus*) **A**: NP SD XIZ **ORR**
hardwicki A. White, 1855: 288 (*Clytus*)
MUST BE:
hardwicki A. White, 1855: 288 (*Clytus*) [RN] **A**: NP SD XIZ **ORR**
undulata Hope, 1831: 28 (*Clytus*) [HN]
NOTE:
According to Tavakilian (personal message, 2013) – not *Clytus undulatus* Say, 1824 [now in *Xylotrechus* – North America].

41. **page 213**
PRINTED:
clavipes Schrank, 1781a: 135 (*Cerambyx*) **E**: AL AB AR AU BH BU CR CT CZ DE EN FI FR GE GG HU IT LA LT MD NR NT PL RO SK SL SP ST SV SZ TR UK YU **N**: AG TU **A**: ES FE HEB KZ JA MG NE TR WS XIN
MUST BE:
clavipes Schrank, 1781a: 135 (*Cerambyx*) **E**: AL AB AR AU BH BU CR CT CZ DE EN FI FR GE GG GR HU IT LA LT MD NR NT PL RO SK SL SP ST SV SZ TR UK YU **N**: AG TU **A**: ES FE HEB KZ JA MG NC NE SC TR WS XIN

NOTE:

The record for Greece: Plewa et al. (2011)

42. **page 213**

PRINTED:

suvorovi Pic, 1914f: 65 (*Hoplosia*) **A**: ES FE JA

MUST BE:

suvorovi Pic, 1914f: 65 (*Hoplosia*) **A**: ES FE JA NC SC

NOTE:

Oplosia suvorovi (Pic, 1914f) was recorded for Korea by Tsherepanov (1984, 1996).

43. **page 217**

PRINTED:

filum Rossi, 1790: 152 (*Saperda*) **E**: AB AL AR AU BH BU CR CZ FR GE GG GR HU IT MA MD PT RO SK SL SP ST SZ TR UK YU **N**: AG MO TU **A**: CY IN IS JO LE SY TR

MUST BE:

filum Rossi, 1790: 152 (*Saperda*) **E**: AB AL AR AU BH BU CR CZ FR GE GG GR HU IT MA MD NL PT RO SK SL SP ST SZ TR UK YU **N**: AG MO TU **A**: CY IN IS JO LE SY TR

NOTE:

See: Belgers (2012).

44. **page 222**

PRINTED:

genei genei Aragona, 1830: 25 (*Saperda*) **E**: AB AL AR AU BH BU CR CZ FR GE GG HU IT RO SK SL SP ST SZ UK YU **A**: CY IS JO TR

MUST BE:

genei genei Aragona, 1830: 25 (*Saperda*) **E**: AB AL AR AU BH BU CR CZ FR GE GG GR HU IT RO SK SL SP ST SZ UK YU **A**: CY IS JO TR

NOTE:

Deroplia genei was recorded for Greece (Dascălu et al., 2012).

45. **page 237**

PRINTED:

genus *Apriona* Chevrolat, 1852: 414 type species *Lamia germari* Hope, 1831

subgenus *Apriona* Chevrolat, 1852: 414 type species *Lamia germari* Hope, 1831

Cylindrapriona Breuning, 1949b: 8 type species *Monochamus cylindricus* J. Thomson, 1857

Humeroapriona Breuning, 1949b: 8 type species *Lamia swainsoni* Hope, 1840

Mesapriona Breuning, 1949b: 8 type species *Apriona punctatissima* Kaup, 1866

MUST BE:

genus *Apriona* Chevrolat, 1852: 414 type species *Lamia germari* Hope, 1831

subgenus *Apriona* Chevrolat, 1852: 414 type species *Lamia germari* Hope, 1831

Anapriona Breuning, 1949b: 8 type species: *Apriona submaculosa* Pic, 1917

Cylindrapriona Breuning, 1949b: 8 type species *Monochamus cylindricus* J. Thomson, 1857

Humeroapriona Breuning, 1949b: 8 type species *Lamia swainsoni* Hope, 1840

Mesapriona Breuning, 1949b: 8 type species *Apriona punctatissima* Kaup, 1866

Parapriona Breuning, 1948a: 17 type species: *Parapriona brunneomarginata* Breuning, 1948

NOTE:

See: Jiroux (2011).

46. **pages 237-238**

PRINTED:

bicolor Kriesche, 1920a: 193 **A**: GUX **ORR**

cinerea Chevrolat, 1852: 416 **A**: AF HP PA UP

newcombei Gilmour, 1958: 112

germari Hope, 1831: 28 (*Lamia*) **A**: ANH FE FUJ GAN GUA GUI GUX HAI HEB HEN HKG HUB HUN JIA JIX LIA NC NP SC SCH SHA SHN SHX TAI XIZ YUN ZHE **ORR**

cribrata J. Thomson, 1878: 57
deyrollei Kaup, 1866: 7
plicicollis Motschulsky, 1854a: 48
rugicollis Chevrolat, 1852: 418
gressitti Gilmour, 1958: 76 **A**: SHG
japonica J. Thomson, 1878: 58 **A**: JA TAI
nobuoi Breuning & K. Ohbayashii, 1966: 32 **A**: JA (Ryukyus) TAI
parvigranula J. Thomson, 1878: 59 **A**: GUA NP "India" **ORR**
paucigranula J. Thomson, 1878: 58 **A**: GUX SD
sublaevis J. Thomson, 1878: 79 **A**: NP "Himalaya"
swainsoni swainsoni Hope, 1840: 79 (*Lamia*) **A**: FUJ GUI HAI HEN JIA SCH YUN **ORR**
basicornis Fairmaire, 1895: 185
trilineata Chevrolat, 1852: 416 **A**: SD
yayeyamai Breuning, 1976d: 739 **A**: JA (Ryukyus)
MUST BE:
cinerea Chevrolat, 1852: 416 **A**: AF HP PA UP XIZ
newcombei Gilmour, 1958: 112
germari germari Hope, 1831: 28 (*Lamia*) **A**: BT NP SD XIZ **ORR**
cribrata J. Thomson, 1878: 57
deyrollei Kaup, 1866: 7
germari parvigranula J. Thomson, 1878: 59 **A**: GUA HAI YUN **ORR**
rugicollis rugicollis Chevrolat, 1852: 418 **A**: ANH FE FUJ GAN GUA GUI GUX HAI HEB HEN HKG HUB HUN JIA JIX LIA NC SC SCH SHA SHN SHX TAI XIZ YUN ZHE
gressitti Gilmour, 1958: 76
japonica J. Thomson, 1878: 58
plicicollis Motschulsky, 1854a: 48
rugicollis nobuoi Breuning & K. Ohbayashii, 1966: 32 **A**: JA (Ryukyus)
rugicollis yayeyamai Breuning, 1976d: 739 **A**: JA (Ryukyus)
paucigranula J. Thomson, 1878: 58 **A**: YUN
sublaevis J. Thomson, 1878: 79 **A**: HAI GUX **ORR**
bicolor Kriesche, 1920a: 193
swainsoni swainsoni Hope, 1840: 79 (*Lamia*) **A**: FUJ GUI HEN JIA NC SC SCH YUN **ORR**
daifungensis Chiang, 1982: 41
kediana Wang, 1999: 125

swainsoni basicornis Fairmaire, 1895: 185 **A**: HAI YUN **ORR**
trilineata Chevrolat, 1852: 416 **A**: SD **ORR**
NOTE:
See: Jiroux (2011).

47. **pages 241, 242, 244, 245, 248, 249 and 753**
PRINTED (p.241):
arietinum phenax Jakovlev, 1900b: 68 **A**: KZ XIN
...
pantherinum pantherinum Jakovlev, 1900a**:** 147 **A**: KZ
and (p.242)
tschitscherini Jakovlev, 1900a**:** 153 **A**: KZ
and (p.244)
bisignatum Jakovlev, 1900b: 66 **A**: TR
and (p.245)
ciscaucasicum Jakovlev, 1900b**:** 59 **E**: ST
and (p.248)
jacobsoni Jakovlev, 1899: 243 **A**: KZ XIN
amymon Jakovlev, 1906c: 276
apicipenne Jakovlev, 1900b: 61
conicolle Breuning, 1946: 130
dsungaricum Pic, 1907f: 104
melancholicum Pic, 1907g: 111
merzbacheri Breuning, 1946: 130
sokolovi Plavilstshikov, 1958a: 270 [unjustified emendation]
sokolowi Jakovlev, 1900a: 151
and (p.249)
laeve hyrcanum Jakovlev, 1900b**:** 64 **A**: IN
and (p.753)
Jakovlev B. E. [Jakowlew] 1900a**:** Quelques nouvelles espèces du sous-genre Compsodorcadion Ganglb. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae* **33**: 147-155.
Jakovlev B. E. [Jakowleff] 1900b**:** Nouvelles espèces du genre Dorcadion Dalm. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae* **34**: 59-70.
MUST BE: (p.241):
arietinum phenax Jakovlev, 1899b: 68 **A**: KZ XIN
...

pantherinum pantherinum Jakovlev, 1899a: 147 **A**: KZ
and (p.242)
tschitscherini Jakovlev, 1899a**:** 153 **A**: KZ
and (p.244)
bisignatum Jakovlev, 1899b: 66 **A**: TR
and (p.245)
ciscaucasicum ciscaucasicum Jakovlev, 1899b**:** 59 **E**: ST
and (p.248)
sokolowi Jakovlev, 1899a: 151 **A**: KZ XIN

amymon Jakovlev, 1906c: 276
apicipenne Jakovlev, 1899b: 61
conicolle Breuning, 1946: 130
dsungaricum Pic, 1907f: 104
jacobsoni Jakovlev, 1899c: 243
melancholicum Pic, 1907g: 111
merzbacheri Breuning, 1946: 130
sokolovi Plavilstshikov, 1958a: 270 [unjustified emendation]

and (p.249)
laeve hyrcanum Jakovlev, 1899b**:** 64 **A**: IN
and (p.753)
Jakovlev B. E. [Jakowleff] 1899a [April]: Quelques nouvelles espèces du sous-genre Compsodorcadion Ganglb. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae* **33** [1901]: 147-155.
Jakovlev B. E. [Jakowleff] 1899b [May]: Nouvelles espèces du genre Dorcadion Dalm. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae* **34** [1899-1900]: 59-70.
NOTES:

According to Kerzhner (1984: 855) the reprints of the corresponding articles were distributed in April **1899** (a) and May **1899** (b). So, the description of *Dorcadion sokolowi* Jakovlev, 1899a were distributed in April 1899 - before *D. apicipenne* Jakovlev, 1899b [May] or *D. jacobsoni* Jakovlev, 1899.

48. **page 242**
PRINTED:
tianshanskii vallesum Danilevsky, 1999b: 27 **A**: KZ
MUST BE:
tianshanskii vallesum Danilevsky, 1999b: 27 **A**: KI KZ

NOTE:

The type locality of the taxon is situated in Kirgizia near Kamyshanovka (left bank of Chu River) and according to the original description the taxon is distributed along left Kirgizian bank of Chu river to about north Bishkek environs.

49. **page 242**

PRINTED:

tschitscherini Jakovlev, 1900a: 153 **A**: KZ

abortivum Suvorov, 1910b: 71
abundans Suvorov, 1910b: 71
mixtum Suvorov, 1910b: 71
perinterruptum Suvorov, 1910b: 71
tshitsherini Plavilstshikov, 1958a: 294 [unjustified emendation]

MUST BE:

tschitscherini Jakovlev, 1900a: 153 **A**: KZ

tshitsherini Plavilstshikov, 1958a: 294 [unjustified emendation]

NOTE:

All four Suvorov's names originally published as variations are unavailable, as all were introduced from one (nominative) population, so its author expressly gave them infrasubspecific rank according to the Article 45.6.4. of ICZN.

50. **page 248**

PRINTED

kalashiani Danilevsky, 1992b: 108 **E**: AB

MUST BE:

kalashiani Danilevsky, 1992b: 108 **E**: AB **A**: IN

NOTE:

The species is known from Iranian localities close to Azerbaijan Talysh Mts – several specimens in my collection.

51. **page 254**

PRINTED:

pallescens Suvorov, 1913: 75

NOTE:

The name *Dorcadion argonauta* var. *pallescens* Suvorov, 1913 is unavailable as it was introduced for the nominative

population, so "its author expressly gave it infrasubspecific rank" according to the Article 45.6.4. of ICZN.

52. **page 255**
PRINTED:
tryphthis Suvorov, 1911a: 61
NOTE:
The name *Dorcadion jakovlevianum* var. *tryphthis* Suvorov, 1911a is unavailable. It was introduced without own area, so from the area of the nominative form and so, "its author expressly gave it infrasubspecific rank" according to the Article 45.6.4. of ICZN.

53. **page 255**
PRINTED:
glicyrrhizae androsovi Suvorov, 1909b: 93 **A**: KZ
barsukorum Suvorov, 1909b: 95
rufiscapus Suvorov, 1909b: 95
MUST BE:
glicyrrhizae androsovi Suvorov, 1909b: 93 **A**: KZ
NOTE:
Both names *Dorcadion androsovi* var. *barsukorum* Suvorov, 1909b and *D. a.* var. *rufiscapus* Suvorov, 1909b are unavailable, as each was introduced from the area of the nominative population, so "its author expressly gave it infrasubspecific rank" according to the Article 45.6.4. of ICZN.

54. **page 255**
PRINTED:
glicyrrhizae inderiense Suvorov, 1911a: 69 **E**: KZ **A**: KZ
penichrum Suvorov, 1911a: 70
MUST BE:
glicyrrhizae inderiense Suvorov, 1911a: 69 **E**: KZ **A**: KZ
NOTE:
The name *Dorcadion inderiense* var. *penichrum* Suvorov, 1911a is unavailable, as it was introduced for the nominative population, so "its author expressly gave it infrasubspecific rank" according to the Article 45.6.4. of ICZN.

55. **page 256**
PRINTED:
leucotaenium Suvorov, 1909a: 82 (*Neodorcadion*)
NOTE:
The name *Neodorcadion grumi* var. *leucotaenium* Suvorov, 1909 is unavailable as it was introdiced for same area as the nominative form: “Ebendaselbst gafangen.”, so “its author expressly gave it infrasubspecific rank” according to the Article 45.6.4. of ICZN.

56. **page 257**
PRINTED:
brandti Gebler, 1841b: 610 (*Dorcadion*) **A**: KZ XIN
NOTE:
The original spelling was: *“brandtii”,* but *“brandti”* must be preserved as being in prevailing usage (Art. 33.3.1 of ICZN).

57. **page 257**
PRINTED:
dux Jakovlev, 1894: 120 (*Neodorcadion*)
MUST BE:
dux Jakovlev, 1893: 120 (*Neodorcadion*)
According to Kerzhner (1984: 855) the separata of Jakowlew’s article were distributed in 1893 (June).

58. **page 273**
PRINTED:
subgenus *Saimia* Pascoe, 1866b: 234 [RN] type species *Samia albidorsalis* Pascoe, 1865
Pachyosa Fairmaire, 1897a: 71 type species *Pachyosa cervinopicta* Fairmaire, 1897
Samia Pascoe, 1864a: 96 [HN] type species *Samia albidorsalis* Pascoe, 1865
alternata Breuning, 1936: 311 (*Saimia*) **A**: TAI **ORR**
atronotata atronotata Kusama & Irie, 1976: 19 **A**: JA
atronotata yamawakii Hayashi, 1976: 11 **A**: JA
cervinopicta Fairmaire, 1897a: 71 (*Pachyosa*) **A**: JA (Ryukyus)
hirtiventris Gressitt, 1937b: 324 (*Coptops*) **A**: JA (Ogasawara)

indica Breuning, 1935e: 265 **A**: UP YUN **ORR**
lata Breuning, 1956g: 677 **A**: "North-west India"
itoi Ohbayashi, 1985: 1 **A**: JA (Ryukyus)
kojimai Hayashi, 1974c: 37 (*Coptops*) **A**: TAI
kuntzeni Matsushita, 1933b: 340 **A**: TAI
obscura Gahan, 1894a: 49 **A**: YUN **ORR**
yunnana Breuning, 1938c: 202 (*Saimia*) **A**: HAI YUN
MUST BE:
subgenus *Saimia* Pascoe, 1866b: 234 [RN] type species *Samia albidorsalis* Pascoe, 1865

Samia Pascoe, 1864a: 96 [HN] type species *Samia albidorsalis* Pascoe, 1865

alternata Breuning, 1936: 311 (*Saimia*) **A**: TAI **ORR**
indica Breuning, 1935e: 265 **A**: UP YUN **ORR**
lata Breuning, 1956g: 677 **A**: "North-west India"
kuntzeni Matsushita, 1933b: 340 **A**: TAI
obscura Gahan, 1894a: 49 **A**: YUN **ORR**
yunnana Breuning, 1938c: 202 (*Saimia*) **A**: HAI YUN
and
genus *Pachyosa* Fairmaire, 1897a: 71 type species *Pachyosa cervinopicta* Fairmaire, 1897

atronotata atronotata Kusama & Irie, 1976: 19 (*Mesosa*) **A**: JA
atronotata yamawakii Hayashi, 1976: 11 (*Mesosa*) **A**: JA
cervinopicta Fairmaire, 1897a: 71 **A**: JA (Ryukyus)
hirtiventris Gressitt, 1937b: 324 (*Coptops*) **A**: JA (Ogasawara)
itoi Ohbayashi, 1985: 1 (*Mesosa*) **A**: JA (Ryukyus)
kojimai Hayashi, 1974c: 37 (*Coptops*) **A**: TAI
NOTE:

According to Yamasako & Ohbayashi (2012) *Pachyosa* Fairmaire, 1897a is a genus with 5 species.

59. **page 278**

PRINTED:
stanleyana stanleyana Hope, 1839: 43 **A:** BT SD SE SW **ORR**
MUST BE:
stanleyana stanleyana Hope, 1839: 43 **A:** BT NP SD SE SW **ORR**
NOTE:

Two females of *Anoplophora stanleyana* preserved in my

collection were collected by M.Cherniakhovsky near Katmandu (25.8.2000 & 9.1997). Both specimens were identified by S.Lingafelter and N. Ohbayashi.

60. **page 291**

PRINTED:

genus *Ioesse* J. Thomson, 1864: 68 type species *Ioesse sanguinolenta* J. Thomson, 1864

Macrocelosterna Pic, 1925c: 3 type species *Macrocelosterna rubra* Pic, 1924

medogensis Chiang & L. Chen, 1992: 69 **A**: XIZ

sanguinolenta J. Thomson, 1864: 68 **A**: YUN **ORR**

rubra Pic, 1925c: 3 (*Macrocelosterna*)

genus *Ithocritus* Lacordaire, 1872: 447 type species *Monohammus ruber* Hope, 1839

niger Pu, 1988: 303 **A**: XIZ

ruber Hope, 1839: 43 (*Monohammus*) **A**: NP SD

MUST BE:

genus *Ioesse* J. Thomson, 1864: 68 type species *Ioesse sanguinolenta* J. Thomson, 1864

Macrocelosterna Pic, 1925c: 3 type species *Macrocelosterna rubra* Pic, 1924

rubra Pic, 1925c: 3 (*Macrocelosterna*) 68 **A**: HAI YUN **ORR**

genus *Ithocritus* Lacordaire, 1872: 447 type species *Monohammus ruber* Hope, 1839

multimaculatus Pic, 1934g: 35 **A**: GUX **ORR**

fascicollis Breuning, 1935b: 171

ruber Hope, 1839: 43 (*Monohammus*) **A**: ?NP ?SD **ORR**

genus *Pseudapriona* Breuning, 1936: 304 type species *Pseudapriona flavoantennata* Breuning, 1936

Parajoesse Breuning, 1982a: 21 type species *Parajoesse nagaensis* Breuning, 1982: 21

flavoantennata Breuning, 1936: 304 **A**: XIZ **ORR**

medogensis Chiang & Chen, 1992, 69 (*Ioesse*)

nagaensis Breuning, 1982a: 21 (*Parajoesse*)

niger Pu, 1988: 300, 303 (*Ithocritus*)

NOTES:

See: Lin & Jiroux (2011).

According to (Ohbayashi & Lin, 2012), the distribution of *Ioesse sanguinolenta* J. Thomson, 1864 is limited to Malaysia. Nepal (NP) and Sikkim (SD) are not included (Ohbayashi & Lin, 2012) in the area of *Ithocritus ruber*, so the species was not regarded as Palaeartic, but according to N.Ohbayashi (personal message, 2012) the species must occur in those areas. The record for Sikkim was published by Breuning (1956), but the records for Nepal are unknown.

61. **page 293**
PRINTED:
atricornis Pic, 1924a: 19 **A**: FUJ GAN GUA GUI GUX HEB HEN HUB HUN JIA JIX NIN NMO SCH SHA YUN ZHE
MUST BE:
atricornis Pic, 1924a: 19 **A**: **FUJ** ?GAN **GUA** GUI **GUX** ?HEB HEN HUB HUN **JIA JIX** ?NIN ?NMO **SCH** ?SHA YUN **ZHE**
NOTE:
See: Lin & Yang, (2012: 1). The occurrence of the species in 7 provinces only were confirmed.

62. **page 302**
PRINTED:
molybdaena Dalman, 1817b: 186 (*Saperda*) **E**: AB AR AU BU CZ GE GG HU IT PT RO SK SP ST SZ UK YU **N**: AG MO TU **A**: IN KZ TM TR WS
MUST BE:
molybdaena Dalman, 1817b: 186 (*Saperda*) **E**: AB AR AU BU CZ GE GG GR HU IT PT RO SK SP ST SZ UK YU **N**: AG MO TU **A**: IN KZ TM TR WS
NOTE:
See: Plewa, Łoś & Górski (2011).

63. **page 302**
PRINTED:
varentzowi Semenov, 1897: 257 **E**: AB AR GG ST **A**: IN KI KZ TD TM UZ
[as *Opsilia*]
and

tekensis Semenov, 1897: 258 **A**: AF IN TM
MUST BE
varentzowi Semenov, 1896: 257 **E**: AB AR GG ST **A**: IN KI KZ TD TM UZ
[as *Phytoecia (Opsilia)*]
and
tekensis Semenov, 1896: 258 **A**: AF IN TM
NOTES:

According to Kerzhner (1984: 855) the separata of the article were distributed in 1896 (September).

The name was introduced as *Phytoecia varentzowi* Semenov, 1896.

64. **page 325**
PRINTED:
coomani Pic, 1926c: 21 **A**: HAI **ORR**
MUST BE:
coomani Pic, 1926c: 21 **A**: HAI YUN **ORR**
NOTE:

See: Lin & Yang (2011).

65. **page 325**
PRINTED:
lacteomaculata lacteomaculata Schwarzer, 1925c: 151 **A**: GUX TAI
MUST BE:
lacteomaculata lacteomaculata Schwarzer, 1925c: 151 **A**: TAI
lacteomaculata quadriguttata Pic, 1926: 22 **A**: GUX YUN **ORR**
NOTE:

See: Lin & Yang (2011).

66. **page 326**
NEW RECORD:

Oriental (Laos) *Glenea subalcyone* Breuning, 1964: 20 was recorded (Lin & Yang, 2011) for China (Yunnan).

67. **page 327**
NEW RECORD:

Oriental *Glenea viridescens* Pic, 1927: 19 was recorded (Viktora & Lin, 2012) for China (Guangxi and Yunnan).

68. **pages 327, 329**
PRINTED (p. 327):
genus *Mandibularia* Pic, 1925a: 24 type species *Mandibularia nigriceps* Pic, 1925
nigriceps Pic, 1925a: 24 **A**: XIZ **ORR**
quadricolor Gressitt, 1951a: 561 **A**: FUJ HUN TAI
and (p. 329)
genus *Parastenostola* Breuning, 1952: 200 type species *Saperda brunnipes* Gahan, 1888
brunnipes Gahan, 1888b: 65 (*Saperda*) **A**: JIX
nigroantennata nigroantennata Lin & Yang, 2008: 12 **A**: GUX
nigroantennata taiwanensis Lin & Yang, 2008: 15 **A**: TAI
MUST BE (p. 327):
genus *Mandibularia* Pic, 1925a: 24 type species *Mandibularia nigriceps* Pic, 1925
nigriceps Pic, 1925a: 24 **A**: XIZ **ORR**
and (p. 329)
genus *Parastenostola* Breuning, 1952: 200 type species *Saperda brunnipes* Gahan, 1888
brunnipes Gahan, 1888b: 65 (*Saperda*) **A**: FUJ HUN JIX
quadricolor Gressitt, 1951a: 561
nigroantennata nigroantennata Lin & Yang, 2008: 12 **A**: GUX
nigroantennata taiwanensis Lin & Yang, 2008: 15 **A**: TAI
NOTE:

See: Lin et al. (2008).

69. **page 331**
PRINTED:
nigricornis Fabricius, 1782: 499 (*Saperda*) **E**: AB AL AR AU BE BH BU BY CR CT CZ EN FI FR GE GG HU IT LA LT LU MC MD NT PL RO SK SL SP ST SV SZ TR UK YU **A**: ES KZ WS
MUST BE:
nigricornis Fabricius, 1782: 499 (*Saperda*) **E**: AB AL AR AU BE

BH BU BY CR CT CZ EN FI FR GE GG GR HU IT LA LT LU MC MD NT PL RO SK SL SP ST SV SZ TR UK YU **A**: ES KZ WS
NOTE:

Phytoecia nigricornis was recorded for Greece (Dascălu et al., 2012).

70. **page 331**
PRINTED:
dubia Laicharting, 1784: 52 (*Saperda*) **E**: AB AR AU BE BH CR CT CZ DE EN FI FR GE GG HU IR IT LS LU MD NL NR PL RO SL SK SP ST SL SV SZ UK YU
tiliae Küster, 1846d: 59
ferrea ferrea Schrank, 1776: **67** (*Cerambyx*) **E**: AB AR AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FI FR GE GG GR HU IT LA LT LU MD NR PL RO SK SL SP ST SZ UK YU **A**: TR
nigripes Fabricius, 1792b: 310 (*Saperda*)
plumbea Bonelli, 1812: 180 (*Saperda*)
ferrea maculipennis Holzschuh, 1982b: 155 **E**: ST
NOTE:

The current system of names and synonyms of *Stenostola* needs types study or corresponding designation of two neotypes (both types seem to be lost). *Saperda dubia* Laicharting, 1784 and *Cerambyx ferreus* Schrank, 1776 could belong to one species.

71. **page 333**
PRINTED:
starkii Chevrolat, 1859a: 541 **E**: AU BH BU BY CR CZ DE FR GB GE GG GR HU IR IT LA LT MD NL NR PL RO SK SL SP ST SV SZ UK YU
MUST BE:
starkii Chevrolat, 1859a: 541 **E**: AU BE BH BU BY CR CT CZ DE FR GB GE GG GR HU IR IT LA LT MD NL NR PL RO SK SL SP ST SV SZ UK YU
NOTE:

Tetrops starkii was recorded for Belgium (Drumont et al., 2012).

72. **page 751**
PRINTED:
Jakobson G. G. 1896a: Tria Coleoptera nova e Rossia europea. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae* **29**: 520-524.
MUST BE:
Jakobson G. G. 1895: Tria Coleoptera nova e Rossia europea. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae* **29** [1895-1896]: 520-524.
NOTE:
According to Kerzhner (1984: 855) the separata of the article were distributed in 1895 (November).

73. **page 775**
PRINTED:
Brullé G. A. 1833: IVe Classe. Insectes. Pp. 64-395. In: Brullé G. A. & Guérin-Méneville F. M. (eds): *Expédition scientifique de Morée. Section des sciences physiques. Tome III. - I. re Partie. Zoologie. Deuxième Section. - Des animaux articulés.* Paris, Strasburg: F. L. Levraul, 400 pp., pls 27-53. [note: pp. 1-240 issued in 1832, pp. 241-400 in 1833; plates in 1832-1836].
MUST BE [according to Löbl & Smetana, 2011: 272]:
Brullé G. A. 1832: IVe Classe. Insectes. Pp. 1-228. In: Bory de Saint-Vincent J.B.G.M.: *Expédition scientifique de Morée. Section des sciences physiques. Tome III. - I. re Partie. Zoologie. Deuxième Section. - Des animaux articulés.* Paris, Strasburg: F. L. Levrault, [1] + 400 + [2(errata)] pp., pls 27-53 [note: pp. 289-400 issued in 1833; plates in 1832-1836].

74. **page 752**
PRINTED:
Jakovlev B. E. [Jakowlew] 1894: Neodorcadion dux; sp. n. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae* **28**: 120-122.
MUST BE:
Jakovlev B. E. [Jakowlew] 1893: Neodorcadion dux; sp. n. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae* **28**: 120-122.
NOTE:
According to Kerzhner (1984: 855) the separata of Jakowlew's article were distributed in 1893 (June).

75. **page 752**

PRINTED:

Jakovlev B. E. [Jakowlew] 1896: Description de quelques longicornes paléarctiques nouveaux ou peu connus. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae* **29** [1894-1895]: 506-514.

MUST BE:

Jakovlev B. E. [Jakowlew] 1895: Description de quelques longicornes paléarctiques nouveaux ou peu connus. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae* **29** [1894-1895]: 506-514.

NOTE:

According to Kerzhner (1984: 855) the separata of Jakowlew's article were distributed in 1895 (November).

76. **page 753**

PRINTED:

Jakovlev B. E. [Jakowlew] 1900a: Quelques nouvelles espèces du sous-genre Compsodorcadion Ganglb. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae* **33**: 147-155.

Jakovlev B. E. [Jakowleff] 1900b: Nouvelles espèces du genre Dorcadion Dalm. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae* **34**: 59-70.

MUST BE:

Jakovlev B. E. [Jakowleff] 1899a [April]: Quelques nouvelles espèces du sous-genre Compsodorcadion Ganglb. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae* **33** [1901]: 147-155.

Jakovlev B. E. [Jakowleff] 1899b [May]: Nouvelles espèces du genre Dorcadion Dalm. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae* **34** [1899-1900]: 59-70.

NOTES:

According to Kerzhner (1984: 855):

the separata of Jakowleff's article "Quelques nouvelles espéses du sous-genre *Compsodorcadion* Ganglb. (Hor. soc. ent Ross., **33**(1901), 1-2: 147-155) were distributed in April 1899, so, Jakowleff (1899a) is the author of:

Dorcadion pantherinum Jakovlev, 1899a: 147

D. sokolowi Jakovlev, 1899a: 150, 151- so the name is older than *D. apicipenne* Jakovlev, 1899b and *D. jacobsoni* Jakowleff, 1899c.

D. tschitscherini Jakovlev, 1899a: 150,153

the separata of Jakowleff's article "Nouvelles espèces du genre Dorcadion Dalm." (Horae Soc. Ent. Ross., 34(1-2) [1899-1900]: 59-70) were distributed in May 1899, so, Jakowleff (1899b) is the author of:

Dorcadion ciscaucasicum Jakovlev, 1899b: 59.
D. apicipenne Jakovlev, 1899b: 61
D. hyrcanum Jakovlev, 1899b: 64
D. bisignatum Jakovlev, 1899b: 66.
D. phenax Jakovlev, 1899b: 68.

77. **page 859**

PRINTED:

Semenov A. P. 1897: Coleoptera asiatica nova. VII. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae* **30** [1896-1897]: 238-259.

MUST BE:

Semenov A. P. 1896: Coleoptera asiatica nova. VII. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae* **30** [1896-1897]: 238-259.

NOTE:

According to Kerzhner (1984: 855) the separata of the article were distributed in 1896 (September).

ACKNOWLEDGEMENTS. I am very grateful to Alexey Gusakov and Andrey Ozerov (Zoological Museum of Moscow University) for the opportunity to study Museum's materials; my hearty thanks to Richard Ambrus, Magdalena Dascalu, Jacek Kurzawa, Maxim Lazarev, Lin Meiying, Aleksander Miroshnikov, Sergey Murzin, Aleksander Napolov, Nobuo Ohbayashi, Hüseyin Özdikmen, Seung Hwan Oh, Gérard Tavakilian and Laura Pedemonte for valuable consultations on many taxonomy problems, their own remarks and providing me with necessary publications.

REFERENCES

Angelov P. 1995. Coleoptera, Cerambycidae. Part 1 (Prioninae, Lepturinae, Necydalinae, Aseminae, Cerambycinae). Fauna Bulgarica, 24. Sofia: 206pp.

Belgers J. Dick M. 2012. De zuidelijke halmboktor Calamobius filum (Coleoptera: Cerambycidae) nu ook in Nederland aangetroffen.- Entomologische Berichten (Amsterdam), 72 (4): 228-230.

Bentanachs J. 2012. Revision del genero Polyzonus Dejean, 1835 y generos afines

(Coleoptera, Cerambycidae, Callichromatini).- Cahiers Magellanes, 8 (N.S.): 1-100.

Breuning S. 1956. Révision des "Petrognathini".- Longicornia, 3: 349-392.

Breuning S. 1964. Contribution à la connaissance des Lamiens du Laos (Coll. Céramb.). Neuvième Partie.- Bulletin de la Société Royale des Sciences Naturelles du Laos, 10: 15–24, 12 figs.

Brullé G.A. 1832: IVe Classe. Insectes. Pp. 1-228. In: Bory de Saint-Vincent J.B.G.M.: Expédition scientifique de Morée. Section des sciences physiques. Tome III. - I. re Partie. Zoologie. Deuxième Section. - Des animaux articulés. Paris, Strasburg: F. L. Levrault, [1] + 400 + [2(errata)] pp., pls 27-53 [note: pp. 289-400 issued in 1833; plates in 1832-1836].

Burmeister E-G. 2012. Der asiatische Moschusbock in Bayern ausgerottet!? Ein Käfer, neu für Deutschland, im Paragraphendschungel (Coleoptera: Cerambycidae, Aromia bungii (Faldermann, 1835)).- Nachrichtenblatt der bayerischen Entomologen 61 (3/4): 80-82.

Burmeister E.-G., Hendrich L. & Balke M. 2012. Der Asiatische Moschusbock Aromia bungii (Faldermann, 1835). Erstfund für Deutschland (Coleoptera: Cerambycidae).- Nachrichtenblatt der bayerischen Entomologen 61 (1/2): 29–31.

Chittaro Y. & Sanchez A. 2012. Purpuricenus globulicollis Dejean, 1839, nouveau pour la Suisse (Coleoptera: Cerambycidae).- Entomo Helvetica, 5: 47-53.

Danilevsky M.L. 2010. Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana, 2010.- Russian Entomological Journal, 19(3): 215-239.

Danilevsky M.L. 2011. Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana, 2010. Part. II.- Russian Entomological Journal, 19 [2010] (4): 313-324.

Danilevsky M.L. 2012a. Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana, 2010. Part. III.- Munis Entomology & Zoology, Vol. 7, No. 1: 109-173.

Danilevsky M.L. 2012b. Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana, 2010. Part. IV.- Humanity Space. International Almanac, Vol. 1, No. 1: 86-136.

Danilevsky M.L. 2012c. Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana, 2010. Part. V.- Humanity Space. International Almanac, Vol. 1, No. 3: 695-741.

Danilevsky M.L. 2012d. Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana, 2010. Part. VI.- Humanity space International almanac, Vol. 1, No 4: 900-943.

Dascălu M.-M., Sama G. & Ramel G. 2012. A report on the Cerambycidae species from the Lake Kerkini National Park, northern Greece.- Analele Ştiinţifice ale Universităţii „Alexandru Ioan Cuza" din Iaşi, s. Biologie animală, 58: 65-76.

Di Iorio O. R. 2004. Especies exóticas de Cerambycidae (Coleoptera) introducidas en la Argentina. Parte 2. Nuevos registros, plantas hospedadoras y estatus actual.- Agrociencia, México, 38 (6): 663-678.
Drumont A., Baugnee J.-I. & Minet G. 2012. Note sur la présence en Belgique de Tetrops starkii Chevrolat, 1859 (Coleoptera, Cerambycidae, Lamiinae).- Lambillionea, 112(2): 167-170.
Hegyessy G. & Kutasi Cs. 2010a: Trichoferus species new to Hungary (Coleoptera: Cerambycidae). Folia Entomologica Hungarica 71: 35-41.
Hegyessy G. & Kutasi Cs. 2010b. First record of Leiopus femoratus Fairmaire, 1859 in Hungary (Coleoptera: Cerambycidae).- Folia Entomologica Hungarica, 71: 43-45.
Kasatkin D.G. & Miroshnikov A.I. 2011. Nekotorye zamechaniya po povodu ispravleniy i dopolneniy k novomu katalogu zhukov-drovosekov (Coleoptera, Cerambycidae) palearctiki [Some notes to corrections and additions to the new Catalog of Palaearctic timber-beetles (Coleoptera, Cerambycidae)]. http://www.zin.ru/animalia/coleoptera/rus/corcenew.htm
Kerzhner I.M. 1984. Daty publikatzii izdaniya "Trudy Russkogo Entomologicheskogo Obshchestva "i "Horae Societatis Entomologicae Rossicae" 1861-1932.- Entomologicheskoe Obozrenie, 63(4): 849-857.
Jiroux E. 2011: Revision du genre Apriona Chevrolat, 1852 (Coleoptera, Cerambycidae, Lamiinae, Batocerini).- Cahiers Magellanes 5: 1-103.
Lazarev M.A. 2012. Revision of the taxonomic structure of Tetrops gilvipes (Faldermann, 1837) (Coleoptera, Cerambycidae).- Humanity space. International almanac, vol. 1, No 4: 944-957.
Li Zh. & Chen L. 2012. A new record species of the genus Microdebilissa Pic and description of male M. atripennis (Pu, 1992) from China (Coleoptera, Cerambycidae, Cerambycinae).- Acta Zootaxonomica Sinica, 37 (3): 654-656.
Lin M.-Y. & Jiroux E. 2011. Notes on the genera Pseudapriona Breuning, 1936, Ithocritus Lacordaire, 1872 and Ioesse Thomson, 1864, of the tribe Petrognathini (Coleoptera, Cerambycidae, Lamiinae).- Les Cahiers Magellanes, No5 (N.S.): 104-114.
Lin M., Li W. & Yang X. 2008: Taxonomic review of three Saperdini genera, Mandibularis Pic, Mimocagosima Breuning and Parastenostola Breuning (Coleoptera: Cerambycidae: Lamiinae: Saperdini). Zootaxa 1773: 1-17.
Lin M.-Y. & Yang X.-K. 2012. Contribution to the Knowledge of the Genus Linda Thomson, 1864 (Part I), with the Description of Linda (Linda) subatricornis n. sp. from China (Coleoptera, Cerambycidae, Lamiinae).- Psyche (Cambridge) 2012, Article ID 672684: 1-8.
Liu Y. & Chen L. 2012: A new record subspecies in the genus Glaphyra (Coleoptera: Cerambycidae: Cerambycinae) from China. Entomotaxonomia 34 (1):58-60.
Löbl I. & Smetana A. 2011. Errata for volume 6, pp. 35-61. In: I. Lobl & A. Smetana (ed.): Catalogue of Palaearctic Coleoptera, Vol. 7. Stenstrup: Apollo Books, 373pp.
López A., García J., Demaestri M., Di Iorio O. & Magris R. 2008. The genus

Arhopalus Serville, 1834 (Insecta: Coleoptera: Cerambycidae: Aseminae) in association to Sirex noctilio in Argentina.- Boletín de Sanidad Vegetal Plagas, 34: 529-531.

Migliaccio E., Georgiev G. & Gashtarov V. 2007. An annotated list of Bulgarian Cerambycids with special view on the rarest species and endemics (Coleoptera: Cerambycidae).- Lambillionea. Revue internationale d'entomologie, 107, N1, supplément 1: 1-79.

Miroshnikov A.I. 2011a. The Longicorn beetles (Cerambycidae) in «Catalogue of Palaearctic Coleoptera. Stenstrup, 2010». Remarks and additions.
- http://www.zin.ru/animalia/coleoptera/rus/corcemir.htm

Miroshnikov A.I. 2011b. The longicorn beetles (Cerambycidae) in "Catalogue of Palaearctic Coleoptera. Stenstrup, 2010". Remarks and additions.- Entomologia Kubanica. Supplement № 1. Krasnodar: 113pp. [in Russian with English abstract]

Miroshnikov A.I. 2011c. [Notes to «Catalogue of Palaearctic Coleoptera. Stenstrup, 2010». 2] [in Russian].- http://www.zin.ru/ANIMALIA/COLEOPTERA/rus/mirosh13.htm

Miroshnikov A.I. 2011d. [Addition to the future article preparing for publication] [in Russian].- http://www.zin.ru/ANIMALIA/COLEOPTERA/rus/mirosh13.htm

Miroshnikov A.I. 2012. Taxonomicheskiy sostav, rasprostranenie i morphologicheskoe raznoobrazie zhukov-drovosekov roda Paraclytus Bates, 1884 (Coleoptera, Cerambycidae), p. 286.- In: VIX s'ezd Russkogo entomologicheskogo obshchestva. Rossiya, Sankt-Peterburg, 27 avgusta – 1 sentyabrya 2012 g. Materialy s'ezda. Saint-Petersburg: 499pp.

Miroshnikov A.I. & Lin M.-Y. 2012. New or little-known species of the genus Paraclytus Bates, 1884 (Coleoptera: Cerambycidae) from China.- Caucasian Entomological Bulletin, 8(2): 246-251, plates 3-6.

Muraj Xh. 1960. Inventarizimi i fam. Cerambycidae ne vendin tone. Quelques Cerambycides en Albanie.- Buletin i Universitetit Shteteror te Tiranes. Seria shkencat Natyrore, 14, Nr. 4: 137-141.

Niisato T. 1991. True Identity of a Japanese Species of the Genus Obrium (Coleoptera, Cerambycidae).- Elytra, 19(2): 158.

Özdikmen H. 2011. Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana (2010) for Turkish taxa.- Munis Entomology & Zoology, 6 (2): 686-734.

Ohbayashi N. & Lin M. 2012: A review of the Asian Genera of the Petrognathini, with Description of a New Species and Proposal of a new Synonym (Coleoptera, Cerambycidae, Lamiinae). Japanese Journal of Systematic Entomology 18(2): 235-251.

Panin S. & Săvulescu N. 1961. Fauna Republicii Populare Romîne. Insecta, 10 (5), Coleoptera. Familia Cerambycidae (Croitori). Bucuresti: 523 pp.

Plewa R., Łoś K. & Górski P. 2011: Nowe dane o rozmieszeniu, biologii i behawiorze gatunków z rodziny kózkowatych (Coleoptera, Cerambycidae) z Grecji. [New data on the distribution, biology and behavior of some longhorn beetles (Coleoptera, Cerambycidae) from Greece]. Elateridarium

5: 232-247.
Say T. 1824. Appendix. Part I. Natural History I - Zoology, in, Narrative of an expedition to the source of St. Peter's river, &c., performed in the year 1823, by order of the Hon. J. C. Calhoun, Secretary of War, under the command of Stephen H. Long, Major U. S. T. E. Philadelphia, H. C. Carey & I. Lea, 2: 268-378.
Sláma M. 2010. Contribution to the recognition of Cerambycidae (Cerambycidae).- Biocosme Mésogéen, Nice, 27(3): 74-86.
Sherborn C.D. & Woodward B.B. 1901. Dates of Publications of the Zoological and Botanical portions of some French Voyages. - Part II.- The Annals and Magazine of Natural History, (7) 8: 333-336.
Thoma J. 2009. Xylotrechus rusticus (Linnaeus, 1758), coleoptere longicorne nouveau pour la faune du Luxembourg (Insecta, Coleoptera, Cerambycidae).- Bulletin de la Societe des Naturalistes Luxembourgeois, 110: 153-154.
Tian L.-Ch., Chen L. & Li Zh. 2012. Six new record species of Clytini from China (Coleopter, Cerambycidae, Cerambycinae).- Acta Zootaxonomica Sinica, 37 (2): 440-443.
Tsherepanov A. I. 1996: 104. Fam. Cerambycidae – Usatchi ili drovoseki, 56-140.- In: Opredelitel nasekomykh Dalnego Vostoka Rossii, Vol. 3. Zhestkokrylye ili Zhuki, P. 3. Vladivostok: Dalnauka: 555pp.
Viktora P. & Lin M.Y. 2012. Some new country records of five species of Glenea Newman (Coleoptera: Cerambycidae: Lamiinae: Saperdini) from the Oriental Region.- Entomotaxonomia, 34 (1): 50-57.
Wang Q. & Leschen A. B. 2003. Identification and distribution of Arhopalus species (Coleoptera: Cerambycidae: Aseminae) in Australia and New Zealand.- New Zealand Entomologist, 26: 53-59.
Xie G.L. & Wang W. K. 2009. A new species of Polyzonus Castelnau (Coleoptera, Cerambycidae) from China.- Zootaxa, 2017: 58-60.
Yamasako J. & Ohbayashi N. 2012. Revision of the reinstated genus Pachyosa Fairmaire, 1897 (Coleoptera: Cerambycidae: Lamiinae: Mesosini).- Zoological Studies, 51(6): 819-831.

Received: 05.02.2013
Accepted: 15. 02.2013

Humanity space International almanac VOL. 2, No 1, 2013: 211-221

New and poorly known species of the genus *Cortodera* Mulsant, 1863 (Coleoptera, Cerambycidae) from Kazakhstan

M.L. Danilevsky

A.N. Severtzov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, Leninsky prospect 33, Moscow 119071 Russia
e-mail: danilevskyml@rambler.ru, danilevsky@cerambycidae.net

Key words: Coleoptera, Cerambycidae, taxonomy, new species, new subspecies, Kazakhstan.
Abstract: *Cortodera komarovi* Danilevsky, 1996, **stat. rest.** is restored as a species. *C. k. solodovnikovi,* **ssp. n.** is described from Aktolagay Ridge. *C. k. romantzovi,* **ssp. n.** is described from near Aktobe (Aktyubinsk) in north-west Kazakhstan. *C. k. sarysuensis* **ssp. n.** is described from Karaganda Region in Central Kazakhstan (Taldy-Manak river southwards Zhana-Arka and Kokshetau Mt. near Tersakan river). *Cortodera ivanovi,* **sp. n.** is described from Emba river valley in west Kazakhstan. *C. turgaica* Danilevsky, 1996, **stat. n.** is upgraded to species level.

Several specimens of extremely rare *Cortodera* species were recently collected in Kazakhstan. New materials allow better understanding the nature of several local forms and descriptions of new taxa.

Most of photographs are prepared by the author, with the exception of *Cortodera turgaica* from Naurzum arranged by S. Kakunin (Krasnodar).

Cortodera komarovi Danilevsky, 1996, stat. rest.

(Figs 1-6, Map: 1-6)

Cortodera komarovi Danilevsky, 1996: 63 - “NW Kazakhstan, Uralsk Area, Furmanovo”; Althoff & Danilevsky, 1997: 11.
Cortodera ruthena komarovi, Danilevsky, 2001: 8.
Cortodera pallidipes komarovi, Danilevsky & Smetana, 2010: 123.
Cortodera tibialis komarovi, Danilevsky, 2010: 225.

Type locality (Map: 1)**.** North-West Kazakhstan: Furmanovo (now Zhalpaktal - 49º40’N, 49º27’E) environs – according to the original description.

Amphygenetic species; males and females are usually rather

similar (females are unknown in the nominative subspecies); apical joint of maxillary palpi strongly widened, axe-like; antennae lightened distally or totally yellowish; 1st , 3rd and 4th joints are about equal in length and shorter that 5th, but in general 4th joint is the shortest of four; elytra without long erect setae; dirty-yellow, usually darkened along suture; prothorax strongly transverse or (in certain males) nearly as wide at base as long; lateral tubercles indistinct; pronotum with mixed erect and recumbent pubescence; pronotal punctation moderately dense with distinct space between dots; elytra in males distinctly converging posteriorly, sometimes (in certain males) rather strong; elytra in females nearly parallelsided; legs in males totally black with anterior tibiae often slightly lightened; femora bases also can be a little lightened; legs in females usually lighter, all tibiae can be yellowish, as well as bases of all femora; body length in males 7.7-9.1 mm, body length in females: 8.5-10.6mm

Distribution (Map: 1-6). Western part of north Kazakhstan from about west republic border to Karaganda Region.

Biology. Species is not connected with river valleys and known from dry desert and semidesert areas. Imagoes are active from May to June.

Cortodera komarovi komarovi Danilevsky, 1996
(Map: 1)

Type locality (Map: 1)**.** North-West Kazakhstan: Furmanovo (now Zhalpaktal - 49º40’N, 49º27’E) environs.

Females are unknown; numerous known males from the type locality are all similarly colored; antennae from totally dark to strongly lightened distally; narrow black line along suture sometimes indistinct; elytral recumbent pubescence more adpressed; elytral punctation relatively fine; legs totally black or anterior tibiae slightly lightened, femora bases never lightened; last elytral sternite often yellowish; body length 7.7-9.1 mm.

Distribution (Map: 1)**.** Only one locality known: North-West Kazakhstan: Furmanovo (now Zhalpaktal - 49º40’N, 49º27’E) environs.

Biology. All specimens (about 20 males) were collected 20.6.1992.

Cortodera komarovi solodovnikovi ssp. n.

(Figs 1-2, Map: 2)

Type locality (Map: 2)**.** West Kazakhstan, Aktolagay Ridge, 47°36'40.88"N, 54°47'3.21"E.

Description. Antennae totally dark-brown or lightened distally or (one female) lightened basally; 1st , 3rd and 4th joints are about equal in length and shorter that 5th; elytra dirty-yellow, usually darkened along suture; prothorax in males from 1.4 to 1.1 wider than long, in females - about 1.3 times wider than long; elytra with less adpressed recumbent pubescens, in males and in females about 2.2 times longer than wide; with less fine puncation; legs in males totally black; in females can be about similarly colored with slightly lightened anterior tibiae and femora bases or with all tibiae and femora bases reddish; abdomen totally black; body length in males 8.0-8.6mm, body length in females: 8.5-8.8mm

Materials. Holotype, male, West Kazakhstan, Aktolagay Ridge, 47°36'40.88"N, 54°47'3.21"E, 88m, 7-11.5.2004, I.A. Solodovnikov leg. – author's collection; 6 paratypes with same label: 2 males and 2 females in author's collection (both females with damaged abdominal apex), 1 male in collection of A. Napolov (Riga), 1 male in collection of A. Shapovalov (Orenburg).

Biology. All specimens were collected by soil (*Carabus*) traps. The biotope is semidesert with poor *Artemisia*-*Poaceae* vegetation.

Remark. *C. k. solodovnikovi* **ssp. n.** differs from the nominative subspecies by distinctly darker antennae, less adpressed elytral pubescence, totally black abdomen.

The new subspecies is dedicated to Igor Solodovnikov (Vitebsk), who collected the type series.

Cortodera komarovi romantzovi ssp. n.

(Figs 3-4, Map: 3-4)

Type locality (Map: 3)**.** Kazakhstan, Aktobe (Aktyubinsk) Region, Temir river Valley near Pokrovskiy, 240m [about 49°19'50"N, 57°02'55"E].

Description. Only 1 male and 1 female available. Body black with yellow elytra; anterior and posteior margins of female prothorax

brownish; antennae of both specimens a little darkened at middle and lightened basally and distally, but 1st antennal joint about totally (male) or partly (female) black; legs black with slightly darkened anterior tibiae and bases of hind femora in female; abdomen totally black.

Head short; last joint of maxillary palpi elongated, more widened in female; 3rd and 4th antennal joints about equal in length and about as long as 1st, much shorter than 5th; prothorax moderately wide, in male about 1.2 times wider than long, in female about 1.3 wider than long; a little widened laterally near middle; pronotum with less dense fine punctation, the distance between dots can be as wide as size of a dot; smooth central longitudinal line indistinct in male or very narrow in female; pronotal pubescence with mixed erect, semierect and recumbent setae; elytra in male strongly tapering posteriorly, in female - about parallelsided; in male and in female about 2.2 times longer than wide; elytral punctation rather dense, small, and regular, similar in male and in female; elytral pubescence relatively short, in male with several erect or semierect setae anteriorly, absent in female; pygidium in male and in female narrowly truncated; postpygidium in male with very small emargination; last abdominal sternite in male with small emargination, in female - widely rounded; body length in male: 8.8mm, width: 2.7mm; body length in female: 9.8mm, width: 2.9mm.

Materials. Holotype, male, Kazakhstan, Aktobe (Aktyubinsk) Region, Temir river near Pokrovskiy, 240m [about 49°19'50"N, 57°2'55"E], 22.5.2000, P.V. Romantzov leg. – author’s collection; paratype, female, Kazakhstan, Aktobe (Aktyubinsk) Region, Karakhobda river near Alpaysay, 174m [about 50°12'20"N, 56°13'20"E], 26.5.2000, P.V. Romantzov leg. – author’s collection.

Remark. Male of *C. k. romantzovi* **ssp.n.** is very similar to males of *C. k. komarovi*, but differs by much longer apical jonts of maxillary palpi, relatively longer 3rd antennal joint; less dense and shorter pronotal and elytral pubescence. Female of *C. k. romantzovi* **ssp.n.** differs from females of *C. k. solodovnikovi* **ssp. n**. by much bigger size and elongated epical palpal joints.

The new subspecies is dedicated to Pavel Romantzov (Sankt-Petersburg), who collected the type series.

Cortodera komarovi sarysuensis ssp. n.
(Figs 5-6, Map: 5-6)

Cortodera ruthena turgaica Danilevsky, 2001: 9, part. - “Central and North Kazakhstan from Arkalyk and Naurzum in Kustanai region to Tengiz Lake in Astana region and Zhana-Arka in Karaganda region. One specimen is known from Russia (South Urals in Miass environs, Cheliabinsk region)”.
Cortodera pallidipes turgaica, Danilevsky & Smetana, 2010: 123, part.
Cortodera tibialis turgaica, Danilevsky, 2010: 225, part.

Type locality (Map: 5)**.** Kazakhstan, Karaganda Region, valley of Taldy-Manak river about 25 km southwards Zhana-Arka [Atasu], 48°27'48"N, 71°41'15"E.

The type series of *C. ruthena turgaica* Danilevsky, 2001 is recognized to be consisted of two rather different species. One of them is described bellow as a new subspecies of *Cortodera komarovi.*

Description. Only one pair (male and female) available. Body black with light-brownish elytra and antennae; lateral areas of prothorax in female also brown, as well as anterior and posterior pronotal areas and abdominal apex; male elytra darker than female, darkened along epipleura, with very narrow black sutural line; legs in male black with sligtly lightened anterior tibiae and tarsi; in female all femora orange-yellow with black apices, all tibiae and tarsi also orange-yellow, anterior tarsi slightly darkened.

Head rather short; last joint of maxillary palpi short, widened apically, wider in male, than in female; 1st antennal joint in male about as long as 4th, longer than 3rd and shorter than 5th; in female 1st joint as long as 3rd, longer than 4th and shorter than 5th; prothorax relatively wide, in male about 1.2 times shorter, than basal width, in female about 1.3 times shorter, than basal width; a little widened laterally beforte middle; pronotum with very dense regular fine punctation, the dots nearly tuching each other; smooth central longitudinal line very narrow and short, in male about indistinct; male pronotal pubescence consists of long erect and shorter semierect setae; female pronotal pubescent is similar, but shorter and more adpressed; elyra in male strongly tapering posteriorly, in female - just a little; in male about 2.14 times longer than wide, in female - about 2.13 times; elytral punctation rather dense, small and

regular, in female finer, than in male; elytral pubescence relatively short, in male with several erect setae anteriorly; pygidium in male rounded, postpygidium shallowly emarginated; pygidium in female widely rounded with very small emargination; last abdominal sternite in male with very small emargination, in female - widely rounded; body length in male: 8.5mm, width: 2.9mm; body length in female: 10.6mm, width- 3.3mm.

Materials. Holotype (paratype of *C. ruthena turgaica* Danilevsky, 2001), male, Kazakhstan, Karaganda Region, valley of Taldy-Manak river about 25 km southwards Zhana-Arka [Atasu], 48°27'48"N, 71°41'15"E, 516m, 11.6.1958, V.I. Tobias leg. – Zoological Institute (Sankt-Petersburg); female, paratype (paratype of *C. ruthena turgaica* Danilevsky, 2001), Kazakhstan, Akmolinsk Region [now Karaganda Region], Arkalyk env., Tersakan river valley, Mt. Kokshetau [49°57'26.86"N, 67°33'27.42"E], about 400m, 29.5.1957, A. Emelianov leg. – Zoological Institute (Sankt-Petersburg).

Remark. Male of *C. k. sarysuensis,* **ssp. n.** is characterized by wide prothorax covered with long pubescence, light anterior tibiae and tarsi, light antennae – especially light basal antennal joints, wich are usually black or dark brown in other subspecies. Female of *C. k. sarysuensis,* **ssp. n.** has much lighter legs and antennae than females of *C. k solodovnikovi,* **ssp. n.** or *C. k. romantzovi,* **ssp. n.**

Cortodera turgaica Danilevsky, 2001, stat. n.

(Figs 7-11, Map: 7-10)

Cortodera ruthena turgaica Danilevsky, 2001: 9, part. - “Central and North Kazakhstan from Arkalyk and Naurzum in Kustanai region to Tengiz Lake in Astana region and Zhana-Arka in Karaganda region. One specimen is known from Russia (South Urals in Miass environs, Cheliabinsk region)”.
Cortodera pallidipes turgaica, Danilevsky & Smetana, 2010: 123, part.
Cortodera tibialis turgaica, Danilevsky, 2010: 225, part.

Type locality (Map: 7)**.** Kazakhstan, Kustanay Region, 30km NE Arkalyk, Zharkol Lake, 330m, 50°25'12"N, 67°13'26"E.

Description. Only 6 males and 1 female available. Body in males black or dark brown with yellow or brown elytra; a single known female totally orange, but it could be the result of prematurity; male antennae totally light or basal half considerably darkened, dark-

brown; anterior and posterior pronotal margins can be brown; elytra yellow, brown or dark brown; legs in males always yellow or orange-brown or brown with narrowly darkened femora apices; last abdominal sternites can be partly lightened.

Head short; last joint of maxillary palpi very short, widened apically, or a little elongated (male from Emba valley and in female); 3rd and 4th antennal joints very short and about equal in length, shorter than 1st and much shorter than 5th; prothorax moderately wide, in males from about 1.1 to 1.2 times wider than long, in female about 1.3 times wider than long; a little widened laterally near middle; pronotum often with less dense fine punctation, the distance between dots can be as wide as size of a dot; smooth central longitudinal line usually distinct with typically radially disposed setae arround; male pronotum with sparse erect setae mixed with numerous semierect and recumbent pubescence; female pronotum without erect setae; elytra in males strongly tapering posteriorly, in female - nearly parallelsided anteriorly; in males from 2.1 to 2.3 times longer than wide, in female – about 2 times; elytral punctation rather dense, small, and regular, similar in males and in female; elytral pubescence in males moderately long with several erect or semierect setae anteriorly; elytral pubescence in female very short, without erect or semierect setae; last abdominal tergites and female sternites widely rounded; last abdominal sternites in males slightly emarginated; body length in males: 5.5-9.0mm, width: 1.8-2.9mm; body length in female: 6.5mm, width: - 2.2mm.

Distribution. Central part of north Kazakhstan: from Emba river to Karaganda Region: Zharkol Lake near Arkalyk, 50°25'12"N, 67°13'26"E (type locality); Kurgaldzhinsky Natural Reserve in Astana Region, about 50°14'N, 67°E; Naurzum Natural Reserve in Kustanay Region; Emba river valley, 15km north-eastwards the city, 48°54'N, 58°18’E.

Materials. Holotype (*C. ruthena turgaica* Danilevsky, 2001), male, Kazakhstan, Kustanay Region, 30km NE Arkalyk, Zharkol Lake, 330m, 50°25'12"N, 67°13'26"E, 27.7.1958, M.I. Falkovitch leg. – Zoological Institute (Sankt-Petersburg); 6 paratypes: 1 male (paratype of *C. ruthena turgaica* Danilevsky, 2001), same locality, 12.7.1958, Dorokhina leg. – author’s collection; 1 female (paratype of *C. ruthena turgaica* Danilevsky, 2001), Kazakhstan, Kustanay Region, 10km northwards from Zharkol Lake,

23.7.1957, L. Arnoldi leg. – Zoological Institute (Sankt-Petersburg); 1 male (paratype of *C. ruthena turgaica* Danilevsky, 2001), Kazakhstan, Astana Region, Kurgaldzhinsky Natural Reserve, Kulanutpes river [about 50°14'N, 67°E], 8.6.1962, L.Arnoldi leg. – Zoological Institute (Sankt-Petersburg); 1 male, about same locality, 7.6.1962, I.M. Kerzhner leg. – collection of A. Napolov (Riga); 1 male (paratype of *C. ruthena turgaica* Danilevsky, 2001), Kazakhstan, Kustanay Region, Naurzum Natural Reserve, 27.6.1940, A. Kamensky leg. – collection of A. Miroshnikov (Krasnodar); 1 male, Kazakhstan, 15km NE Emba, 48°54'N, 58°18'E, 270m, 20.5.2012 A.Ivanov leg. – author's collection.

Remark. *C. turgaica* Danilevsky, 2001, **stat. n.** is sympatric with *C. komarovis sarysuensis,* **ssp. n.** It can be easily identified by bicolored legs in males, light antennae and very special character of pronotal pubescence with radially disposed setae arround smooth area.

The population from Emba river valley is known after a single male only. That specimen is considerably darker than any of all other males of the species, with exceptionally dark, nearly black 3rd-6th antennal joints. So, it can represent a new local subspecies.

Cortodera ivanovi sp. n.

(Fig. 12, Map: 11)

Type locality (Map: 11)**.** Kazakhstan, Aktobe (Aktyubinsk) Region, Emba river Valley, Alshinsay, 80m, 47°38'N, 55°57'E.

Description. Only 1 male available. Body black including all legs and antennae, only bases of anterior tibiae red; distal antennal joint slightly brownish.

Head short; last joint of maxillary palpi strongly widened apically, axe-like; 3rd antennal joint about as long as 1st and much longer than short 4th joint, but shorter than 5th joint; prothorax wide, about 1.2 times wider than long; a little widened laterally near middle; pronotum with moderately dense fine punctation, the distance between dots can be as wide as size of a dot or wider near middle; smooth central longitudinal line distinct but very narrow; pronotal pubescence with mixed erect, semierect and recumbent setae; elytra strongly tapering posteriorly; about 2 times longer than wide; elytral punctation dense and very distinct with partly conjugated dots; elytral pubescence very short, semierect with several erect setae near humeri; pygidium with very deep round

emargination; postpygidium narrowly rounded; last abdominal sternite with small emargination; body length: 9.3mm, width: 3.0mm.

Materials. Holotype, male, Kazakhstan, Aktobe (Aktyubinsk) Region, Emba river Valley, Alshinsay, 80m, 47°38'N, 55°57'E, 11.5.2011 A.Ivanov leg. – author's collection.

Remark. The taxon does not look close to any other *Cortodera*, because of rather short body, sparse pronotal punctation and very dense elytral punctation. The color of the holotype is quite unique; no other so black specimens are known from Kazakhstan.

The new taxon is dedicated to Alexander Ivanov (Ekaterinburg), who collected the holotype.

Acknowledgements. The author is very gratitude to the staff of Zoolological Museum of Moscow University and Zoological Institute in Sankt-Petersburg for the assistance with study museums' materials and heartily grateful to all friends and colleagues for their help with information and specimens for study and specially to: Pavel Gorbunov (Ekaterinburg), Kirill Dovgaylo (Minsk), Alexander Ivanov (Ekaterinburg), Sergey Kakunin (Krasnodar), Maxim Lazarev (Moscow), Alexander Miroshnikov (Krasnodar), Alexander Napolov (Riga), Pavel Romantzov (Sankt-Petersburg), Andrey Shapovalov (Orenburg), Igor Solodovnikov (Vitebsk).

REFERENCES

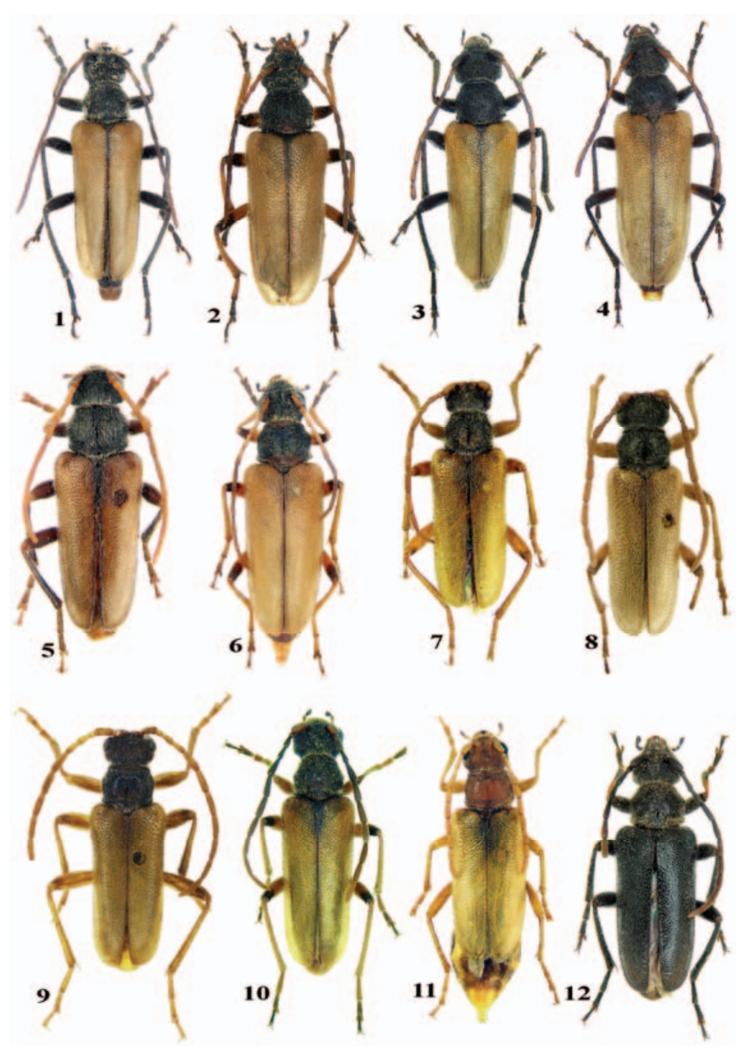
Althoff J. & Danilevsky M.L. 1997. A check-list of Longicorn beetles (Coleoptera, Cerambycoidea) of Europe.- Slovensko Entomolosko Drustvo Stefana Michielija. Ljubljana. 64pp.

Danilevsky M.L. 1996. New Longicorn Beetles (Coleoptera, Cerambycidae) from South East Europe.- Russian Entomological Journal. 4 (1995), 1-4: 63-66.

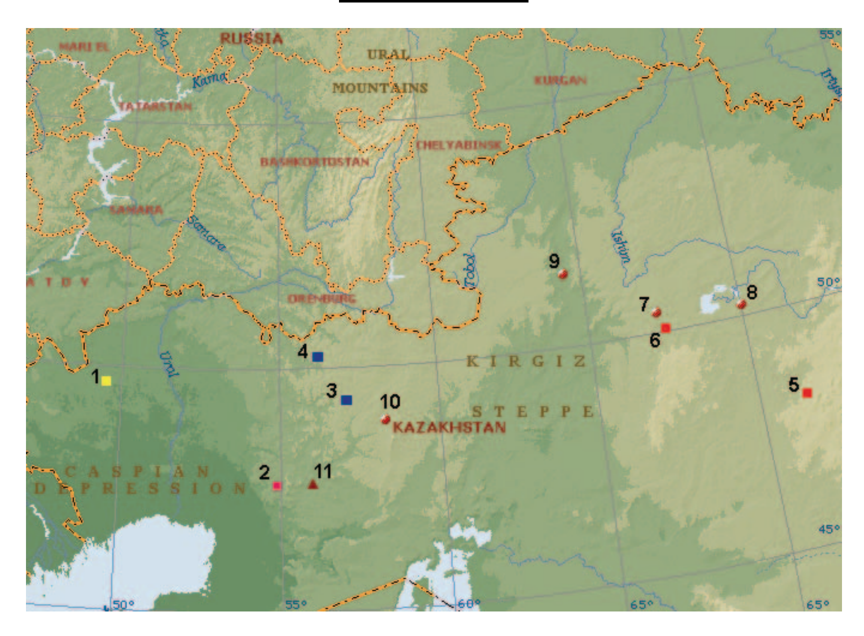
Danilevsky M.L. 2001. Review of Cortodera species close to C. reitteri Pic, 1891 and C. ruthena Plavilstshikov, 1936, part II. (Coleoptera, Cerambycidae).- Les Cahiers Magellanes. 8: 1-18.

Danilevsky M.L. 2010. Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana, 2010. Part. I.- Russian Entomological Journal. 19, 3: 215-239.

Danilevsky M.L. & Smetana A. 2010. [Cerambycidae taxa from Russia and countries of former Soviet Union, and Mongolia].- In I. Lobl & A. Smetana (ed.): Catalogue of Palaearctic Coleoptera, Vol. 6. Stenstrup: Apollo Books, 924pp.



Figs 1-2. *C. k. solodovnikovi,* **ssp. n.**: 1 - male, holotype; 2 - female, paratype. **Figs 3-4.** *C. k. romantzovi,* **ssp. n.**: 3 - male, holotype; 4 - female, paratype. **Figs 5-6.** *C. k. sarysuensis,* **ssp. n.**: 5 - male, holotype; 6 - female, paratype. **Figs 7-11.** *C. turgaica,* **stat. n.**: 7 - male, holotype; 8 - male, paratype, Kazakhstan, Kurgaldzhinsky Natural Reserve, Kulanutpes river, 8.6.1962, L. Arnoldi leg.; 9 - male, paratype, Kazakhstan, Naurzum Natural Reserve, 27.6.1940, A. Kamensky leg.; 10 - male, paratype, Kazakhstan, 15km NE Emba, 20.5.2012, A. Ivanov leg.; 11 - female, paratype, Kazakhstan, 10km to the north from Zharkol Lake, 23.7.1957, L. Arnoldi leg. **Fig. 12.** *Cortodera ivanovi,* **sp. n.** - male, holotype.



1 - *Cortodera komarovi komarovi* - Furmanovo.
2 - *C. k. solodovnikovi,* **ssp. n.** - Aktolagay Mts.
3-4 - *C. k romantzovi,* **ssp. n.**: 3 - Temir river, near Pokrovskiy (type locality), 4 - Karakhobda river near Alpaysay.
5-6 - *C. k. sarysuensis,* **ssp. n.**: 5 - valley of Taldy-Manak river (type locality), 6 - Tersakan river valley, Mt. Kokshetau.
7-10 - *C. turgaica,* **stat. n.**: 7 - Zharkol Lake (type locality),
8 - Kurgaldzhinsky Natural Reserve, Kulanutpes river, 9 - Naurzum Natural Reserve, 10 - 15km NE Emba.
11 - *C. ivanovi,* **sp. n. -** Aktolagay Ridge.

Received: 08.02.2013
Accepted: 11.02.2013

Humanity space *International almanac* VOL. 2, No 1, 2013: 222-234

New subspecies of *Dorcadion scabricolle* (Dalman, 1817) of Iran and Azerbaijan (Coleoptera, Cerambycidae)

M.A. Lazarev

Bolshaya Serpukhovskaya str. 34, building 4, apartment 79, Moscow 115093 Russia; e-mail: cerambycidae@fromru.com

Key words: Coleoptera, Cerambycidae, Dorcadionini, *Dorcadion,* taxonomy, new subspecies.
Summary: Three new subspecies *Dorcadion* (*Cribridorcadion*) *scabricolle skoupyi*, **ssp. n.** *D.* (*C.*) *s. gilanense***, ssp. n.** and *D.* (*C.*) *s. sagezense*, **ssp. n.** are described from Iran. *D.* (*C.*) *s. subcorpulentum* Breuning, 1946, **new rank**. is downgraded from a species.

INTRODUCTION

Several series of *D. scabricolle* collected recently in Iran by Czech Republic colleagues allowed me to begin the study of the taxonomy diversity of Iranian populations.
Several abbreviations used in the text:
MD - collection of M. Danilevsky, Moscow (Russia)
ML - collection of M. Lazarev, Moscow (Russia)
VS - collection of V. Skoupý, Kamenné Žehrovice (Czech Republic)
ZIN - Zoological Institute of Russian Academy of Sciences, Sankt-Petersburg (Russia)
ZMM - Zoological Museum of Moscow State University, Moscow (Russia)

Dorcadion (*Cribridorcadion*) *scabricolle* (Dalman, 1817)

(Figs 1-16; Map: 1-11)

Lamia (*Dorcadion*) *scabricolle* Dalman, 1817: 174 - "Habitat in Georgia".
Dorcadion corpulentum Ménétriés, 1832: 226 - "Lenkoran".
Dorcadion scabricolle, Ménétriés, 1832: 226 - "Lenkoran"; Falderman, 1837: 279; Kraatz, 1873: 50 - "Caucasus, Georgien, Persien"; Ganglbauer, 1884: 490 - "Caucasus, Persien"; Plavilstshikov, 1948: 131, 148 - Armenia, Transcaucasia, West Asia; Fuchs & Breuning, 1971: 437 - "Yozgat"; Demelt, 1963: 146 - "Akshehir"; Abai, 1969: 52 - "Azerbaidjan: Tabriz, Ardabil, Moghan"; Braun, 1978: 104 - several locality Turkey and Iran;

Miroshnikov, 2004: 136 - “Caucasus, Grozny, Vostrikov”; Özdikmen, 2006: 82 - “Ankara: Kizilcahamam, Yukari Canli; Ankara: Kizilcahamam, Salin village; Ankara: Kizilcahamam, Yenimahalle village; Ankara: Ayaş road, Başayaş village env., Ayaş Beli”; 2007: 307 - “Caucasus, Armenia, Azerbaijan, Transcaucasia, Turkey, Iran”; Özdikmen, Turgut & Güzel, 2009: 86 - “Ankara: Ayaş; Kizilcahamam, Işik Daği”; Özdikmen, 2011: 65 - Western and Eastern Mediterranean; 2012: 79.

Dorcadion modestum Tournier, 1872: 338.

Dorcadion scabricolle var. D. (“*Dorc. lutescens* Kraatz”), 1873: 50.

Dorcadion scabricolle sevangense Reitter, 1889: 41 - “Gotschka- oder Sevangasees im nördlichen, russischen Armenien”, Dani1evsky, 1999: 25; 2010: 252.

Dorcadion scabricolle caramanicum K. Daniel & J. Daniel, 1903: 332 - Cilicischer Taurus; Danilevsky, 2010: 252.

Dorcadion scabricolle elisabethpolicum Suvorov, 1915: 119 - Elisabethpol environs [now Gindzha].

Dorcadion (*Compsodorcadion*) *scabricolle,* Plavilstchikov, 1932: 193 - “Transcaucasia”.

Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *scabricolle* m. *aeruginosum* Breuning, 1946: 121 - “Ak-Cheir, Anatolie”; 1958: 30.

Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *scabricolle* m. *basalireductum* Breuning, 1946: 121 - “Suvant, Caucase”; 1958: 30.

Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *scabricolle* m. *latefasciatum* Breuning, 1946: 121 - “Erivan, Transcaucasie”

Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *scabricolle* m. *bulghardaghense* Breuning, 1946: 121 - “Bulghar-Maaden, Anatolie”; 1958: 30.

Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *scabricolle* m. *nubilosum* Breuning, 1946: 121 - “Erivan, Transcaucasie”; 1958: 30.

Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *subcorpulentum* Breuning, 1946: 121 - “Choi, Perse.”.

Dorcadion scabricolle var. *micheli* Pic, 1948: 13 - “Aresch”.

Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *scabricolle* m. *albithorax* Breuning, 1956: 724 - “environs d`Ankara”; 1958: 30.

Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *scabricolle* m. *postceinteruptum* Breuning, 1956: 724 - “environs d`Erivan”; 1958: 30.

Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *scabricolle* m. *sevangense,* Breuning, 1958: 30.

Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *scabricolle* m. *caramanicum,* Breuning, 1958: 30.

Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *scabricolle* m. *modestum,* Breuning, 1958: 30.

Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *scabricolle* m. *corpulentum,* Breuning, 1958: 30; 1962: 458, part. (= *micheli* Pic, 1948).

Dorcadion(*Pedestredorcadion*) *scabricolle* m. *elisabethpolicum* Breuning, 1958: 30.

Dorcadion scabricolle m. *corpulentum ab. supermodestum* Plavilstchikov, 1958: 218.

Dorcadion scabricolle m. *latefasciatum,* Breuning, 1958: 30; Abai, 1969: 52 - ”Azarbaidjan: Azarschahr”.

Dorcadion (*Autodorcadion*) *scabricolle,* Plavilstchikov, 1958: 215.

Dorcadion scabricolle m. *scabricolle ab. solitaneum* Plavilstchikov, 1958: 217.

Dorcadion scabricolle m. *masculochromum* Plavilstchikov, 1958: 217.
Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *scabricolle,* Breuning, 1958: 30 - "Perse, Transcaucasie, Anatolie"; 1962: 456 - "Von Persirn: Mts. Elbrus über Transkaukasien und Armenien bis Anatolien, ca. die Umgebung von Ankara, der Sultan Dagh und der Bulghar Dagh verbreitet"; Sama G., Rapuzzi P. & Özdikmen H., 2012: 35 - "Sivas: 20 km east of the crossroad to Zara; Beypinari; Tunceli: 15 km north of Pülümür".
Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *scabricolle paphlagonicum* Breuning, 1962: 459 - "Anatolien: Kastamuni"; Danilevsky, 2010: 252.
Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *scabricolle* m. *subbasalireductum* Breuning, 1962: 459 - "Anatolien: Kastamuni".
Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *scabricolle* m. *humeralibivittatum* Breuning, 1962: 459 - "Anatolien: Kastamuni".
Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *scabricolle balikesirense* Breuning, 1962: 460 - "Anatolien: Balikesir"; Danilevsky, 2010: 252.
Pedestredorcadion scabricolle, Villiers, 1967: 365 - "Iran: Tabriz; Kiklik-Dagh; Mazanderan, Ghilan, Talysh; Lurestan et de Zendjan à Ardebil".
Pedestredorcadion subcorpulentum, Villiers, 1967: 365 - "Iran: Choi".
Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *scabricolle uludaghicum* Breuning, 1970: 98 - "Turquie: l`Ulu Dagh prés de Brousse".
Dorcadion scabricolle corpulentum, Abai, 1969: 53 - "Azarbaidjan: Thabriz"; Fuchs & Breuning, 1971: 437 - "Van zu. Oezalp".
Dorcadion scabricolle paphlagonicum, Fuchs & Breuning, 1971: 437 - "Kusonkiran".
Dorcadion scabricolle nakhiczevanum Dani1evsky, 1999: 28 - "Azerbaidzhan Republic, Nakhichevan, south slope of Bichenek pass (Batabad)"; 2010: 252.
Dorcadion scabricolle paiz Dani1evsky, 1999: 28 - "Azerbaidzhan, Nakhichevan, Paiz"; 2010: 252.
Dorcadion (*Cribridorcadion*) *scabricolle scabricolle*, Dani1evsky, 1999: 25 - Armenia (Arai-Ler Mt., Ashotzk, Biurakan, Gami, Gehard, Dzhrarat, Dzhrvezh, Khosrov, Marmashen, Megri, Nubarashen, Tzahkadzor, Tzovagiuh), Azerbaidzhan (Khanlar, Gasmalian, Mistan) and in Nakhichevan part (Bichenek, Buzgov, Negram), allover Turkey and in North Iran; 2010: 252; Özdikmen, 2010: 1149, 1160 - "Kharamanmaraş prov.: Afşin, Emirilyas village, Mağaraözü district"; Özdikmen, 2012: 79.
Dorcadion (*Cribridorcadion*) *scabricolle,* Özdikmen, Güven & Gören, 2010: 1149, 1160 - "Kharamanmaraş prov.: Afşin, Emirilyas village, Mağaraözü district"; Sakenin et al., 2011: 10 "Iran: West Azarbayjan province: Salmas".
Dorcadion (*Cribridorcadion*) *scabricolle crassofasciatum* Özdikmen, 2013: 56 - "Turkey: Anatolia: Balıkesir prov.: Edremit, Sarıkız hill, 39°42'N 26°49'E".

Type locality. Georgia – according to the original description.
Diagnosis. Head usually glabrous, or pubescent in autochromal

females; antennae thick, reaching apical elytral forth (males) or elytral middle (females), black with red 1st joint or sometimes totally black; prothorax transverse with wide rounded lateral tubercles; pronotum usually glabrous and shining, with very rough more or less dense punctation (sometimes lusterless with very dens punctation), or pubescent and less roughly punctuated in autochromal females; elytra regularly oval with very dense regular pubescence, usually mostly black in males and androchromal females, very rare about totally white in certain subspecies or partly brownish in androchromal females; short semierect elytral setae indistinct, or hardly visible in females; males always without dorsal elytral stripes, often small basal rudiments present on form of white spots; only autochromal females often with wide irregular partly interrupted dorsal pale stripes; humeral and sutural stripes always well developed, narrow or wide, often with irregular internal margins, sometimes widened to about whole elytral surface, making elytra totally white; humeral white elytral stripes never accompanied with velvety black lines; elytral carinae usually absent or slightly pronounced; legs are usually totally red, but sometimes more or less darkened, with dense pale pubescence; femora and tibiae densely punctated; abdomen with dense recumbent white pubescence, finely punctated; last abdominal tergites widely rounded, sternites finely emarginated; body length in males: 10,9-16,3 mm, width: 3,9-5,2 mm; body length in females: 12,1-18,4 mm, width: 5,1-7,2 mm.
Distribution. About whole Transcaucasia (Georgia, Armenia, Azerbaijan), North Iran, Turkey.

***Dorcadion* (*Cribridorcadion*) *scabricolle scabricolle* (Dalman, 1817)**
(Figs 15-16)

Lamia (*Dorcadion*) *scabricolle* Dalman, 1817: 174 - “Habitat in Georgia”.

Type locality. Georgia - according to the original description.
Diagnosis. Pronotum in males and in androchromal females with very dense punctation, nearly lusterless, male elytra with very narrow regular sutural and humeral stripes; body length in males: 10,9-16,3 mm, width: 3,9-5,2 mm; body length in females: 12,1-18,4 mm, width: 5,1-7,2 mm.

Distribution. Georgia (figs 15-16) only specimens from near Mtskheta available; Armenia, known localities are: Aragyukh (40˚24´41.24´´N 44˚31´47,88´´E), Arai-Ler Mt., Ashotsk, Byurakan, Garni, Gehard, Dzhrarat, Dzhrapi (40˚33´1.88´´N 43˚41´36,66´´E), Dzhrvezh, Erivan, Haizavan, 3 km SE Ishkhanasar (39˚33´2.03´´N 46˚4´27,22´´E), Khosrov, Makenis, Marmashen, Megri, Novoseltsevo (41˚04´01.66´´N 44˚17´24,82´´E), Nubarashen, Sevan Lake, 2 km E Sisian Pass (39˚40´30´´N 45˚45´E), 4 km NW Tekh (39˚34´6.97´´N 46˚25´46,64´´E), Tsahkadzor, Tsovagyukh; Azerbaijan (Ganja fomerly Elisavetpol), Khanlar, three localities are known in Nakhichevan area (Bichenek, Buzgov, Gemur, Negram); several populations in North Iran and Turkey.
Materials. 2 males, 2 females, Georgia, Mtskheta, 07.04.2010 - MD; big series from different localities of Armenia, Azerbaijan, Nakhichevan and Turkey - ZIN, ZMM, MD, ML.

***Dorcadion* (*Cribridorcadion*) *scabricolle skoupyi* ssp.n.**
(Figs 1-4; Map: 1-2)

Pedestredorcadion scabricolle, Villiers, 1967: 365 part. - "Iran: Tabriz; Kiklik-Dagh; Mazanderan, Ghilan, Talysh; Lurestan et de Zendjan à Ardebil".

Type locality. Iran: Ardabil pr., E of Khalkhal.
Diagnosis. Antennae black, with dark-red 1st joint; vertex roughly punctated; pronotum in males shining with scattered big dots; elytral stripes in males relatively wide, humeral stripes widened posteriorly with irregular margin; sutural stripe often about two times narrower than humeral; basal rudiments of dorsal stripes usually absent, but sometimes present; legs totally dark-red; females androchromal or autochromal, ground elytral pubescence black or brown, poorly developed pale dorsal elytral stripe if present, then irregular and never complete; humeral and sutural stripes rather wide and irregular; body length in males: 13.2-16.4 mm, width: 4.6-5.7 mm; body length in females: 14.4-17.8 mm, width: 5.5-6.9 mm.
Distribution. Iran: Ardabil pr., E of Khalkhal, 2100 m; road to pass Khalkhal / Asalem, 2068 m. (37°35' N, 48°38'E); 20 km NW Kiwi; 10 km N Khalkhal, Ali-abad.
Material. Holotype, 1 male, "Iran, Ardabil pr., E of Khalkhal, 2100 m., 26.05.2010, Skoupý leg." - ML; 88 Paratypes: 42 males, 8 females, Iran,

Ardabil pr., E of Khalkhal, 2100 m., 26.05.2010, Skoupý - VS, ML, Michálik: Hlinik nad Hronom (Slovakia); 25 males, 2 females, Iran, Ardabil pr., Khalkhal, 2068 m., 37°35' N, 48°38'E, 26.05.2010, Zd. Košťál – VS, ML; 3 males, 3 females, Iran, Ardabil pr., road to pass Khalkhal / Asalem, 2068 m., 37°35' N, 48°38'E, 26.05.2010, Michálik - VS; 1 male, 1 female, IR (Azarbaijan), 20 km NW Kiwi, 2000 m, (loc.-Hashtian), 14.04.1996, W.Heinz - MD; 1 male, 2 females, IR Azerb., 10 km N Khalkhal, Ali-abad, 1500 m, 14.04.1996, W.Heinz - MD.

Etymology. The new subspecie is dedicated to Vladimír Skoupý (Czech Republic), who collected the most part of the type series.

Dorcadion (*Cribridorcadion*) *scabricolle gilanense* ssp.n.

(Figs 5-6; Map: 3-4)

Type locality. Iran: Gilan, Umg. Kharpu.

Diagnosis. Antennae black with red 1st joint; vertex moderately roughly punctated; pronotum in males shining, with scattered medium-sized dots, which are never conjugated; elytral stripes in males narrow, humeral stripe about as wide as sutural or wider; basal rudiments of dorsal stripes absent; legs totally red; females only androchromal, pronotal dots small and can be rather dense; body length in males: 14.0-15.4 mm, width: 4,8-5.7 mm; body length in females: 14.4-15.2 mm, width: 5.6-6.1 mm.

Distribution. Iran: Gilan, Umg. Kharpu; Deylaman E of Rudbar.

Material. Holotype, 1 male, "IR Gilan, Umg. Kharpu, 2000 m., 12.IV.1996, Heinz leg." - MD; 7 Paratypes: 1 female, IR (Gilan), Kharpu, 2000 m, 12.04.1996, W.Heinz - MD; 2 males, 1 female, Iran, Gilan, Umg. Kharpu, 2000 m. 12.04.1996, Heinz - VS, ML; 2 males, 1 female, Iran, Gilan, Deylaman E of Rudbar, 13.06.2009, Heinz - VS.

Dorcadion (*Cribridorcadion*) *scabricolle sagezense* ssp.n.

(Figs7-8; Map: 5-6)

Type locality. Iran: Kordestan, 6 km N Sagez,

Diagnosis. Vertex moderately punctated; pronotum in males with very dense, relatively small, partly conjugated punctation; elytral stripes in males regular, very narrow, about equal in width; very distinct basal rudiments of dorsal stripes always present; females only autochromal; ground elytral pubescence brown or pale brown;

elytral carinae better pronounced; humeral stripes about two times wider than sutural; body length in males: 13.2-16.4 mm, width: 4.6-5.7 mm; body length in females: 15.4-17.8 mm, width: 6.0-6.9 mm.
Distribution. Iran: 6 km N Sagez; 60 km NE of Takab.
Material. Holotype, 1 male, "Ir (Kordestan), 1500 m, 6 km n. Sagez, 24.III.1996, Heinz leg." - ML; 5 Paratypes: 1 male, 2 females, Iran, Kordestan, 6 km N Sagez, 1500 m, 24.03.1996, W.Heinz - VS, ML; 2 males, Iran pr., Azerbaijan, 60 km NE of Takab, 04.06.2010, Scoypý - VS.

***Dorcadion* (*Cribridorcadion*) *scabricolle subcorpulentum* Breuning, 1946, new rank**

(Figs 9-12; Map: 7-9)

Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *subcorpulentum* Breuning, 1946: 121 - "Choi, Perse."; 1962: 460.
Pedestredorcadion subcorpulentum Villiers, 1967: 365 - "Iran: Choi"
Pedestredorcadion scabricolle, Villiers, 1967: 365, part. - "Iran: Tabriz; Kiklik-Dagh; Mazanderan, Ghilan, Talysh; Lurestan et de Zendjan à Ardebil"

Type locality. Iran: Khoy.
Diagnosis. Antennae totally black; legs also very dark; vertex finally punctated; pronotum in males regularly punctated with relatively small dots; elytral stripes in males regular, sutural stripe about two times wider than humeral; very distinct basal rudiments of dorsal stripes present; females androchromal or autochromal with dark-brown ground pubescence; humeral elytral stripes about two times wider than sustural; body length in males: 14.5-16.5 mm, width: 5.7-5.9 mm; body length in females: 13.5-14.1 mm, width: 5.3-6.3 mm.
Distribution. Iran: 25 km SW Khoy; 15 km SE Salmas (Shahpur), (loc.-Hashtian); Paβ s. Gushchi (n.Urmia)
Material. 1 male, IR Azarbaijan, 25 km SW Khoy, 1500 m, 17.04.1996, Heinz - MD; 1 male, 1 female, IR (Azarbaijan), Paβ s. Gushchi (n.Urmia), 1700 m, 17.04.1996, W.Heinz - MD; 4 females, IR (Azarbaijan), 15 km SE Salmas (Shahpur), 1300 m, (loc.-Hashtian) 17.04.1996, W.Heinz - MD, ML.
Remark. *D. subcorpulentum* was described on the base of a single female similar to *D. scabricolle.* Three series of specimens close to its type locality show its real nature conspecific to *D. scabricolle* with a few but constant peculiar characters.

Dorcadion (*Cribridorcadion*) *scabricolle corpulentum* Ménétriés, 1832
(Figs 13-14; Map: 10-11)

Dorcadion corpulentum Ménétriés, 1832: 226 - "Lenkoran"
Dorcadion scabricolle, Ménétriés, 1832: 226 - "Lenkoran"; Plavilstshikov, 1948, part.: 131, 148 - Armenia, Transcaucasia, West Asia; Abai, 1969, part.: 52 - "Azerbaidjan: Tabriz, Ardabil, Moghan"; Özdikmen, 2007, part.: 307 - "Caucasus, Armenia, Azerbaijan, Transcaucasia, Turkey, Iran".
Dorcadion scabricolle m. *basalireductum* Breuning, 1946: 121 - "Suvant, Caucase"; 1958: 30.
Dorcadion (*Pedestredorcadion*) *scabricolle* m. *corpulentum,* Breuning, 1958: 30; 1962: 458, part. (= *micheli* Pic, 1948).
Pedestredorcadion scabricolle, Villiers, 1967: 365, part. - "Iran: Tabriz; Kiklik-Dagh; Mazanderan, Ghilan, Talysh; Lurestan et de Zendjan à Ardebil"
Dorcadion scabricolle corpulentum, Abai, 1969: 53, part. - "Azarbaidjan: Thabriz"; Fuchs & Breuning, 1971: 437, part. - "Van zu. Oezalp"
Dorcadion (*Cribridorcadion*) *scabricolle scabricolle*, Dani1evsky, 1999, part.: 25 - Armenia (Arai-Ler Mt., Ashotzk, Biurakan, Gami, Gehard, Dzhrarat, Dzhrvezh, Khosrov, Marmashen, Megri, Nubarashen, Tzahkadzor, Tzovagiuh), Azerbaidzhan (Khanlar, Gasmalian, Mistan) and in Nakhichevan part (Bichenek, Buzgov, Negram), allover Turkey and in North Iran.

Type locality. Talysh, Zuvand - according to the location of typical population in Lenkoran District.

Diagnosis. Antennae usually totally black; vertex with fine punctation, pronotum in males shining, with moderately rough very dense punctation, with partly conjugated dots; sutural and humeral elytral stripes narrow with regular margins, sutural stripe about 1.5 times wider than humeral stripe; basal rudiments of dorsal stripes distinct; femora nearly black, tibiae rather darkened; females androchromal or autochromal, ground elytral pubescence black or brown, poorly developed pale dorsal elytral stripe if present, then irregular and never complete; elytral carinae hardly visible; body length in males: 13.5-16.8 mm, width: 4.6-5.4 mm; body length in females: 12.5-18.0 mm, width: 5.2-6.6 mm.

Distribution. Azerbaijan: Talysh, Zuvand, Gasmalyan, Lerik, Bilyasar.

Material. 1 female, Zuvand, Lerik, 02.05.1974, V.Murzin - MD; 15 males, 13 females, Gasmalyan, 31.05.1979, 01-02.06.1979, 04.06.1979, 19-20.04.1980, 27.04.1984, 28.05.1987, M.Danilevsky - MD, ML; 8 males, 6 females, Talysh, Gasmalyan, 27.04.1984, I.Belousov - MD; 10 males, 2

females, Talysh, Gasmalyan, 10-23.05.1987, 26.05.1987, A.Dantchenko - MD; 39 males, 16 females, Talysh, Zuvand, 21.04-09.05.1988, A.Chuvilin - MD; 3 males, 2 females, Bilyasar, 16.05.1987, I.Belousov - MD.

Acknowledgements. I am very grateful to Andrey Ozerov, Aleksey Gusakov (Zoological Museum of Moscow University) and Andrey Lobanov (Zoological Institute, Sankt-Petersburg) for providing me with specimens for study as well as to V. Skoupý, Kamenné Žehrovice (Czech Republic) and M. Danilevsky, Moscow (Russia).

REFERENCES

Abai M., 1969. List of Cerambycidae family in Iran.- Entomologie et Phytopatologie appliquees, 28: 47-54.

Braun W. 1978. Die Dorcadienausbeute der Forschungsreisen von W.Heinz 1963-1977. Faunistische Aufstellung, Beschreibung einer neuen Unterart und Bemerkungen zur Systematik wenig bekannter Arten (Coleoptera, Cerambycidae).- Sonderabdruck aus dem Nachrichtenblatt der Bayerischen Entomologen, 6: 101-116.

Breuning S. 1946: Nouvelles formes de Dorcadion (Col. Cerambycidae).- Miscellania Entomologia. 43: 93-132.

Breuning S. 1956: Quelques nouvelles formes du genres Dorcadion Dalm. Longicornia. 3: 723-728.

Breuning S. 1962. Revision der Dorcadionini (Coleoptera, Cerambycidae).- Entomol. Abhand. und Berichte Staat. Mus. Tierk. Dresden, 27: 1-665

Breuning S. 1970. Nouveaux Dorcadion des collections du Museum de Paris.- L 'Entomologiste. 24: 97-101.

Dalman J. W. 1817. [new taxa]. In: Schönherr C. J.: Appendix ad C. J. Schönherr Synonymiam insectorum Tom. I. Part 3. Sistens descriptiones novarum specierum. Scaris: Officina Lewerenziana. 266 pp., 2 pls.

Daniel K. & Daniel J. 1903. Nova, von Hauptmann v. Bodemeyer in Kleinasien gesammelt.- Munchener Koleopterologische Zeitschhrift. 1 [1902-1903]: 319-332.

Danilevsky M.L., 1999, Two new subspecies of Dorcadion scabricolle Dalman, 1817 close to D. scabricolle sevangense Reitter, 1889 from Transcaucasia (Coleoptera, Cerambycidae).- Lambillionea. 99(1): 25-30.

Danilevsky M.L., 2010. tribe Dorcadionini, pp. 241-264.- In I. Lobl & A. Smetana (ed.): Catalogue of Palaearctic Coleoptera, Vol. 6. Stenstrup: Apollo Books. 924pp.

Demelt C. von 1963. Beitrag zur Kenntnis del' Cerambycidenfauna Kleinasiens llnd 13. Beitrag zur Biologie palaearkt. Cerambyciden, sowie Beschreibung einer neuer Oberea-Art. Entomologische Blatter. 59: 132-151.

Ganglbauer L. 1884. Bestimmungs-Tabellen der europaeischen Coleopteren. VIII. Cerambycidae.- Verh. zool.-bot. Ges. Wien. 33: 437-586.

Faldermann F. 1837. Fauna Entomologica Trans-Caucasica. Coleoptera II.

Nouvelles Mémoires de la Société des Naturalistes de Moscou 5: 1-433. [separate issue: Fauna entomologica Trans-Caucasica. Coleoptera. Pars 2. Moscou: l'imprimerie d'Auguste Semen, Imprimeur de l'Academie Impériale Medico-Chirurgicale, 433 pp., pl. 1-15].

Fuchs E. & Breuning S. 1971. Die Cerambycidenausbeute der Anatolienexpeditionen 1966 - 1967 des Naturhistorischen Museums, Wien.- Annalen des Naturhistorischen Museums in Wien. 75: 435-439.

Kraatz G. 1873. Die Käfer Europa's. Nach der Natur beschrieben. Im Anschluss an die Käfer Europa's von Dr. H. C. Küster. Mit Beiträgen von H. v. Kiesenwetter. 29. Heft. Nürnberg: Bauer & Raspe (Emil Küster), [8] + 101 numbered sheets.

Miroshnikov A.I. 2004. [To the knowledge of timber-beetles (Coleoptera, Cerambycidae) of Caucasus.- Actual questions of plant protection, agrochenistry, agrosoilstudy and insect fauna in Krasnodar Region. Transactions of Kuban State Agricultural University]. 409(437): 133-138 [in Russian]

Ménétriés E. 1832. Catalogue raisonné des objets de zoologie recueillis dans un voyage au Caucase et jusqu'aux frontières actuelles de la Perse entrepris par l'ordre de S. M. l'Empereur. St.-Pétersbourg: Académie Impérial des Sciences, xxxiii + 272 +iv + [1] pp., 5 pls.

Özdikmen H. 2006. Contribution to the knowledge of Turkish longicorn beetles fauna (Coleoptera: Cerambycidae).- Munis Entomology & Zoology. 1(1): 71-90.

Özdikmen, H., 2007. The Longicorn Beetles of Turkey (Coleoptera: Cerambycidae). Part I - Black Sea Region.- Munis Entomology & Zoology. 2(2): 179-422.

Özdikmen H. 2011. The Longicorn Beetles of Turkey (Coleoptera: Cerambycidae). Part IV-Mediterranean Region.- Munis Entomology & Zoology, 6(1): 61-145.

Özdikmen H. 2012. Naked list of Turkish Cerambycoidea and Chrysomeloidea (Coleoptera).- Munis Entomology & Zoology. 7(1): 51-108.

Özdikmen H. 2013. p. 56 [new subspecies]: In: Küçükkaykı E.C., Şirin Ü., Çalışkan H. & Şenyüz Y. Preliminary work on Longhorned Beetles fauna of Kaz Dağları (Ida Mountain) and near with two new subspecies (Coleoptera: Cerambycidae).- Munis Entomology & Zoology. 8 (1): 50-62.

Özdikmen H., Turgut S. & Güzel S. 2009. Longhorned beetles of Ankara region in Turkey (Coleoptera: Cerambycidae).- Munis Entomology & Zoology. 4(1): 59-102.

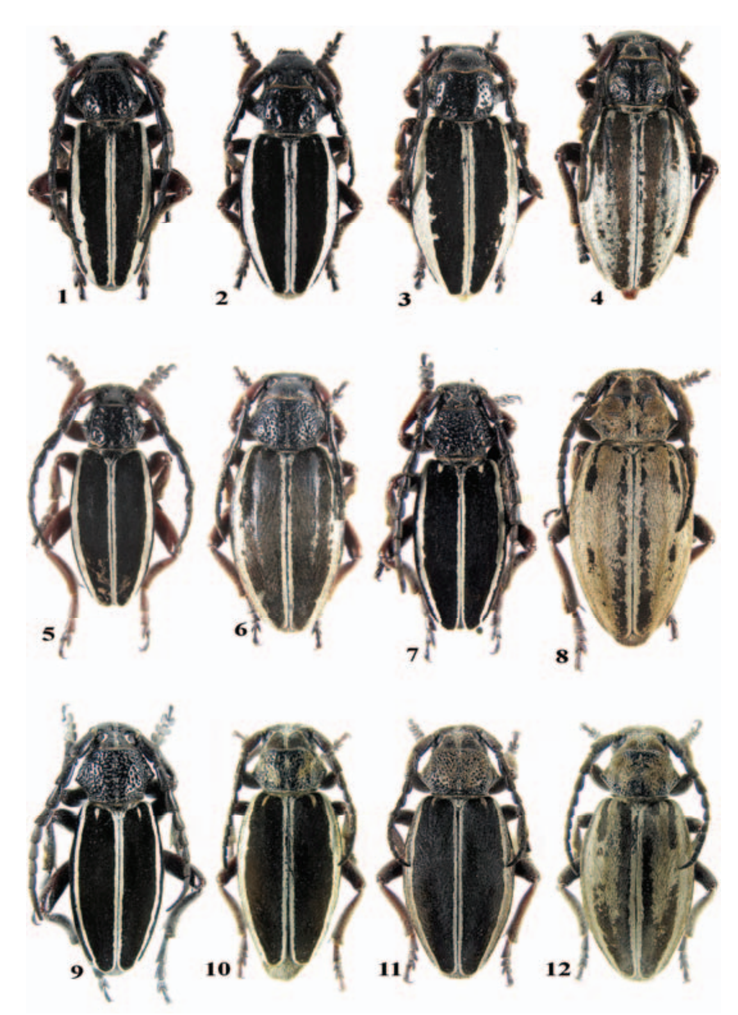
Özdikmen H., Güven M. & Gören C. 2010. Longhorned beetles fauna of Amanos Mountains, Southern Turkey (Coleoptera: Cerambycidae).- Munis Entomology & Zoology. 5, suppl.: 1141-1167.

Sakenin H., Samin N., Beitollahi S.M., Ezzatpanah S., Havaskary M., Rastegar J., Valizadeh A. & Shakouri M.J. 2011. A study on the longhorn beetles (Coleoptera: Cerambycidae) from northwestern Iran.- Calodema, 143: 1-19.

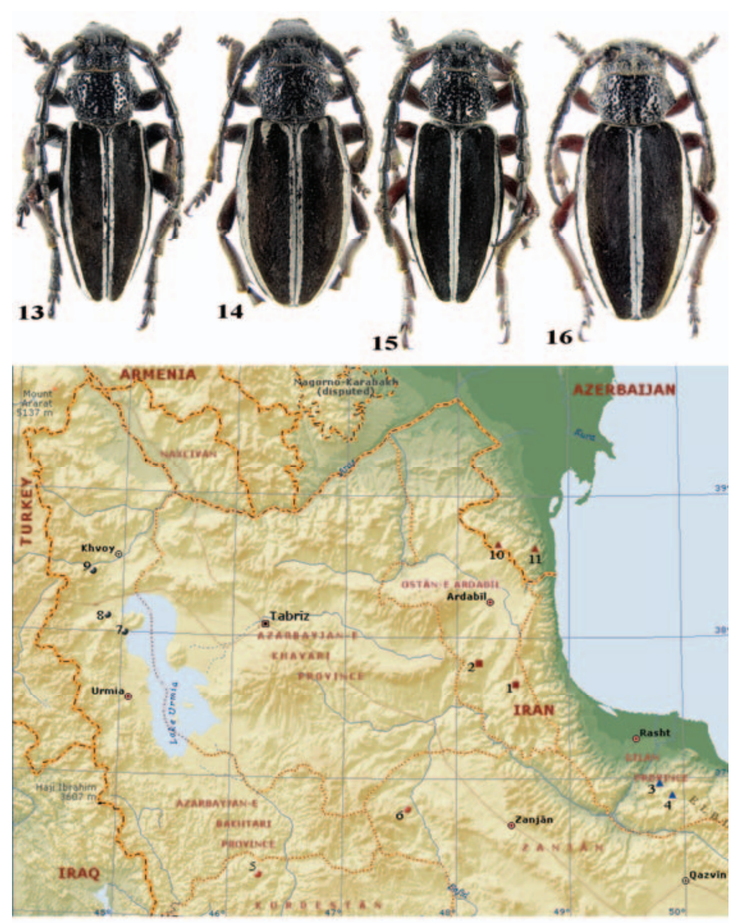
Pic M. 1948. Coléoptères du globe (suite).- L'Échange, Revue Linnéenne. 64(514): 13-16.

Plavilstshikov N.N. 1932 Timber-beetles - Timber Pests. Moscow, Leningrad: 200

pp. [in Russian]
Plavilstshikov N.N. 1948. [A Key for Longicorn Beetles of Armenia. Erevan]: 232 pp. [in Russian]
Plavilstshikov N.N. 1958. Faune de l'URSS. Insects Coléptères. V.23 (1). Cerambycidae (P.3). Sous-famille Lamiinae, p.1. Moscou, Leningrad: 592 pp.
Reitter E. 1889. Neue Coleopteren aus Europa, den angrenzenden Landem und Sibirien, mit Bemerkungen tiberbekannte Arten. Sechster Theil.- Deutsche Entomologische Zeitschrift. 33(1): 17-44.
Sama G., Rapuzzi P. & Özdikmen H. 2012. Preliminary report of the entomological surveys (2010, 2011) of G.Sama and P.Rapuzzi to Turkey (Coleoptera: Cerambycidae).- Munis Entomology & Zoology. 7(1): 22-45.
Tournier H. 1872. Catalogue des longicornes récoltés par M. Théophile Deyrolle, en Imerétie, Mingrélie et Georgie, et description des espèces nouvelles.- Revue et Magasin de Zoologie. (2)23: 257-261, 276-292, 338-349.
Villiers A. 1967: Contribution a la faune de I' lran. I: Coleopteres Cerambycidae.- Annales de la Societe Entomologique de France (N. S.) 3: 327-379.



Figs 1-4. *D.* (*C.*) *s. skoupyi,* **ssp.n.:** 1 HT (male), 3-4 PT (female) - Iran, Ardabil pr., E of Khalkhal, 2100 m., 26.05.2010, V.Skoupý; 2 - Paratype, female, Iran, Ardabil pr., E of Khalkhal, 2068 m., 26.05.2010, 37°35' N, 48°38'E, 26.05.2010, Zd.Košťál; **Figs 5-6.** *D.* (*C.*) *s. gilanense,* **ssp.n.:** 5 - Holotype, male, Iran, Gilan, Umg. Kharpu, 2000 m., 12.04.1996, W.Heinz; 6 - Paratype, female, Iran, Gilan, Deylaman E of Rudbar, 13.06.2009, W.Heinz; **Figs 7-8.** *D.* (*C.*) *s. sagezense,* **ssp.n.:** 7 HT (male), 8 PT (female) - Iran (Kordestan), 6 km n. Sagez, 1500 m, 24.03.1996, W.Heinz; **Figs 9-12.** *D.* (*C.*) *s. subcorpulentum* Breuning, 1946, **new rank:** 9 - male, Iran, Gushchi (n.Urmia), 1700 m, 17.04.1996, W.Heinz; 10-12 - female, Iran, 15 km SE Salmas (Shahpur), 1300 m, loc.-Hashtian, 17.04.1996, W.Heinz.



Figs 13-14. *D.* (*C.*) *s. corpulentum* Ménétriés, 1832: 13 (male), 14 (female) - Azerbaijan, Talysh, Zuvand, 21.04-09.05.1988, A.Chuvilin; **Figs 15-16.** *D.* (*C.*) *s. scabricolle* (Dalman, 1817): 15 (male), 16 (female) - Georgia, Mtskheta, 07.04.2010.
1-2. *D.* (*C.*) *s. skoupyi,* **ssp.n.:** 1 - Ardabil pr., E of Khalkhal; 2 - 20 km NW Kiwi; **3-4.** *D.* (*C.*) *s. gilanense,* **ssp.n.: 3** - Gilan, Umg. Kharpu; 4 - Gilan, Deylaman E of Rudbar; **5-6.** *D.* (*C.*) *s. sagezense,* **ssp.n.:** 5 - 6 km N Sagez; 6 - 60 km NE of Takab; **7-9.** *D.* (*C.*) *s. subcorpulentum* Breuning, 1946, **new rank:** 7 - Paβ s. Gushchi (n.Urmia), 8 - 15 km SE Salmas (Shahpur), 9 - 25 km SW Khoy; **10-11.** *D.* (*C.*) *s. corpulentum* Ménétriés, 1832: (Azerbaijan) 10 - Gasmalyan 11 - Bilyasar.

Received: 09.02.2013
Accepted: 16.02.2013

Humanity space *International almanac* VOL. 2, No 1, 2013: 235-237

New species of *Agapanthia danilevskyi* from South Kazakhstan (Coleoptera, Cerambycidae)

M.A. Lazarev

Bolshaya Serpukhovskaya str. 34, building 4, apartment 79, Moscow 115093 Russia; e-mail: cerambycidae@fromru.com

Key words: Taxonomy, zoogeography, new species, Coleoptera, Cerambycidae, Agapanthia, Kazakhstan.
Abstract: A new species *Agapanthia danilevskyi* **sp. n.** is described from South Kazakhstan. It is similar to *A. villosoviridescens* (DeGeer, 1775), but elytra without erect setae.

Agapanthia danilevskyi sp. n.

(Fig 1)

Type locality. South Kazakhstan, left bank of Syrdarya River, about 41°16'N, 67°54'E, 260m.

Diagnosis. Only one male available; body moderately elongated; head with yellow pubescence, with very dense brush between antennae; genae about as long as lower eye lobe; eyes slightly convex, nearly flat, with deep emargination; antennae very thin, black, without setae tufts, reaching beyond elytral apices by 5 joints; 3rd antennal joint slightly lightened basally; 1st and 2nd joints with black pubescence; three basal forth of 3rd joint covered with white recumbent pubescence, apical forth with black pubescence; whole length of 3rd joint with long suberect setae concentrated epically; others joints covered with white pubescence to about half; the length of antennal joints: 1st - 3.3 mm, 2nd - 0,4 mm, 3rd - 4.0 mm, 4th - 2.5 mm, 5th - 2.0 mm, 6th - 1.6 mm, 7th - 1.5 mm; 8th - 1.4 mm, 9th - 1.4mm, 10th - 1.3 mm, 11th - 1.4 mm, 12th - 1.3 mm; prothorax transverse, its basal width 2.9mm, distal - 2.6mm, at middle - 3.0 mm; its length - 2.6 mm; pronotum with very dense, wide central and lateral yellow setae stripes, looks black in between, with several moderately long suberect black setae, without erect setae; pronotal punctation regular, very dense, but not conjugated; scutellum transversely-oval with dense yellow pubescence; elytra about 2.8 times longer than wide, parallelsided; with dense contrast small

yellow patches and nearly glabrous in between; with numerous adpressed black setae, but without erect setae; elytral apices slightly sharpened; elytral punctation very dense, partly transversally conjugated; larger than pronotal punctation; legs black, with very dense yellow (partly white-grayish) pubescence; ventral side of the body with very dense yellow and white-grayish pubescence, abdomen segments with numerous glabrous dots; body length: 15,4 mm, width: 4.0 mm.

Another sympatric desert *Agapanthia – A. auliensis* Pic, 1907 of similar size has red antennae, elytra covered with long black erect setae and with wide humeral grey stripes. Similar *A.villosovirdescence* is distributed very far northwards and can be easily distinguished from *A. danilevskyi* **sp. n.** by the presence of erect elytral setae.

Distribution. Kazakhstan: left bank of Syrdarya River just opposite Chardara, about 41°16'N, 67°54'E, 260m.

Material. Holotype, 1 male, South Kazakhstan, left bank of Syrdarya River opposite Chardara, about 41°16'N, 67°54'E, 260m, 22.4.1980, G.Nikolaev - collection of M.L. Danilevsky (Moscow, Russia).

Acknowledgements. I am very grateful to M.L. Danilevsky for providing me with specimens for study.

REFERENCES

DeGeer C. 1775. Mémoires pour servir à l'histoire des insectes. Tome cinquième. Stockholm: L'imprimerie Pierre Hesselberg, vii + 448 pp., 16 pls.

Pic M. 1907. Description de plusieurs longicornes rentrant dans la faune paléarctique. Pp. 9-13.- Matériaux pour servir à l'étude des longicornes. 6ème cahier, 2ème partie. Saint-Amand (Cher): Imprimerie Bussière, 28 pp.



Fig 1. *Agapanthia danilevskyi* **sp. n.:** holotype, male.

Received: 22.02.2013
Accepted: 25.02.2013

Humanity space *International almanac* VOL. 2, No 1, 2013: 238-246

The longicorn beetle genus *Oligoenoplus* Chevrolat, 1863 (Coleoptera: Cerambycidae) in China

A.I. Miroshnikov

Russian Entomological Society (Kuban Branch), Krasnodar, Russia
e-mail: miroshnikov-ai@yandex.ru
Sochi National Park, Moskovskaya str., 21, Sochi, Krasnodar region 354002 Russia

Key words: Coleoptera, Cerambycidae, Anaglyptini, *Oligoenoplus*, *Anaglyptus*, new species, little-known species, China.
Abstract: Although *Oligoenoplus* species are known to be mostly confined to the Oriental Region, only two congeners appear to currently occur in China. One of them, from Sichuan, is new: *Oligoenoplus gonggashanus* **sp. n.** It somewhat resembles the second Chinese congener, *O. modicus* Holzschuh, 2011, described recently from Henan, as well as *O. rosti* (Pic, 1911), widespread in Japan and the Kurile Islands, but differs securely from both latter taxa by a whole number of characters. The sole species until rather recently believed to represent *Oligoenoplus* in China (Catalogue …, 2010) actually belongs to a different genus, thus becoming *Anaglyptus annulicornis* (Pic, 1933), **comb. n.** Its type locality is precised. Some characters in *Oligoenoplus* species, including body size, are also discussed.

INTRODUCTION

Globally, the genus *Oligoenoplus* Chevrolat, 1863 encompasses at least 16 species and belongs to the tribe Anaglyptini Lacordaire, 1868. Most of the species are Oriental (Indo-Malayan) in distribution. The northernmost congener, *O. rosti* (Pic, 1911), populates Japan and the Kurile Islands. Ikeda (1987) certainly errs when treating a Nearctic species of *Microclytus* LeConte, 1873, namely, *M. compressicollis* (Castelnau et Gory, 1841), as well as the European *Anaglyptus mysticus* (Linnaeus, 1758) as representing *Oligoenoplus*.

Based on the latest catalogue (Catalogue…, 2010), until recently only one species of *Oligoenoplus* was formally known from China, namely, *O. annulicornis* Pic, 1933, described from Sichuan (Pic, 1933). Another species has since been added, *O. modicus* Holzschuh, 2011, from Henan (Holzschuh, 2011), thus exhausting all available information on *Oligoenoplus* in China.

A study both of some material from China and of literature

data allows for not only a new species to be discriminated and described, but also *O. annulicornis* to be newly transferred to *Anaglyptus* Mulsant, 1839. As a result, *Oligoenoplus* appears to be represented in the fauna of China by two species, both considered below.

MATERIAL

The types of the new species described herewith are kept in the collection of Mikhail Danilevsky (cMD), Moscow, Russia.

RESULTS

Oligoenoplus Chevrolat, 1863

Oligoenoplus Chevrolat, 1863: 337. Type species *Oligoenoplus ventralis* Chevrolat, 1863: 337 (South India), by monotypy. J. Thomson, 1864: 195; Gahan, 1906: 301; Aurivilius, 1912: 416; Kojima, Hayashi, 1969: 86; Hayashi, 1979: 29; Hüdepohl, 1992: 322; Catalogue …, 2010: 145.

Oligoenoplus modicus Holzschuh, 2011
(Figs 3, 4)

Oligoenoplus modicus Holzschuh, 2011: 320, Abb. 63a, 63b. Type locality: China, Henan Province, Funiu Shan, Baotianman, 33°50'N, 111°90'E (according to the original description).

Remarks. The original description and quality colour pictures of both male holotype and female paratype of this species (Figs 3 & 4) are quite sufficient for securely distinguishing it from the new congener described below.

Oligoenoplus gonggashanus Miroshnikov, sp. n.
(Figs 1, 2)

Diagnosis. The new species somewhat resembles *O. rosti* (Pic, 1911) and *O. modicus* Holzschuh, 2011, but differs well from both by the elytra considerably attenuating apicad, their apex being narrower than in the two species compared. In addition, antennomere 3 in *O.*

gonggashanus **sp. n.** is much shorter in relation the 4th than in the above two species compared, the ratios of antennomere 3 to antennomeres 5–7 also being different. Besides this, the pronotum is equipped with only few, long, thin, erect setae, yet coupled with a contrasting (like the elytral pattern) light clothing of recumbent setae in its basal part, at the apex and on its sides. The elytral pattern and a few more characters in the new species are peculiar as well.

Description. Body length 9.5–11 mm, humeral width 2.4–2.9 mm. Black, antennae red, male antennomere 1 strongly, mostly dorsally blackish, female one only partly infuscate, in both sexes antennomeres 3–5 infuscate at apex; femora basally, tibiae and tarsi completely or nearly completely red, male ones being partly darker than female ones; elytra appearing reddish apically.

Head dorsally with coarse fused puncturation mostly forming a meshwork, with well-developed antennal tubercles; male antennae slightly longer than body, in female reaching the front edge of apical elytral fascia; antennomere 2 slightly longitudinal, 3rd one 1.3 times longer than 4th and subequal to each of antennomeres 5, 6 or 7; internal apical angle of antennomeres 3–5 with a small, but evident spine, this being better developed in 3rd.

Pronotum scarcely longitudinal, barely broader at apex than at base, disc very faintly convex behind middle, surface of pronotum with coarse, dense, mostly fused and irregular puncturation.

Scutellum triangular, longitudinal, somewhat roughly sculptured and with only few punctures.

Elytra evidently attenuating from base towards apex, 2.65–2.69 times as long as broad at base, considerably elevated basally and here in male flanked on each side of suture by a keel-shaped longitudinal elevation not traceable in female; each elytron abruptly narrowed at apex, narrowly rounded at margin, with rather fine, in places thinned out or condensed and even fused puncturation; humeral angle rounded.

Process of prosternum about twice as narrow as that of mesosternum; metasternum with a clear-cut axial suture, finely and moderately densely punctured; sternites with irregular, in places condensed puncturation, punctures being much more sparse and coarse; last visible sternite in male truncate at apex, faintly and narrowly excavate, versus evidently impressed towards and broadly

rounded at apex in female.

Legs slender, moderately elongate, femora clearly claviform; metatarsomere 1, 1.37–1.4 times longer than both following metatarsomeres combined.

Head mostly, pronotum laterally, at base (like a broad, posteriad strongly concave fascia) and apex (like a comparatively narrow fascia), scutellum, elytra mainly with fasciae, prosternum, partly mesosternum, entire metasternum, as well as partly sternites and legs clothed with recumbent white setae, the setation generally being denser in male, and the most dense on mesepimera, along upper border and at apex of metepisterna, at apex of metasternum, on sides of apical part of visible sternite 1, and at bases of visible sternites 2–4; antennae clothed with fine and white pubescence; each elytron with a humeral spot, a narrow oblique fascia in basal third, a similarly narrow, oblique, but shorter fascia (clearly not reaching the lateral margins of elytra) in front of middle, a transverse, moderately broad fascia behind middle, these latter two fasciae even partly not being fused to each other, and finally a broad apical fascia with its apicalmost part free from dense setation to about the length of last metatarsomere; pronotum on disc and both elytra mostly between fasciae with more or less dense, recumbent, dark setation; head, antennae, legs and venter with more or less long, thin, sparse, erect or suberect, light setae, these being dense mainly at apex of male abdomen; pronotum with similar, but few setae on sides, as well as at base and apex, such setae being absent from disc, but comparatively more numerous on elytral disc and the longest at base of elytra.

Material. Holotype, male (cMD), China, Sichuan Prov., Luding, Gongga Shan, upper Hailuogou Valley, 2700–3200 m, 29°35'N, 101°59'E, coniferous forest, 4.07.1994, K. & B. Březina leg.; 1 paratype, female (cMD), with the same label.

Name. The species epithet derives from Gongga Shan, the name of one of China's most picturesque mountains in Sichuan Province, whence the types have been taken.

A.I. Miroshnikov

Anaglyptus annulicornis (Pic, 1933), comb. n.

Oligoenoplus annulicornis Pic, 1933: 6 («Chine: Nitou Tatsienhu (sic!) Szechuan»). Type locality: see remarks below. Hua, 1982: 44 (*anulicornis*, sic!); Catalogue …, 2010: 145.

Remarks. Pic (1933) provided the following original description of *Oligoenoplus annulicornis*: "Elongatus, niger, luteo pubescens, thorace nigro bimaculato, elytris in singulo longitudinaliter nigro 4 maculatis; antennis sat brevibus, nigris, apice brunnescentibus, articulis 3 et sequantibus ad basin griseo pubescentibus. Capite minute; thorace parum elongato, lateraliter subarcuato; elytris thorace valde latioribus, elongatis, postice attenuatis, apice truncatis, externe dentatis, minute et dense punctatis, ad basin paulo elevatis et infra humeros minute excavatis, humeris glabris; femoribus diverse clavatis. Long. 17 mill. Chine: Nitou Tatsienhu (sic!) Szechuan (coll. Em. Reitter). Espèce très distincte par son revêtement (mimant celui de *C*. (*Chlorophorus***,** emphases mine) *glabromaculatus* Goeze) joint à ses antennes annelées de gris."

Some of the characters, in particular body size and the shape of the external angles of the elytral apices, as well as the pattern on the pronotum and elytra so far as presently known in various *Oligoenoplus* species might justly allow the reader to question Pic's generic allocation. Gressitt (1951) ignored it altogether. It is noteworthy that the maximum body size in *Oligoenoplus* spp., 13 mm, has been recorded in *O. tonkinensis* Schwarzer, 1926, followed by 8.5–11.3 mm in *O. albofasciatus* Dauber, 2006, 9.5–11 mm in *O. gonggashanus* **sp. n.** (see above), 7–11 mm in *O. ventralis* Chevrolat, 1863 (Chevrolat, 1863; Gahan, 1906), 6–11 mm in *O. rosti* (Pic, 1911) (Pic, 1911; Kojima, Hayashi, 1969; Kusama, Takakuwa, 1984; Ikeda, 1987), 10.2 mm in *O. candidus* Holzschuh, 2011, 8–10 mm in *O. murinus* (Allard, 1894) (Allard, 1894; Gahan, 1906), 7.9–9.7 mm in *O. vetulus* Holzschuh, 2011, 6.1–9.2 mm in *O. modicus* Holzschuh, 2011, 7–9 mm in *O. luzonicus* Schwarzer, 1926, 7.1–8.1 mm in *O. chewi* Dauber, 2006, 6.9–8 mm in *O. fulgidipennis* Holzschuh, 2011, 7.3 mm in *O. heteros* Dauber, 2008, 7 mm in *O. olivaceosignatus* Hayashi, 1979, 6–7 mm in *O. variicornis* Aurivillius, 1924 or 6.5 mm in *O. malayanus* Hayashi, 1979. The

external apical angle in *Oligoenoplus* spp. is always rounded, devoid at least of a clear-cut tooth or denticle.

In an attempt to relocate and revise the type of *O. annulicornis*, I have failed to find anything helpful in the literature. That the holotype is absent from the collection of the "Musée National de Prague" (http://lully.snv.jussieu.fr/titan/) has been confirmed by Vítězslav Kubáň (Národni Museum Prague, Czech Republic) (personal communication of 03.12.2012). A similar outcome has been achieved when searching in the Muséum national d'Histoire naturelle in Paris, France in September 2012 (Sergey Murzin, personal communication), where the bulk of the Pic Collection is housed. Nor has the type been traced in the Természettudományi Múzeum, Budapest, Hungary) (Ottó Merkl, personal communication of 17.09.2012). The same concerns the Slezské zemské muzeum (Opava, Czech Republic) (Jindřich Roháček, personal communication of 04.12.2012), these two latter museums being amongst the main repositories where the Reitter Collection is currently stored. Fortunately, Vítězslav Kubáň has finally found out the holotype of *O. annulicornis* to actually be kept in the Naturhistorisches Museum Basel, Switzerland, incorporated there together with the Frey Collection. Furthermore, Luboš Dembický (Brno, Czech Republic), who took a quality picture of the holotype while in Basel in 2001 (personal communication of 17.01.2013), has very kindly shared it with me.

As a result, based both on the original description and the picture by Dembický, I have no doubt to formally transfer *O. annulicornis* to *Anaglyptus*, **comb. n.**

As regards the type locality, "Tatsienhu" as given by Pic (1933: 6) is only a slightly misspelled "Tatsienlu", which in its turn represents an old name for Kangding County. The misspelling "Tatsienhu" is repeated in the description of a different species on the same page, but on page 7, this time referring to yet another species, "Tatsienlu" is quoted correctly. Maybe these are simply misprints, but this mistake might have concerned the original labels as well.

The current subgeneric classification of *Anaglyptus* is so deficient that I am inclined to avoid the use of any subgenus name to allocate a species of this genus.

Acknowledgements. I am most grateful to Mikhail Danilevsky, who kindly rendered to me for study the material of the new species described above. Vítězslav Kubáň, Ottó Merkl, Sergey Murzin, Jindřich Roháček, as well as Alexey Solodovnikov (Natural History Museum of Denmark, Copenhagen) and Tomáš Tichý (Opava, Czech Republic) most helpfully looked for, but only Vítězslav Kubáň finally succeeded, to relocate the holotype of *Oligoenoplus annulicornis*. Luboš Dembický very skillfully photographed the types of *O. modicus* Holzschuh, 2011 and the holotype of *Anaglyptus annulicornis*, and he also very kindly allowed me to use some of them in this paper. Sergey Kakunin (Krasnodar, Russia) helped a lot in preparing the illustrations for the present publication. Special thanks go to Meiying Lin (Institute of Zoology, Chinese Academy of Sciences, Beijing, China) for some clarifications concerning the Chinese localities.

REFERENCES

Allard E. 1894. Descriptions de Coléoptères nouveaux.- Le Naturaliste. 16 (2). 177: 162.

Aurivillius C. 1912. Cerambycidae: Cerambycinae.- In: Coleopterorum Catalogus (ed. S. Schenkling). Pars 39. Berlin: W. Junk. 574 p.

Aurivillius C. 1924. Neue oder wenig bekannte Coleoptera Longicornia. 19.- Arkiv för Zoologi. 15 (25) [1923]: 437-479.

Catalogue of Palaearctic Coleoptera (Löbl I., Smetana A., eds.). 2010. Vol. 6. Chrysomeloidea. Stenstrup: Apollo Books. 924 p.

Chevrolat L.A.A. 1863. Clytides d'Asie et d'Océanie.- Mémoires de la Société Royale des Sciences de Liège. 18: 253-350.

Dauber D. 2006. Sechsundzwanzig neue Clytini aus Malaysia vornehmlich Borneo und Sumatra (Coleoptera, Cerambycidae, Cerambycinae).- Linzer biologische Beiträge. 38(1): 423-453.

Dauber D. 2008. Elf neue Clytini und Anaglyptini aus Malaysien und Indonesien (Coleoptera, Cerambycidae, Cerambycinae).- Linzer biologische Beiträge. 40 (2): 1193-1209.

Gahan C. J. 1906. The fauna of British India including Ceylon and Burma. Coleoptera. Vol. 1 (Cerambycidae). London: Taylor and Francis. xviii + 329 p.

Gressitt J. L. 1951. Longicorn Beetles of China.- In: Lepesme P. Longicornia. Études et notes sur les Longicornes. Vol. 2. Paris: Paul Lechevalier. 667 p. + 22 pls.

Hayashi M. 1979. Study on Cerambycidae from West Malaysia (Col.). Part 2.- Bulletin of the Osaka Jonan Women's Junior College. 13: 51-87.

Holzschuh C. 2011. Beschreibung von 69 neuen Bockkäfern und 6 neuen Gattungen aus Asien, vorwiegend aus Borneo, China, Laos und Thailand (Coleoptera, Cerambycidae).- Entomologica Basiliensia et Collectionis Frey. 33: 249-328.

Hua L.-Z. 1982. A check list of the longicorn beetles of China (Coleoptera:

Cerambycidae). Guangzhou: Zhongshan University. 159 + 2 p.

Hüdepohl K.-E. 1992. The longhorn beetles of the Philippines. Part 3 (Coleoptera, Cerambycidae: Callichromatini, Clytini, Glaucytini).- Entomofauna. 13 (21): 297-339.

Ikeda K. 1987. A revision of *Oligoenoplus rosti* (Pic) and its adjacent species (Coleoptera, Cerambycidae), including a key to the Holarctic genera of Anaglyptini and a description of a new subspecies.- Gekkan-Mushi. 200: 10-13 (in Japanese with English summary).

Kojima K., Hayashi M. 1969. Vol. 1. Longicorn beetles.- In: Insects' life in Japan. Osaka: Hoikusha. 295 p. + 56 pls.

Kusama K., Takakuwa M. 1984. The longicorn-beetles of Japan in color. Tokyo: Kodansha (Japanese Society of Coleopterology). 565 p. (with 96 pls).

Pic M. 1911. Contribution à l'étude du genre *Anaglyptus* Muls.- Matériaux pour servir à l'étude des Longicornes. 8^{me} cahier. 1re partie. Saint-Amand (Cher): Imprimerie Bussière: 10-15.

Pic M. 1933. Espèces et variétés nouvelles.- Matériaux pour servir à l'étude des Longicornes. 11^{e} cahier. Saint-Amand (Cher): Imprimerie Bussière: 4-7.

Schwarzer B. 1926. Beiträge zur Kenntnis der Cerambyciden.- Entomologische Mitteilungen. 15(1): 6-14.

Thomson J. 1864. Systema cerambycidarum ou exposé de tous les genres compris dans la famille des cérambycides et familles limitrophes. P. 1-352. Liège: H. Dessain. 578 p.



Figs 1-4. *Oligoenoplus* species from China:
1-2. *O. gonggashanus* Miroshnikov, **sp. n.**: 1 - male, holotype; 2 - female, paratype;
3-4. *O. modicus* Holzschuh, 2011 (after Holzschuh, 2011, but photographs in colour, reproduced courtesy of Luboš Dembický): 3 - male, holotype; 4 - female, paratype.

Received: 09.02.2013
Accepted: 11.02.2013

Humanity space *International almanac* VOL. 2, No 1, 2013: 247-251

Description of two new *Carabus* L., 1758 taxa from Central Sichuan Province, China (Coleoptera: Carabidae: Carabinae)

Ivan Rapuzzi

Via Cialla 47, 33040 Prepotto (Udine), Italy
e-mail: info@ronchidicialla.it

Key words: Carabus, Pagocarabus, Pseudocoptolabrus, taliensis, new species, new subspecies, Shimian, Sichuan, China.
Abstract: Two new *Carabus* L., 1758 taxa from Central Sichuan Province, China, are described and figured: *Carabus* (*Pagocarabus*) *huangcaoshanicus* **sp. n.** and *Carabus* (*Pseudocoptolabrus*) *taliensis shimianensis* **ssp. n.** Comparative notes with the closes taxa are provide.

INTRODUCTION

Central Sichuan has a very complex orography and consist of numerous mountain ranges forming the easternmost part of the Tibetan Plateau. Deep valley crossed by large rivers separate the mountain systems, a great variety of climate conditions and biodiversity are characteristic of the area. The *Carabus* fauna of the area is of a great interest, a large number of species and subspecies are known (Brezina, 2003; Deuve, 1997; Deuve, 2004). The opportunity to study some *Carabus* specimens collected from the mountain area of Shimian, Central Sichuan, China, permit me to describe two new Taxa: *Carabus* (*Pagocarabus*) *huangcaoshanicus* **sp.n.** and *Carabus* (*Pseudocoptolabrus*) *taliensis shimianensis* **ssp.n.**

Carabus (*Pagocarabus*) *huangcaoshanicus* sp. n.

(Figs 1, 2)

Description of Holotype male. Length including mandibles: 25,5 mm, maximum width of elytra: 8 mm. Color black with copper metallic luster on head, dorsum and pronotum; mat. Ticked head; neck of normal shape, strongly punctured and rugulose; big and prominent eyes of hemispheric shape; vertex moderately convex, surface very strongly relevated and rugulose. Mandibles long and

strong, curved uniformly. Retinacular teeth of mandibles bidentate. Labrum bilobate. Long and thin palpi, sub apical segment of labial palpi bi setose. Apical segment of maxillary and labial palpi moderately dilated. Tooth of mentum large and acuminate, shorter than lateral lobes. Antennae very thin, extending with 5 antennomers beyond the prenatal base and extending more or less the apical half of elytra.

Very small pronotum of trapeze shape, sinuate, slightly transverse (1,18 times as broad as long), maximum width on the anterior third; disc of pronotum flat; sides of pronotum very narrow margined, not bent upwards; hind angles not protruding behind its base; surface of pronotum uniformly and very strongly roughly punctured; basal depressions small.

Elytra very elongate, narrow, oval, convex, maximum width behind the middle; shoulders narrow, angolate; sculpture triploid eterodyname, primary segments larger and more elevate, secondary and tertiary intervals of the same size forming chains of small rounded tubercles.

Male aedeagus very characteristic. In frontal view (Fig. 3a) regularly curved with median lobe rather enlarged and developed apical lobe sub-rectilinear with apex in shape of spatula. In lateral view (Fig. 3b) the apical lobe is very elongated and rectilinear.

Variability of the Paratype. Very small variability: the length of the body ranges between 25 mm / 27,5 mm in the males and mm 26 / 29,5 mm in the females. The pronotum is a little more transverse in the females than in males.

Materials. Holotype, 1 male, China, Sichuan Province, Yaan, Shimian, Mt. Huangcao Shan, VII.2012; preserved in the autor's collection; 7 paratypes: 2 males, 5 females, China, Sichuan Province, Yaan, Shimian, Mt. Huangcao Shan, VII.2012; preserved in the autor's collection.

Discussion. The new species is very characteristic and differs to all known *Pagocarabus taxa* living in the area. The closest *taxa* seems to be *Carabus* (*Pagocarabus*) *trachynodes* Bates, 1891 and *Carabus* (*Pagocarabus*) *sichuanicola* Deuve, 1989. From *C.* (*P.*) *trachynodes* the new species differs for the bigger size of the body and the shape of the male aedeagus with more developed medium lobe and the spatulate apex. From *C.* (*P.*) *sichuanicola* the new taxon differs for the ticked and strongly punctured and rugulose head; the shape of

pronotum with the hind angles not protruding behind its base, the surface of pronotum roughly punctured; the elytral sculpture more roughly with the primary segment larger and very interrupted secondary and tertiary ones; spatula shape of the apex of male aedeagus.

Etimology. The given name is the typical locality of the new species.

***Carabus* (*Pseudocoptolabrus*) *taliensis shimianensis* ssp. n.**

(Figs 4, 5)

Description of Holotype male. Length including mandibles: 29,5 mm, maximum width of elytra: 8,5 mm. Upper side black with very faint green-blue tint, mat. Legs, antennae and palpi black.

Head moderately ticked but elongate, large as the base of pronotum; long neck; hemispheric eyes, moderately prominent; vertex nearly flat, surface faintly punctured and faintly rugulose. Mandibles very long and narrow, evenly curved. Retinacular teeth of mandibles bidentate, the left a little more developed than the right. Long palpi; apical segment of maxillary and labial palpi moderately dilated; sub apical segment of labial palpi multi setose. Antennae very long and thin, extending over the apical half of elytra.

Small and elongate pronotum (as broad as long), cordate, widened in the anterior third, very narrowed to the base, sides sinuous; basal angles acute, very few prominent; disc flat with a carachtristic relieved plate; upper surface of pronotum densely punctured, wrinkled near its base; basal depressions deep.

Elytra very narrow and very elongate, slender; shoulders narrow and rounded; elytral disc very convex; sculpture strong, triploid eterodyname type: primary tubercles aligned and separated by rounded and very deep foveae, secondary and tertiary granules irregularly disposed between the primary intervals.

Legs very long and thin. Adhesive sole of 4th male protarsal segment reduced.

Male aedeagus (Fig. 6a, 6b).

Variability of the Paratype. In general very few variability: only the length of the body ranges from 29 mm to 32 mm.

Materials. Holotype, 1 male, China, Sichuan Province, Yaan, Shimian, Mt. Huangcao Shan, VII.2012; preserved in the autor's collection; 4

paratypes: 2 males, 2 females, China, Sichuan Province, Yaan, Shimian, Mt. Huangcao Shan, VII.2012; preserved in the autor's collection.

Discussion. The discovery of *C.* (*P.*) *t. shimianesis* new subspecies is of a great interest: the collecting locality is close to the typical locality of *C.* (*Pseudocoptolabrus*) *armiger* Imura, 1997. Despite the geographical vicinity of the new taxon with *C. armiger*, it belongs to *C. taliensis* species and the closes form is the subspecies *liqiuensis* Imura, 1999. From *C. t. liqiensis* the new *taxon* differs for the ticked head; the smaller pronotum much more densely punctured; the more slender body; elytral sculpture strongly relieved; and the smaller aedeagus, more regularly curved with more rounded and less curved apex (compare Figs. 6a, 6b with figs. 7a, 7b).

Etimology. The given name of the new taxa is the name of the village near by the typical locality.

REFERENCES

Bates H.W. 1891. Coleoptera collected by Mr. Pratt on the Upper Yang-tsze, and on the borders of Tibet. Second notice. Journey of 1890.- The Entomologist. Dorking. Supplement. 24: 69.

Breuning S. 1932-1936. Monographie der Gattung Marabus L.- Bestimmungs-Tabellen der europäischen Coleopteren. 1610 pp. Troppau: E. Reiter ed.

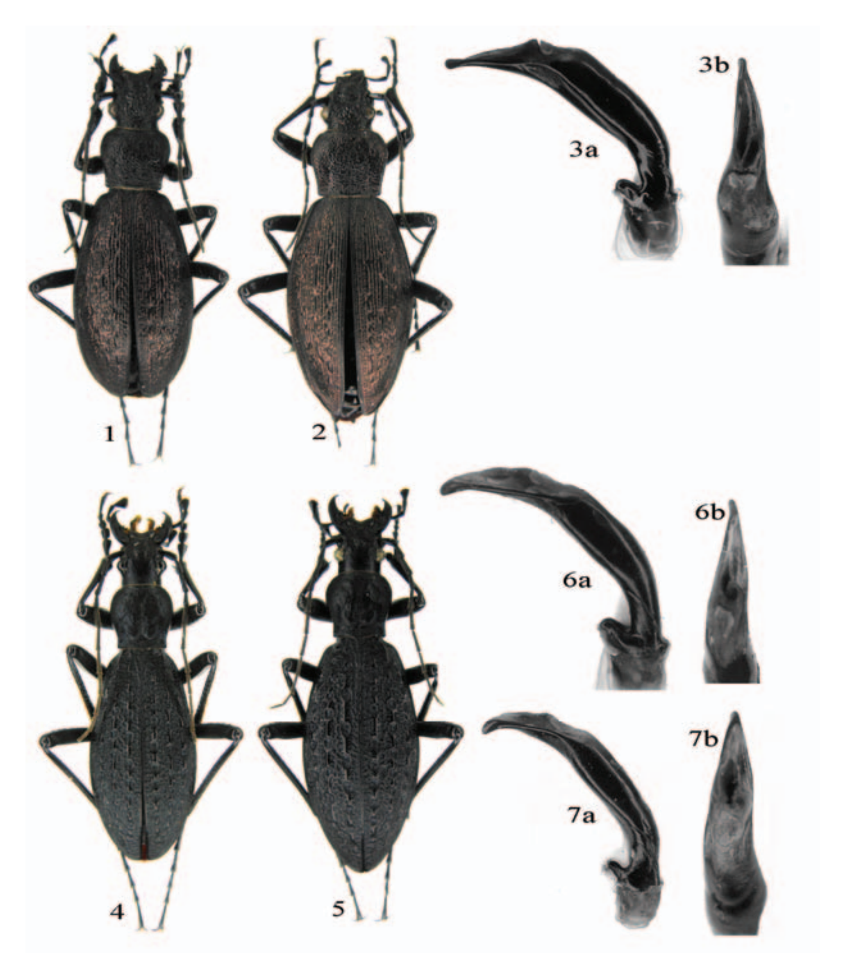
Brezina B. 2003. World Catalogue of the Genus Carabus L.- *Pensoft*, Sofia-Moscow, 1999: 170pp.

Deuve Th. 1989. Nouvequx Carabidae des collections de l'Institut Zoologique de l'Académie Sinica de Pékin (1).- Nouvelle Revue d'Entomologie (NS). Toulouse, 6: 170-171.

Deuve Th. 1997. Catalogue des Carabini et Cychrini de Chine.- Mémoires de la Societé entomologique de France, n 1: 1-236.

Deuve Th. 2004. Illustrated Catalogue of the Genus Carabus of the World (Coleoptera, Carabidae).- Pensoft. Sofia-Moscow, 4:61 pp.

Imura Y. 1999. Ten new taxa of the genera *Carabus* and *Cychrus* from China.- The Japanese Journal of Systematic Entomology, 5(1): 141.



Figs. 1-2, 3 (a, b). *Carabus* (*Pagocarabus*) *huangcaoshanicus* **sp. n.:** 1 - Holotype, male, 2 - Paratype, female, 3a - male aedeagus frontal view, 3b - male aedeagus lateral view.

Figs 4-5, 6(a-b). *Carabus (Pseudocoptolabrus) taliensis shimianensis* **ssp. n.**: 4 -Holotype, male, 5 - Paratype, female, 6a - male aedeagus frontal view, 6b - male aedeagus lateral view.

Figs 7 (a, b). *Carabus (Pseudocoptolabrus) taliensis liqiuensis* Imura, 1999 (ex China, Sichuan Province, Kangding Xian, Sabde env., 3400m, 25.VI.2001, M. Janata leg.): 7a - male aedeagus frontal view, 7b - male aedeagus lateral view.

Received: 06.02.2013
Accepted: 07.02.2013

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал “Гуманитарное пространство” международный альманах (Journal “Humanity space” international almanac) публикует статьи, являющиеся результатом научных исследований. К печати принимаются оригинальные исследования, содержащие новые, ранее не публиковавшиеся результаты; обзоры, аналитические и концептуальные разработки по конкретным проблемам гуманитарных, естественнонаучных и медицинских наук.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.
Редакция журнала оставляет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописей и возвращать без регистрации рукописи, не отвечающие настоящим правилам и требованиям.

Редакция не несет ответственности за полноту содержания и достоверность информации, материалов.
Авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации.

Статья присылается одним файлом, названным фамилией автора или первого автора (соавторов). Пример: Ivanov_2011.doc

<u>Оформление рукописи должно соответствовать следующим требованиям:</u>
– статья должна быть ясно и логично структурирована
– название (на английском и русском языках)
– фамилия, имя, отчество [полностью] (на английском и русском языках)
– звание, степень, должность (на английском и русском языках)
– место работы [полностью включая индекс, e-mail] (на английском и русском языках)
– ключевые слова (на английском и русском языках)
– резюме (на английском и русском языках)
– краткое введение с постановкой задачи и проблемой исследования

– материал и методы
– описание и анализ результатов
– обсуждение и заключение
– благодарности и ссылки на номера грантов
– список литературы
– таблицы черно-белые без графики и полутанов (каждая на отдельной странице)

объем присланного материала не должен превышать 10000 знаков включая пробелы (6 машинописных страниц)
размер листа: А4
редактор: Microsoft Word [Word for Windows 2003]
формат: *.doc
шрифт: Times New Roman
кегль: 14 обычный — без уплотнения
текст без переносов
междустрочный интервал - полуторный (компьютерный)
выравнивание по ширине
поля: верхнее, нижнее, правое, левое - не менее 2 см
номера страниц внизу по центру
абзацный отступ 1,2 см
сноски отсутствуют
ссылки на литературу приводятся по тексту в круглых скобках
список литературы располагается в конце текста (входит в общий объем статьи)

Рукописи не должны содержать диаграмм, схем, фотографий, рисунков

Авторы получают оттиск своей статьи в виде PDF-файлов.

Образец оформление статьи:

Иванова Екатерина Павловна
доктор философских наук, профессор философского факультета
Ph.D., professor of the Faculty of Philosophy

Методологические аспекты перехода от парадигм обучения к парадигме самообразования

Е.П. Иванова

Московский Педагогический Государственный Университет
119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1
Moscow State Pedagogical University
Malaya Pirogovskaya str. 1, Moscow, 119991 Russia; e-mail: info@info.com
Ключевые слова: виды парадигм, парадигма обучения, парадигма самообразования, особенности парадигмы профессионального самообразования в вузе, дидактический комплекс самообразования.
Key words: kinds of paradigms, training paradigm, self-education paradigm, peculiarity of self-education paradigm at a higher school, didactical complex of selfeducation.
Резюме: В статье обосновывается парадигма самообразования в сопоставлении с частными и локальными педагогическими парадигмами. В качестве методологических основ парадигмы самообразования рассматриваются ее историческая преемственность, информационная направленность и реализация в атрибутах обучения.
Abstrct: The article settles the self-education paradigm in comparison with particular and local pedagogical paradigms. Historical succession, information trend and realization in attributes of training are considered as a methodological basis of self-education paradigm.
[Ivanova E.P. Methodological aspects of transition from training to selfeducation paradigms**]**

[Текст статьи]

ЛИТЕРАТУРА

Баткин Л.М. 1989. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука. 272 с.
Лихачев Д.С. 1969. Внутренний мир художественного произведения. - Вопросы литературы. 8: 29-33.
Лотман Ю.М. 1992. Культура и взрыв. М.: Гнозис. 272 с.

Лурье С., 1994. Антропологи ищут национальный характер // Знание-сила. 3: 48-56.
Хайдеггер М. 1993. Время картины мира. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика. 447 с.
Bedini S.A. 1965. The evolution of science museums. - Technology and .culture. 5: 1-29.
Boettiger C. 1808. Uber Museen and Antikensammlungen. Leipzig: Behr. 31 s.

INSTRUCTIONS TO AUTHORS

Journal “Humanity space” international almanac publishes research articles. Texts could be original research, containing new, previously unpublished results, reviews, analysis and conceptual manuscripts on the specific problems of the humanities, natural and medical sciences.

The decision on edition is taken by the editorial board of the almanac.The editorial staff reserves the right to make editorial changes and the reduction of manuscripts and return the manuscripts which are not corresponded to the rules and requirements.

The editors are not responsible for the completeness of the content and accuracy of the information and materials.

It is author’s responsibility for the manuscripts’ content, proper translation, quotes, bibliography, abstracts and etc.

Article had to be sent in one file, called the author's name or the first author (coauthors). Example: Ivanov_2011.doc

The manuscript had to be corresponded to the following requirements:

- Article had to be clearly and logically structured
- Name (in English and Russian)
- Surname, first name [full] (in English and Russian)
- The title, degree, position (in English and Russian)
- Place of work [including a full index, e-mail] (in English and Russian)
- Key words (in English and Russian)
- Abstract (in English and Russian)
- A brief introduction to the issue’s problem
- Methods
- Description and analysis of research results
- Discussion and conclusion
- Gratitudes and links to the numbers of grants
- A list of references
- A table in black and white with no graphics and semitones (each on separate page)
- Manuscript’s volume should not exceed 10 000 characters including spaces (6 pages)

- Paper size: A4
- Editor: Microsoft Word [Word for Windows 2003]
- Format: *. Doc
- Font: Times New Roman a size 14 regular
- Seal text without hyphenation Line spacing - one and a half (computer)
- Full justification margins: top, bottom, right, left - at least 2 cm
- Page numbers at the bottom of the center
- Indent 1.2 cm
- There are no footnotes
- References are given in the text in parentheses
-references located at the end of the text (included in the total amount of the article)

Manuscripts should not contain charts, diagrams, photographs, drawings

Authors will receive a reprint of his article as a PDF-file.

The sample design of the article:

Ivanova Ekaterina Pavlovna
Ph.D., professor of the Faculty of Philosophy

Methodological aspects of transition from training to selfeducation paradigms

E.P. Ivanova

Moscow State Pedagogical University
Malaya Pirogovskaya str. 1, Moscow, 119991 Russia
E-mail: info@info.com

Key words: kinds of paradigms, training paradigm, self-education paradigm, peculiarity of self-education paradigm at a higher school, didactical complex of selfeducation.
Abstrct: The article settles the self-education paradigm in comparison with particular and local pedagogical paradigms. Historical succession, information trend and realization in attributes of training are considered as a methodological basis of self-education paradigm.

[Text of article]

REFERENCES

Bedini S.A. 1965. The evolution of science museums. - Technology and .culture. 5: 1-29.
Boettiger C. 1808. Uber Museen and Antikensammlungen. Leipzig: Behr. 31 s.

Содержание // Contents

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ / CHARITIES

ПЕДАГОГИКА И ОБРАЗОВАНИЕ
PEDAGOGY AND EDUCATION

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / PHILOLOGY

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА / MODERN LITERATURE

ЭКОНОМИКА / ECONOMICS

ЭНТОМОЛОГИЯ / ENTOMOLOGY